

ISSN 0321-0359

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У.І.Леніна

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Эканоміка
Права

3 '91

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У.І. Леніна

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ 3

**Гісторыя
Філасофія
Эканоміка
Права**

3'91

ЛІСТАПАД

МІНСК
„УНІВЕРСІТЭЦКАЕ”

Галоўны рэдактар В. Р. РУДЗЬ
Адказы сакратар П. М. БАРАНОУСКІ

Рэдакцыйная калегія серыі:

У. К. КОРШУК (адказы рэдактар),
М. І. БАЗЫЛЕУ, В. М. ГАДУНОУ, С. Р. ДРАБЯЗКА,
П. П. ДРОНЬ (нам. адказнага рэдактара), А. М. ЕЛСУКОУ,
Э. М. ЗАГАРУЛЬСКІ, П. І. ЗЯЛІНСКІ, А. І. ЗЕЛЯНКОУ,
Ю. Л. КАЗАКОУ (адказы сакратар), П. М. КОБРЫНЕЦ,
А. А. МІХАЙЛАУ (нам. адказнага рэдактара), М. В. НАУ-
ЧЫЦЕЛЬ, М. В. РОЖЫН, П. А. ШУПЛЯК

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ЛЕНИНА

Серия 3, № 3, 1991

Издательство «Университетское».
220048, Минск, проспект Машерова, 11. Дом книги.
Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-42.

На русском и белорусском языках

Рэдактар *А. А. Сычоў*
Малодшы рэдактар *Г. М. Добыш*
Мастацкі рэдактар *Дз. Я. Дзівін*
Тэхнічны рэдактар і карэктар *Г. І. Хмарун*

Здадзена ў набор 12.09.91. Падпісана да друку 28.10.91. Фармат
70×108^{1/16}. Пэпера друк. № 1. Друк высокі. Ум. друк. арк. 7.0. Ум.
фарб.-адб. 7,35. Ул.-выд. арк. 8,29. Тыраж 830 экз. Заказ 542. Цана 1 р.

Выдавецтва «Універсітэцкае». 220048, Минск, праспект Машэрава, 11.
Дом кнігі.
Адрас рэдакцыі: 220080, Минск, Універсітэцкі гарадок, тэл. 20-65-42.

Ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга друкарня выдавецтва «Беларускі
Дом друку». 220041, Минск, Ленінскі праспект, 79.

© Веснік БДУ імя У. І. Леніна, 1991

Л. В. ПУЧКОВА

БОРЬБА СОЛДАТСКИХ МАСС ЗАПАДНОГО ФРОНТА В 1917 г. ЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ МИР

В феврале 1917 г. был свергнут царизм, победила буржуазно-демократическая революция.

Главной особенностью политической жизни страны после свержения самодержавия явилось двоевластие Временного правительства и Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Временное правительство стремилось полностью сохранить власть в своих руках, проводить политику в интересах буржуазии и помещиков, удержать армию в повиновении, обеспечить ее боеспособность для дальнейшего продолжения империалистической войны.

Солдатские массы Западного фронта с революцией связывали надежды на окончание кровопролитной войны, отмену произвола начальников, решение вопроса о земле, улучшение своего материального положения. Они читали и перечитывали каждую телеграмму нового правительства, каждый информационный бюллетень, попадавший на фронт. Любой намек на продолжение войны вызывал у солдат негативное отношение к новому правительству.

В апрельских военных сводках командования Западного фронта о настроении войск отмечалось, что «в армиях развивается пацифистское настроение. В солдатской массе зачастую не допускается мысли не только о наступательных действиях, но даже и о подготовке к ним»¹. Об антивоенных настроениях солдат в тот период на фронте свидетельствуют также их письма родным и близким.

Одной из политических форм выступления солдат против войны было открытое выражение недоверия Временному правительству. Антиправительственные выступления в армии имели место уже в апреле 1917 г. Особенно они усилились после того, как солдатам стало известно о содержании ноты, направленной Министром иностранных дел Милюковым странам Антанты. В ноте Временное правительство заявило о своей готовности продолжать войну «до победного конца», соблюдать все союзнические обязательства царского правительства.

На ноту Милюкова армия ответила широкой волной антивоенных выступлений. «Мы требуем от Временного правительства,— говорилось в резолюции комитета солдатских депутатов 16-го Гродненского Мингрельского полка,— взять обратно свою ноту и отказаться от завоевательской политики. Вместе со всей революционной демократией мы громко заявляем «Долой империализм! Да здравствует мир и братство народов!»²

С осуждением ноты Милюкова выступил Минский Совет рабочих и солдатских депутатов³. Решение Совета было широко распространено среди солдат фронта. Совет признал, что нота Милюкова находится в полном противоречии с волей народа. Резолюции, осуждающие захватническую политику Временного правительства, приняли солдаты 143-го тылового этапа, 461-го транспорта и 3-го обозного батальона Западного фронта, 8-го и 63-го сибирских стрелковых полков и многих других воинских частей⁴.

О росте антивоенных настроений свидетельствует также первое свободное празднование на фронте 1 Мая. Пролетарский праздник совпал с опубли-

кованием ноты Милюкова, и это еще больше усилило его антивоенную направленность.

Празднование 1 Мая на Западном фронте отмечалось очень широко. «С фронта, — писала «Правда», — сообщают: солдаты всюду участвовали в Первомайском празднике. В передовых окопах выкидывали красные флаги... на большинстве участков полное затишье»⁵. Солдаты германской армии также нередко поднимали над окопами красные флаги и прекращали военные действия. Во время первомайской демонстрации в Минске военнопленные шли рядом с русскими солдатами и несли знамена с лозунгами «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»⁶

Первомайские манифестации солдат Западного фронта внесли весомый вклад в фактическое перемирие, установившееся на фронте весной 1917 г. Большевики призывали солдат всячески поддерживать и распространять фактическое перемирие на фронте, так как оно способствовало быстрейшему заключению справедливого всеобщего мира⁷.

Понимая всю опасность происходившего на фронте, министр-председатель Временного правительства князь Львов требовал от командующих фронтами «вести самую решительную борьбу с «самоуправством» солдат, так как установившееся на отдельных участках русского фронта перемирие грозит сепаратным миром»⁸.

Вопросы войны и мира были главными в работе I съезда военных и рабочих депутатов армий и тыла Западного фронта, созданного по инициативе Минского Совета рабочих и солдатских депутатов. Съезд состоялся 7 апреля 1917 г. Защищая интересы рабочих и беднейших крестьян, революционная часть съезда во главе с большевиками провозгласила своей программой скорейшее окончание войны, немедленное разрешение земельного вопроса, превращение армии в вооруженную силу, защищающую интересы народа. Буржуазно-соглашательская часть съезда включила в свою программу требования: война до победного конца; поддержка Временного правительства; отсрочка разрешения земельного вопроса до созыва Учредительного собрания; обуздание разбушевавшейся окопной солдатской массы⁹.

За продолжение войны, поддержку Временного правительства, удержание армии вне политики ратовали все противники дальнейшего развития революции. Это была весьма широкая коалиция. На съезде в нее входили октябрист Родзянко, кадет Родичев, меньшевики Церетели, Чхеидзе, эсеры Николоаев, Нестеров, командующий Западным фронтом генерал Гурко.

Им противостояли делегаты-большевики, которые призывали солдат и рабочих к окончанию войны, переходу всей власти в руки рабочих и солдатских депутатов. На съезде от фракции большевиков выступил представитель ЦК РСДРП(б) Лашевич. Его речь, по воспоминаниям участника Октябрьской революции в Белоруссии большевика В. В. Фомина, произвела ошеломляющее впечатление. «Узнав о программе большевистской партии, многие солдаты-делегаты съезда начинали понимать, что их интересы может защищать только партия большевиков»¹⁰.

С интересом были встречены выступления солдат, прибывших на съезд прямо из окопов. Из их выступлений можно сделать вывод, что солдаты с надеждой смотрели на Советы рабочих и солдатских депутатов и готовы были защищать их с оружием в руках от посягательств со стороны буржуазии¹¹.

Вместе с тем, несмотря на начавшееся прозрение солдат, их сознание было затянато еще пеленой «революционного оборончества», соглашательской политики. Разоблачительные правдивые речи большевиков на съезде вызвали у них сочувствие, глубокие размышления о происходивших в стране событиях. Позднее В. В. Фомин вспоминал: «Однако настроение съезда не было еще на нашей стороне. Умами съезда все еще продолжали владеть эсеры». Это подтвердили принятые съездом решения: съезд призвал к продолжению войны, которая велась якобы для защиты «революционной России от всяких посягательств на нее извне»¹².

Борьба за солдатские массы осложнялась активной деятельностью реакционных офицеров, пытавшихся помешать нормальной деятельности солдатских комитетов, действовавших на Западном фронте. Некоторые комитеты под давлением командования заявляли, что они не должны заниматься вопросами войны и мира. Отрицательно сказывалась на антивоенной пропаганде большевиков политическая незрелость председателей некоторых солдатских комитетов, их нежелание активно бороться против войны. Они считали это делом правительства и командования. «Умели начать войну, пускай умеют и кончить, а нам нет дела до того, как это сделать»¹³, — заявили предсе-

датели полковых комитетов 170-й пехотной дивизии Западного фронта своему командованию.

Однако соглашательские решения по вопросам войны и мира вызывали недовольство в армии. К лету 1917 г. появились новые факторы, которые способствовали успешному разоблачению захватнического характера войны, антинародной политики Временного правительства, предательства лидеров эсеров и меньшевиков. Жизнь убеждала, что коалиционное правительство, сформированное в апреле 1917 г., остается верным принципам внешней политики, сложившимися еще при царизме. Лидеры мелкобуржуазных партий, став министрами коалиционного правительства, проявили себя как верные союзники империалистов, развернули деятельность по усилению военной активности России, тем самым с каждым днем все больше и больше разоблачали себя как ярые противники мира.

В борьбе за завоевание солдатских масс на сторону социалистической революции, рост их политической сознательности и антивоенную активность особое место занимает июнь 1917 г. — месяц последних приговоров, начала и бесславного конца летнего наступления на фронте, период ожесточенной борьбы солдатских масс против империалистической политики Временного правительства и поддержавших его контрреволюционных сил.

Оставаясь верным своему внешнеполитическому курсу, Временное правительство начало усиленную подготовку к летнему наступлению. Во внутренних военных округах призывались новобранцы в запасные части, формировались новые дивизии. Достаточно сказать, что только за четыре месяца своего существования Временное правительство дополнительно сформировало 129 дивизий¹⁴.

Временное правительство развернуло широкую пропагандистскую кампанию в интересах продолжения войны. Около 150 печатных органов буржуазного и соглашательского толка проповедовали одну и ту же мысль о необходимости довести войну «до победного конца».

Об июньском наступлении В. И. Ленин писал, что оно «...неизбежно означало возобновление империалистической войны, гигантское усиление влияния, веса, роли империалистической буржуазии, широчайшее распространение шовинизма в массах, наконец... (последнее по счету, но не по важности), передачу власти сначала военной, а потом и государственной вообще, в руки контрреволюционных верхов армии»¹⁵.

Несмотря на отчаянные усилия сторонников продолжения войны, Временному правительству так и не удалось создать наступательный порыв в войсках.

Большое значение для понимания истинного смысла наступления сыграло решение Минского Совета как важнейшего политического центра Западного фронта и прифронтового тыла. Накануне наступления 10 июля Минский Совет принял резолюцию, осуждающую наступление, заявив, что оно «будет содействовать осуществлению тайных замыслов русской и международной буржуазии, связывающей с ним надежду на прекращение русской революции»¹⁶. Решение Совета было широко распространено среди солдат Западного фронта и тыла.

Одной из распространенных форм сопротивления солдат против готовившегося наступления был отказ занять боевые позиции. Так, в середине мая части 3-го Сибирского корпуса Западного фронта отказались выполнить боевое задание. Полки 7-й стрелковой дивизии 2-й армии не выполнили приказ о занятии боевых позиций. Заступить на позиции отказались также 26-й и 27-й сибирские полки. Солдаты 7-й дивизии и 26-го полка потребовали от своих командиров объяснить причину смены частей на фронте. Зная о предстоящей подготовке к наступлению, солдаты старались не допустить перегруппировки воинских сил.

Протест против наступления выражали полки 169-й пехотной дивизии 10-й армии. В 675-м полку этой армии солдаты прямо заявили командиру корпуса, что наступать не будут. Если последует приказ о наступлении, то они «сначала перебьют всю буржуазию или заставят офицеров идти на проволочку впереди всех, и когда их перебьют, то разойдутся по домам»¹⁷. 13 июня комитет 675-го полка принял резолюцию, выражающую недоверие Временному правительству, потребовал перехода власти в руки Советов. По инициативе большевиков 675-го полка состоялся митинг солдат 169-й дивизии Западного фронта. На дивизионном митинге была принята резолюция, требующая переизбрания «всех комитетов, стоящих на позиции поддержки наступления». В резолюции говорилось, что соглашательские комитеты «не являются выразителями интересов большинства солдат, мы не присоединя-

емя к ним, стоим на решительном отказе от наступления». На рапорте об этих событиях генерал А. И. Деникин, назначенный 31 мая командующим Западным фронтом, наложил резолюцию: «Категорически приказываю расформировать бригаду труссов и изменников». В своем сообщении в Ставку он подчеркивал, что «отношение солдат 10-й армии к наступлению скорее отрицательное. Этим объясняется целый ряд эксцессов при постановке войск на их боевые участки, которые до сего времени еще не заняты назначенными на них войсками... Настроение войск 2-й армии хуже, нежели в других армиях»¹⁸.

Наиболее острый протест против наступления выражали солдаты частей 2-й Кавказской гренадерской, 51-й пехотной и 16-й Сибирской стрелковой дивизии. Объясняя причины отрицательного отношения солдат к наступлению, командир 51-й дивизии доносил вышестоящему командованию: «Борьба с отрицательным отношением солдат к наступлению до крайности затрудняется широко раскинувшей свои сети агитацией. Газеты большевистского направления, свободно распространяемые в войсках, особенно легко достигают солдатского сердца, желающего мира». Применяя угрозы и уговоры, командование заставило полки 2-й Кавказской гренадерской и 51-й пехотной дивизий занять исходные позиции для наступления, но начались волнения солдат в полках 134-й пехотной дивизии. Солдаты решительно отказались идти в наступление и грозили перебить офицеров¹⁹.

Крупные волнения солдат в связи с подготовкой к наступлению произошли в частях и соединениях 10-го корпуса Западного фронта. После объявления приказа о перегруппировке частей в связи с предстоящим наступлением произошли волнения солдат 9-го армейского корпуса. В 671-м полку солдаты арестовали подполковника Курчина, был арестован также командир 58-го Сибирского стрелкового полка. «Отношение к наступлению вполне отрицательное», — отмечается в рапорте командира корпуса вышестоящему начальству²⁰.

Несмотря на мощное антивоенное движение в войсках и в тылу, 16 июня был издан приказ Верховного главнокомандующего о наступлении. Отдельные части под угрозой расправы с ними за невыполнение боевого приказа пошли в наступление и понесли большие потери. Так, в полках 51-й дивизии Западного фронта после боя осталось по 400—500 человек. В 124-й дивизии до наступления насчитывалось 7800 человек, а после — 3 тыс. В плен попало 1 тыс., ранено 3 тыс. и бежало из дивизии 300 человек во главе с командиром одного из полков²¹.

Провал летнего наступления на фронте явился результатом глубокого экономического и политического кризиса в стране, авантюристической политики буржуазного Временного правительства. Он свидетельствовал о возросшем влиянии большевистской партии в армии, значительном росте антивоенных настроений на фронте. Отрицательное отношение к летнему наступлению воинов-фронтовиков свидетельствовало о росте их политической активности и сознательности, о превращении разрозненных антивоенных выступлений в широкое, массовое антивоенное движение.

¹ Революционное движение в русской армии, 27 февраля — 24 октября 1917 года: Сб. документов. М., 1968. С. 61.

² ПА ИИП при ЦК КПБ. Ф. 60, оп. 2, д. 211, л. 80.

³ См.: Известия Минского Совета. 1917. 2 апреля.

⁴ См.: ПА ИИП при ЦК КПБ. Ф. 60, оп. 2, д. 25, л. 175; Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: Документы и материалы. Мн., 1957. Т. 1. С. 162.

⁵ Правда. 1917. 5 мая.

⁶ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 1. С. 236.

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 52—54.

⁸ Коников Е. В. Борьба большевиков за демократический мир среди солдат действующей армии, март 1917 г. — март 1918 г. Саратов, 1981. С. 65.

⁹ См.: Игнатенко И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. Мн., 1986. С. 159; В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте. Мн., 1957. С. 20.

¹⁰ В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте. С. 21.

¹¹ Минский голос. 1917. 8 апреля.

¹² В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте. С. 21.

¹³ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 1. С. 196.

¹⁴ См.: Якупов Н. М. Революция и мир (Солдатские массы против империалистической войны. 1917 — март 1918 гг.). М., 1980. С. 61.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 183.

¹⁶ Известия Минского Совета. 1917. 21 июня.

¹⁷ Революционное движение в русской армии в 1917 г. 27 февраля — 24 октября 1917 года. С. 112, 127.

¹⁸ ЦГВИА СССР. Ф. 2048, оп. 1, д. 1358, л. 198, 205; Революционное движение в русской армии в 1917 г. С. 133—134.

¹⁹ Там же. С. 572.

²⁰ Якупов Н. М. Революция и мир. С. 81.

²¹ ЦГАОР СССР. Ф. 3156, оп. 2, д. 6, ч. 1, л. 114-а.

Л. Р. ЦВЫРОЎ

ДА ПЫТАННЯ АБ ДЗЕЙНАСЦІ КАМІТЭТАЎ ЗАХОДНЯГА ФРОНТУ Ў САКАВІКУ — КАСТРЫЧНІКУ 1917 г.

Перамога Лютаўскай рэвалюцыі садзейнічала стварэнню выбарных камітэтаў на Заходнім фронце. У першай палове сакавіка гэты працэс праходзіў практычна без кантролю і ўдзелу камандавання. Загад № 1 Петраградскага Савета рабочых і салдацкіх дэпутатаў па войсках Петраградскай ваеннай акругі ад 1 сакавіка 1917 г. прадпісаў у рознага роду ваенных падраздзяленнях «неадкладна выбраць камітэты выбарных прадстаўнікоў ад ніжніх чыноў»¹. Ініцыятарам стварэння салдацкіх камітэтаў на Заходнім фронце выступіў Мінскі Савет рабочых і салдацкіх дэпутатаў, які на пасяджэнні 8 сакавіка прыняў адпаведную пастанову. У ёй указвалася, што салдаты ў сваіх палітычных выступленнях павінны падпарадкоўвацца толькі Савету і сваім камітэтам².

З моманту ўзнікнення салдацкія камітэты процістаялі старой армейскай арганізацыі. Занепакоенае такім развіццём падзей камандаванне спрабавала паставіць пад свой кантроль дзейнасць камітэтаў, ператварыўшы іх у салдацка-афіцэрскія. У тэлеграме в. а. Вярхоўнага галоўнакамандуючага М. В. Аляксеева, накіраванай 11 сакавіка ў дзеючую армію, гаварылася аб неабходнасці ўвесці ў склад салдацкіх камітэтаў афіцэраў, «...каб узяць ход падзей у свае рукі»³. 16 сакавіка гэта ўстаноўка была замацавана загадам галоўнакамандуючага Заходнім фронтам. У ім адзначалася, што «...чым хутчэй армія і тыл пакрыюцца сеткай такіх аб'яднаных салдацка-афіцэрскіх арганізацый... тым больш трывала ўзмаціцца баявая магутнасць арміі. Асноўнымі палажэннямі дзейнасці гэтых арганізацый павінны быць: 1) прызнанне адзінай улады ў руках Часовага ўрада да склікання Устаноўчага сходу; 2) давадзенне вайны да пераможнага канца; 3) захаванне дысцыпліны і боездольнасці арміі; 4) цесная ўнутраная сувязь паміж афіцэрамі і салдатамі»⁴. Аднак камандаванню фронта стварыць значную афіцэрскую праслойку ў камітэтах не ўдалося. На 1 верасня 1917 г. працэнтны састаў афіцэраў і чыноўнікаў, занятых у камітэтах Заходняга фронту, складаў усяго 10,5 %⁵ агульнай колькасці ваеннаслужачых.

Асноўнымі рэгулюючымі актамі стварэння камітэтаў і іх дзейнасці сталі «Часовае палажэнне аб арганізацыі чыноў дзеючай арміі і флота», выданае 30 сакавіка 1917 г. в. а. Вярхоўнага галоўнакамандуючага М. В. Аляксеевым; загад № 231 ад 16 красавіка 1917 г. ваеннага міністра А. І. Гучкова, які ўводзіў у дзеянне палажэнне аб ротных, палкавых і армейскіх камітэтах, і загад № 271 ад 8 мая 1917 г. новага ваеннага міністра А. Х. Керанскага, які зацвердзіў палажэнне аб дывізіійных і карпусных камітэтах. Гэтыя нарматыўныя дакументы абмяжоўвалі ўдзел камітэтаў у палітычнай барацьбе і не дапускалі іх умяшвання ў аператыўна-тактычную сферу. Адпаведна загаду № 213 агульнымі задачамі камітэтаў з'яўляліся: 1) згуртаванне ўсёй рускай арміі ў адзіную арганізацыю; 2) назіранне за падтрымкай дысцыпліны і парадку ў часцях; 3) кантроль за гаспадарчай дзейнасцю сваёй часці; 4) прыняцце законных мер супраць злоўжыванняў і перавышэння ўлады з боку пасадавых асоб; 5) вырашэнне пытання ўнутранага быту часці; 6) уладжванне непаразуменняў паміж салдатамі і афіцэрамі; 7) садзейнічанне адукацыі і развіццю спорту сярод салдат і матросаў; 8) падрыхтоўка да выбараў ва Устаноўчы сход⁶.

К 1 верасня 1917 г. на Заходнім фронце была створана цэлая сістэма камітэтаў розных узроўняў. Іх дзейнасць каардынаваў Выканаўчы камітэт (Выканкамзах), выбраны I з'ездам ваенных і рабочых дэпутатаў армій і тыла Заходняга фронту, які праходзіў у Мінску з 7 па 16 красавіка. У яго склад пачаткова ўвайшлі 75 чалавек: 45 — адфронту, 20 — ад тылу і 10 —

ад Мінска. Па партыйнаму складу Выканкамзах быў наступным: 32 эсэры, 29 сацыял-дэмакратаў (у тым ліку 6 бальшавікоў), 14 беспартыйных⁷. Камітэты тылавых часцей і гарнізонаў знаходзіліся ў распараджэнні Камітэта тылавых часцей і ваенна-акружнага камітэта. Па партыйнаму складу гэтыя органы былі эсэра-меншавіцкімі і прадпісвалі камітэтам «...няўхільна выконваць урадавыя распараджэнні і загады». Агульны кошт утрымання сістэмы камітэтаў на фронце штомесячна складалаў не менш 250 тыс. руб.⁸

Аднак, нягледзячы на прынятыя меры, камандаванню фронту не ўдалося цалкам падпарадкаваць сабе дзейнасць камітэтаў. Аб гэтым сведчыць тэлеграма камандуючага фронтам А. І. Дзянікіна ў стаўку ад 11 чэрвеня 1917 г.: «У цяперашні час у войсках фронту існуюць камітэты, сфарміраваныя явачным парадкам... У тых часцях, дзе існуюць камітэты, створаныя на іншых асновах, прывядзенне ў дзеянне загадаў № 213, 271 прыпынена. Гэтыя камітэты не жадаюць прызнаваць абавязкаў, выкладзеных у гэтых загадах, а выпрацоўваюць для сябе свой асобны круг абавязкаў і праў, прычым асабліва моцна пасягаюць на аператыўны кантроль і адвод начальнікаў...»⁹

Развіццю такой актыўнасці камітэтаў садзейнічала палажэнне «Аб салдацкіх арганізацыях і Саветах салдацкіх, рабочых і сялянскіх дэпутатаў», прынятае ў красавіку з'ездам армій і тылу Заходняга фронту. Яно давала камітэтам права атэставаць асоб каманднага саставу і прадугледжвала змяшчэнне іх з пасады ў выпадку адмоўнай атэстацыі¹⁰. Сваю ролю адыгралі таксама рашэнні Мінскай нарады прадстаўнікоў армейскіх і франтавога камітэтаў па пытаннях аб дзейнасці ў арміі (18—22 чэрвеня 1917 г.). У наказе ўсім камітэтам арміі і тылу фронту прадпісвалася садзейнічаць палітычнаму выхаванню салдат шляхам засваення іграма палітычных партый і дзейнасці партыйных арганізацый у выпадку іх узнікнення¹¹.

Камандаванне фронту бачыла ў дзейнасці камітэтаў, заснаваных на такіх прынцыпах, адмоўныя моманты. У аглядзе палітычнага ўпраўлення фронту, падрыхтаванага ў пачатку верасня 1917 г., указвалася, што вынікі дзейнасці камітэтаў наўрад ці пакрываюць затрачаныя на іх сілы і сродкі і наўрад ці сістэма камітэтаў здольна апраўдаць ускладзеныя на яе надзеі ў сэнсе падняцця боездольнасці арміі і яе рэарганізацыі на новых пачатках. У віну камітэтам ставіліся тоеснасць прымаемых рашэнняў, неразуменне рэальных магчымасцей і выдвіжэнне празмерных патрабаванняў да камандавання і ўрада, празмернае захапленне палітыкай. У станоўчым плане ацэньваліся толькі дзейні ротных і палкавых камітэтаў па пераадолеванню буйных эксцэсаў у сваіх часцях і навядзенню парадку. Адмоўную адзнаку атрымала і дзейнасць франтавога камітэта як «рэзка схіляючаяся да бальшавізму»¹². Гэта ў значнай меры было звязана са змяненнем партыйнага складу Выканкамзаха (к восені 1917 г. у камітэце была створана бальшавіцкая фракцыя з 13 чалавек на чале з А. Ф. Мясніковым).

Іншымі былі адносіны камандавання фронту да армейскіх камітэтаў, у якіх большасць складалі меншавікі і эсэры. Так, у рапарце А. І. Дзянікіна Вярхоўнаму галоўнакамандуючаму ад 11 чэрвеня 1917 г. армейскія камітэты 3-й і 10-й армій, што байкавалі рашэнні франтавога камітэта, ацэньваліся станоўча¹³.

Дзейнасць камітэтаў у разглядаемы перыяд падзяляецца на два этапы. Першы прыходзіўся на сакавік — май 1917 г. і, па ацэнцы ваеннага камісара пры галоўнакамандуючым арміямі Заходняга фронту В. Ямандта, быў прадуктыўным, калі «ротныя, палкавыя і іншыя камітэты карысталіся поўным даверам і садзейнічаннем з боку каманднага саставу». У сваю чаргу камітэты імкнуліся падтрымліваць у часцях дысцыпліну і парадак, выносілі пастановы аб поўным падпарадкаванні афіцэрам.

Другі этап (з чэрвеня па кастрычнік 1917 г.) характарызаваўся рэзкай стратай аўтарытэту і ўплыву камітэтаў сярод салдацкіх мас, што прывяло да развалу сістэмы камітэтаў старога складу. Аналіз дакументаў дазваляе вызначыць некалькі прычын гэтага працэсу. Адною з асноўных трэба лічыць дэструктыўную палітыку камандавання ў адносінах да камітэтаў. Згадзіўшыся на ўвядзенне камітэтаў у арміі як на вымушаны кампраміс, камандаванне ўвесь час знаходзілася ў апазіцыі да іх. Як сведчыў В. Ямандт, яно імкнулася адісінуць камітэты ад практычнай працы і пераўтварыць іх у «канцэлярскую арганізацыю». Увядзенне ваенна-рэвалюцыйных судаў (пастанова Часовага урада ад 12 ліпеня) было ўспрынята камандным саставам як першы крок да вяртання старых парадкаў у арміі. Пачаліся павальныя арышты, якія выклікалі вялікае аслабленне ў радах арміі і значна аслабілі значэнне камітэтаў у часцях¹⁴. Камандаванне імкнулася рэпрэсіямі

стрымаць рост рэвалюцыйнай свядомасці салдат, настрой якіх стыхійна адлюстроўвалі камітэты.

Падзенне аўтарытэту выбарных арганізацый мела сувязь і з тым, што практычна ўсе камітэты вышэйшых ступеняў, за выключэннем франтавога, армейскага 2-й арміі, камітэта 50-га корпуса, цалкам знаходзіліся пад уплывам меншавікоў і эсэраў. З'яўляючыся выразнікамі палітыкі Часовага ўрада, які да кастрычніка 1917 г. фактычна страціў давер салдацкіх мас, гэтыя партыі таксама страчвалі падтрымку на фронце. Негатыўныя адносіны да іх салдаты пераносілі на камітэты. Адначасова ўзмацнялася цікавасць салдат да праграмы партыі бальшавікоў як альтэрнатыўнай для выхаду з эканамічнага і палітычнага крызісу і спынення вайны. У тэлеграме камісара Заходняга фронту В. А. Жданова камісару пры стаўцы Вярхоўнага галоўнакамандуючага ад 14 кастрычніка падкрэслівалася: «Ідэі бальшавізму пачынаюць звічаць сабе гнезды і хуткімі тэмпамі перакідваюцца ў часці, імі не кранутыя...»¹⁵

У аглядзе дзейнасці камітэтаў з 15 па 30 кастрычніка са шкадаваннем адзначалася: «Аўтарытэт і ўплыў камітэтаў падаюць. У апошні час гэтая з'ява стала агульнай для ўсіх армій Заходняга фронту. Прычыны: 1) камітэты ў вялікай большасці аказвалі садзейнае каманднаму саставу і, ідучы на суперак імкненням мас, настроілі іх супраць сябе; 2) ўзмацнілася агітацыя бальшавікоў. Вынік у наяўнасці: у многіх часцях камітэты, ці самі складваюць паўнамоцтвы, ці перавыбіраюцца і замяняюцца камітэтамі, якія цалкам складваюцца з бальшавікоў. Многія камітэты выносяць палітычныя рэзалюцыі, афарбоўка якіх ярка бальшавіцкая, што ўказвае на тое, што агітацыя бальшавікоў, аб узмацненні якой аднагалосна даносілі ўсе камандзіры карпусоў, не была дарэмнай і падрыхтоўка бальшавіцкага паўстання ў вайсках вялася досыць інтэнсіўна»¹⁶.

Ва ўмовах страты апоры ў салдацкіх масах падаўляючая колькасць камітэтаў вышэйшага звяна захавала адданасць Часоваму ўраду і, блакіруючыся з камандным саставам, спрабавала выступіць як арганізуючая сіла ў барацьбе супраць узброенага паўстання бальшавікоў. Як сведчаць дакументы, гэтай палітычнай лініі трымаліся франтавы, акружны, выканаўчы камітэты Савета сялянскіх дэпутатаў Заходняга фронту, а таксама многія армейскія і карпусныя камітэты. Паказальнай у гэтых адносінах з'яўляецца пастанова армейскага камітэта 2-й арміі ад 26 кастрычніка 1917 г., у якой адзначалася, што камітэт рэзка асуджае пагібельнае для радзімы выступленне бальшавікоў і «лічыць тэлеграмы Петраградскага ВРК сеючымі смуту і здольнымі толькі вызваць грамадзянскую вайну ў арміі». Камітэт прызваў выступіць супраць гібельных авантур злева¹⁷. Пры абмеркаванні гэтага дакумента бальшавіцкая фракцыя пакінула пасяджэнне камітэта. У сваю чаргу бальшавікі заклікалі салдат актыўна падтрымаць рэвалюцыйны пераварот у Петраградзе. Гэты заклік знайшоў водгук і падтрымку нізвых камітэтаў. Напрыклад, рэзалюцыя пленарнага пасяджэння 6-й пяхотнай дывізіі абвешчала: «Мы шлём сваё прывітанне Петраградскаму пралетарыяту і рэвалюцыйнаму гарнізону, палажыўшым канец палітыцы магільшчыкаў рэвалюцыі, якую вёў кааліцыйны ўрад. Мы вітаем уладу пралетарыяту, салдат і сялян у твары іх выбарных арганізацый-Саветаў салдацкіх, рабочых і сялянскіх дэпутатаў. Толькі ўлада, якая абапіраецца на арганізаваную волю ўсёй дэмакратыі, можа вывесці краіну з тупіка...»¹⁸

Такім чынам, сістэма выбарных камітэтаў Заходняга фронту, як і ўсёй дзеючай арміі, адыграла пэўную станаўчую ролю. Для мільёнаў салдат камітэты былі школай палітычнага станаўлення, далучэння да актыўнай рэвалюцыйнай барацьбы. Як адзначаў савецкі гісторык В. І. Мілер, сістэма камітэтаў выступіла гарантам палітычнай стабільнасці ў арміі ў крытычныя моманты рэвалюцыі. Гэты вывад пацвердзіла і бальшавіцкая газета «Рабочий путь», якая пісала, што калі б не было армейскіх камітэтаў, ці калі б яны былі пазбаўлены большасці сваіх правоў, армія апынулася б у руках контррэвалюцыйных генералаў¹⁹. Так было, напрыклад, у час выступлення генерала Карнілава, калі фактычна ўсе камітэты Заходняга фронту, блакіравалі спробы рэакцыйнага камандавання арганізаваць яго падтрымку.

Разам з тым раз'яднанасць камітэтаў фронту, адарванасць вышэйшага звяна ад салдат выклікалі адмоўныя тэндэнцыі ў іх дзейнасці. Яны былі пераадолены пазней у ходзе развіцця рэвалюцыі. Рэвалюцыйная ініцыятыва салдат падштурхоўвала камітэты на радыкальныя пазіцыі. У выніку большасць камітэтаў фронту падтрымала ўстанаўленне Савецкай улады.

- ¹ Революционное движение в русской армии в 1917 году (февраль — октябрь). М., 1968. С. 20—21.
- ² Гл.: Миллер В. И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 году. М., 1974. С. 62.
- ³ Войсковые комитеты действующей армии (март 1917 г.— март 1918 г.): Сборник документов. М., 1982. С. 31.
- ⁴ Разложение армии в 1917 году. М.; Л., 1925. С. 59.
- ⁵ Гл.: ЦДВГА. Ф. 2003, воп. 4, спр. 25, арк. 38.
- ⁶ Гл.: Там же. Ф. 2048, воп. 1, спр. 119, арк. 1.
- ⁷ Гл.: Победа Советской власти в Белоруссии. Мн., 1967. С. 123.
- ⁸ ЦПА КПБ. Ф. 35, воп. 1, спр. 22^а, арк. 3; ЦДВГА. Ф. 2003, воп. 4, спр. 25, арк. 37.
- ⁹ Там же. Воп. 1, спр. 1790, арк. 1.
- ¹⁰ Гл.: Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: Документы и материалы. Мн., 1957. Т. 1. С. 209.
- ¹¹ ЦДВГА. Ф. 2003, воп. 1, спр. 1798, арк. 265.
- ¹² Там же. Воп. 4, спр. 25, арк. 39—42.
- ¹³ Гл.: Разложение армии в 1917 году. С. 113.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ ЦДВГА. Ф. 2003, воп. 4, спр. 31, арк. 40.
- ¹⁶ Там же. Спр. 25, арк. 76.
- ¹⁷ Там же. Ф. 2048, воп. 1, спр. 1123, арк. 249.
- ¹⁸ Там же. Арк. 247.
- ¹⁹ Гл.: Миллер В. И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 году. С. 11.

В. В. КАЛЮТА

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО ПОДПОЛЬЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Четыре года длилась Великая Отечественная война, унесшая миллионы человеческих жизней. Самым тяжелым и трагическим для нашей страны был 1941 г.— год первых кровопролитных боев, первых побед и тяжелых поражений, год организации и становления всенародной борьбы в тылу немецко-фашистских захватчиков. Нелегким этот год был и для Коммунистической партии Белоруссии, которая, возглавив борьбу, столкнулась с рядом серьезных трудностей при организации подполья и партизанского движения на оккупированной врагом территории.

22 июня 1941 г. состоялось заседание бюро ЦК КП(б)Б, рассмотревшее вопрос «О задачах партийных организаций в связи с вероломным нападением фашистской Германии на СССР». Центральный Комитет указал на необходимость «немедленной перестройки работы парторганизаций на военные рельсы...»¹ Однако быстротечность военных событий вносила свои коррективы в организацию отпора фашистским захватчикам. Уже на четвертые сутки почти все западные области республики — Белостокская, Брестская, Барановичская, Вилейская — были захвачены врагом. Связь с областными комитетами партии была прервана. Многие партийные руководители этих областей пали в боях с гитлеровцами.

Заседания бюро ЦК КП(б)Б в первые дни войны проходили ежедневно и были направлены на решение первоочередных военно-хозяйственных задач. 25 июня в связи с угрозой захвата Минска ЦК КП(б)Б переместился в Могилев.

29 июня была принята «Директива Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил на борьбу с германским фашизмом».

Как известно, в предвоенные годы в сознание советских людей активно внедрялось убеждение, что в случае нападения на СССР враг получит сокрушительный отпор, а затем война будет продолжаться на территории противника. На это был ориентирован и устав Красной Армии. Из решений VII конгресса Коминтерна (1935 г.) вытекало, что рабочие зарубежных стран, призванные в армию, не будут воевать против первой в мире страны социализма². Эти ошибочные взгляды вводили в заблуждение многих руководителей и явились одной из причин несвоевременной подготовки и перехода на подпольные методы работы.

30 июня ЦК Компартии Белоруссии направил на места директиву № 1 о подготовке к переходу на подпольную работу парторганизаций районов, находившихся под угрозой фашистской оккупации. Директива содержала

конкретный план перехода на нелегальные методы работы. В директиве № 2 от 1 июля 1941 г. ЦК КП(б)Б указал, что все коммунисты и комсомольцы, способные носить оружие, остаются на территории, занятой врагом.

Эффективность выполнения этих директив во многом зависела от того, насколько быстро они дойдут до партийных комитетов, рядовых коммунистов и комсомольцев. Понимая это, члены ЦК КП(б)Б выехали в районы, находившиеся под угрозой оккупации, чтобы на местах оказать конкретную помощь. В данной ситуации основная тяжесть организации партийного и патриотического подполья легла на плечи областных комитетов. Это связано еще и с тем, что Центральный Комитет КП(б)Б из-за быстрого продвижения врага часто менял места дислокации, что в какой-то мере мешало сконцентрировать внимание на решении вопросов, связанных с работой подполья в тылу врага (3 июля ЦК КП(б)Б находился в Лизно Витебской области, в ночь с 9 на 10 июля переехал в Рославль, а 16 июля — в Гомель)³.

Немецко-фашистские войска, продвигаясь на восток, наносили удары в центре Белоруссии. В результате территория Полесской и Гомельской областей осталась в стороне и была оккупирована значительно позже (конец августа 1941 г.). В сложившейся обстановке города Гомель и Мозырь стали своеобразными базами организации подполья и партизанского движения в тылу врага, подготовки к борьбе в условиях оккупации в незахваченных еще районах.

По решению ЦК КП(б)Б от 7 июля 1941 г. Минский обком КП(б)Б переместился в Мозырь для «установления руководства районами Минской области» и под прикрытием партизанского отряда Жуковского для развертывания подпольной работы в южных районах Минской области. Возглавили подполье Козлов В. И., Варвашеня И. Д., Бельский И. А., Брагин А. Ф. (погиб в сентябре 1941 г.), Бондарь А. Г., Мачульский Р. Н., Степанова А. И. Для организации партийного и патриотического подполья в северных областях Минской области намечалось создать два межрайпартцентра. Однако обстоятельства сложились так, что группа Козлова В. И. в дальнейшем практически выполняла функции подпольного обкома на территории всей области.

Организация перехода на подпольную работу в Витебской области проходила под непосредственным руководством ЦК КП(б)Б. 6 июля секретарь ЦК В. Г. Ванеев и первый секретарь обкома партии А. И. Стулов провели беседы с коммунистами, оставшимися для подпольной работы в тылу врага. 8 июля первый секретарь ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко, секретари ЦК Ванеев В. Г. и Рыжиков И. И. провели совещание с секретарями райкомов, где были рассмотрены вопросы организации партийного подполья на территории области. Накануне оккупации (Витебск был оккупирован 10 июля) ЦК КП(б)Б и Витебский обком КП(б)Б провели большую работу по организации подполья в самом городе. Здесь было оставлено 60 коммунистов во главе с секретарями Железнодорожного райкома КП(б)Б Семеновым Б. К. и Григорьевым И. Г., секретарем Октябрьского райкома Н. Т. Любимцевым, секретарем Витебского горкома П. И. Ивановым. Однако утвержденный обкомом партии в качестве руководителя городской парттройки П. И. Иванов не выполнил данного ему задания и ушел из города. Б. К. Семенов и И. Г. Григорьев, оставшись без документов, будучи известными в городе, вынуждены были также уйти из областного центра⁴.

В Могилевской области к концу июля 1941 г. в 18 районах области были созданы 85 подпольных партийных организаций. Для руководства борьбой против оккупантов в области были оставлены три областных парттройки и два кустовых партцентра в Бобруйской и Кличевской зонах. Однако ни областные, ни кустовые партцентры не успели до конца организационно оформиться и перейти в подполье.

18 июля 1941 г. ЦК КП(б)Б получил «Постановление ЦК ВКП(б) об организации борьбы в тылу германских войск». Необходимо отметить, что по всем направлениям, указанным в директиве, Белорусской партийной организацией к этому времени уже была проделана значительная работа.

Организация перехода на подпольные методы работы в Гомельской области проходила под непосредственным руководством Центрального Комитета партии. К середине августа в области были созданы 64 подпольные ячейки⁵. В первой половине августа на заранее подготовленную стоянку перешли секретари обкома КП(б)Б И. П. Кожар и А. А. Куцак, секретарь Гомельского горкома партии Е. И. Барыкин. Подпольный обком и горком располагались на базе партизанского отряда «Большевик».

Шло формирование подполья Полесской области. На заседании Бюро об-

кома партии 23 июля 1941 г. была утверждена подпольная областная партийная тройка в составе: Ф. М. Языкович (секретарь), К. Г. Зайцев, И. Н. Иващенко и 17 районных партцентров. В районах области были созданы 172 территориальные подпольные организации, 4 из которых — в Мозыре. Для руководства борьбой в области было оставлено 28 секретарей райкомов партии⁶. Однако в сложных оккупационных условиях не все организации, в том числе областная парттройка, смогли приступить к подпольной работе.

Становление партийного подполья в Западных областях республики имело свою специфику. Внезапность вторжения немецко-фашистских войск лишило партийные органы возможности заблаговременно перейти на нелегальные методы работы. К тому же к июню 1941 г. партийные организации Западных областей Белоруссии насчитывали в своих рядах всего 17 тыс. 444 коммуниста. Областные руководящие органы КП(б)Б были утверждены в ноябре 1939 г., а районные комитеты начали создаваться лишь в начале 1940 г. Большинство руководящих работников было направлено сюда из восточных областей⁷. Следовательно, партийные организации западных областей Белоруссии к началу войны были еще недостаточно окрепшими, а в сельской местности они практически отсутствовали.

4 июля оккупационные власти издали указ, по которому все население, прибывшее в Западную Белоруссию после 17 сентября 1939 г., обязано было покинуть эту территорию⁸. В этих условиях основную тяжесть организации борьбы народа против оккупантов взяли на себя бывшие члены Коммунистической партии Западной Белоруссии, имевшие богатейший опыт борьбы в условиях подполья против режима буржуазно-помещичьей Польши, и члены ВКП(б), по тем или иным причинам оставшиеся на территории, оккупированной врагом. В первые месяцы войны появились антифашистские организации в Коссовском, Малоритском, Браславском, Новогрудском и других районах, а также в Белостоке, Гродно, Лиде, Волковыске, Бресте. Важную роль в становлении антифашистского движения на территории Западной Белоруссии сыграли посланные сюда ЦК КП(б)Б 30 июля 1941 г. в составе диверсионной группы И. П. Урбанович и И. И. Жишко.

Была предпринята попытка создать партийное подполье в Пинской области. Находившийся в Мозыре Пинский обком КП(б)Б 22 июля 1941 г. принял решение об организации двух областных парттроек в Ленинском и Столинском районах. Однако перейти линию фронта и обосноваться на базе партизанского отряда И. Л. Масленникова, действовавшего в области, удалось лишь секретарю обкома КП(б)Б П. Г. Шаповалову, Н. К. Зайцеву и члену обкома партии А. Е. Клещеву. В конце августа Н. К. Зайцев был отправлен на связь в г. Мозырь и в тыл не возвратился. В одном из боев погиб П. Г. Шаповалов. Отряд И. Л. Масленникова, на базе которого располагался обком, в одном из боев понес тяжелые потери и ушел к линии фронта. В результате Пинский областной партийный центр прекратил свое существование.

Таким образом, начальный период войны был тяжелым, героическим и трагическим в истории организации и становления партийного подполья Белоруссии. Отсутствие связи с областными партийными центрами, опыта подпольной работы, постоянные карательные экспедиции, слабая материально-техническая база заставили покинуть свои районы секретарей Чериковского (Г. А. Храмович), Давид-Городокского (Н. А. Скоробогатко и А. Ш. Рохлин), Житковичского (Т. Р. Ковалевский) и ряда других райкомов КП(б)Б.

Организационному становлению партийного подполья на местах в первые месяцы войны препятствовало отсутствие связей с областными партцентрами и ЦК КП(б)Б. Подпольные комитеты в основном базировались в партизанских отрядах, которые из-за постоянных карательных экспедиций оккупантов вынуждены были часто менять места дислокации, что, естественно, не способствовало устойчивой связи с местным подпольем.

В некоторых случаях для работы в подполье оставлялись коммунисты-руководители, широко известные в городе, районе, что приводило зачастую к провалам, вынуждало их покидать места дислокации. В первые дни оккупации были арестованы и брошены в концлагерь секретари Могилевского горкома партии А. И. Морозов и И. Л. Хавкин. Был схвачен и погиб в концлагере секретарь Березинского райкома комсомола А. М. Ильинский. Некоторые коммунисты, поверив гитлеровской пропаганде, прошли регистрацию в органах оккупационного режима и легализовались, что привело к их аресту и уничтожению.

Таким образом, к октябрю 1941 г. на оккупированной территории Белоруссии действовал Минский и Гомельский обкомы партии, Гомельский и

Брестский горкомы партии (в августе 1941 г. по инициативе коммунистов в Бресте был создан подпольный горком партии во главе с П. Г. Жуликовым), 17 районных подпольных комитетов партии⁹. Среди тех, кто первым вступил в неравную схватку с немецко-фашистскими захватчиками, были коммунисты. Из 75 075 коммунистов, состоящих на учете в партийной организации Белоруссии накануне войны, около 26,5 тыс. было направлено в Красную Армию. Для работы в подполье в 1941 г. было оставлено около 8 тыс. коммунистов.

Коммунистическая партия Белоруссии с первых дней войны выступила инициатором организации и руководства всенародной борьбой на захваченной оккупантами территории. Несмотря на огромные трудности, отдельные просчеты и ошибки, она сумела заложить прочные основы для быстрого развития партийно-патриотического подполья, партизанской войны в тылу врага.

¹ Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Мн., 1967. Т. 1. С. 47.

² Вопросы истории КПСС. 1988. № 7. С. 154.

³ См.: Павлов Я. С. В суровом сорок пятом. Мн., 1985. С. 23.

⁴ См.: Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков. Мн., 1983. Т. 1. С. 80.

⁵ См.: Павлов Я. С. В суровом сорок первом. С. 196.

⁶ См.: Тозик А. А. В дни суровых испытаний. Мн., 1981. С. 28.

⁷ Там же. С. 16.

⁸ См.: ПА при ЦК КПБ. Ф. 3630, оп. 1, д. 2, л. 2 (об).

⁹ См.: Подпольные партийные органы Компартии Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Мн., 1975. С. 243.

В. М. ТРУХНОВ

О ДЕФИНИЦИИ ГНОСТИЦИЗМА

Тема «гностицизм» уже долгое время привлекает к себе исследователей многих стран мира. Ей посвящено огромное количество работ в области истории и философии, теологии и психологии. Круг вопросов, рассматриваемых в рамках этой темы, чрезвычайно широк. Неоднократно созывались международные конференции и коллоквиумы, посвященные гностицистским проблемам¹. Тем не менее споры о том, что такое гностицизм — философия или религия, о его хронологических рамках и связи с христианством и Востоком, даже о тех основных признаках, которые позволяют считать то или иное учение гностицистским, не только не умолкают, но становятся с каждым годом все ожесточеннее.

Столь серьезные разногласия вызваны, на наш взгляд, несколькими причинами. Во-первых, следует обратить внимание на то, что большинство исследователей, идя по стопам раннехристианских авторов (Юстин, Ириней, Ипполит и другие), употребляли и употребляют термин «гностицизм» достаточно широко и неопределенно. Так называли приверженцев далеко отстоящих одна от другой систем, включавших элементы вавилонской и египетской религии, зороастризма, иудаизма, эллинистической философии, христианства и ряда других направлений². Надо иметь в виду, что слово «гностицизм» отнюдь не было самоназванием. Более того, представители ряда гностицистских сект без колебания называли себя христианами. Во-вторых, круг источников, привлекаемых для изучения гностицизма, постоянно расширялся. В поле зрения ученых постепенно оказывались герметические, мандейские, манихейские документы³, в результате чего термин «гностицизм» становился все более общим и расплывчатым. В-третьих, на результатах исследований, посвященных теме «гностицизм», заметно сказывается субъективный фактор, что обусловлено многогранностью, многоплановостью рассматриваемого явления. В результате гностицизм оборачивается то явлением в истории христианской церкви, то феноменом, развивающимся независимо от нее; выступает то в виде системы философских взглядов, то как религия самопознания; то суженным хронологически до двух столетий и втиснутым в рамки Римской империи, то не имеющим временных и пространственных границ.

Вследствие всего этого дать более или менее исчерпывающее определение гностицизма — задача крайне непростая, если вообще выполнимая. Попытаемся все же разъяснить, что мы понимаем под этим явлением. Рассмотрим вначале, что же объединяет все течения, которые большинство исследо-

вателей относят к гностическим. В первую очередь, это учение о тайном знании для избранных, «гносисе»; о знании особого рода, которое, подобно Атману в ведийской традиции, «...не постигается ни толкованием, ни рассуждением, ни тщательным изучением»⁴. С понятием «гносис» тесно связано учение об избранности, деление людей на избранных и всех остальных. «...Есть много животных в мире, имеющих форму человека. Когда он познает их, свиньям он бросит желуди, скотине он бросит ячмень и солому, и траву, собакам он бросит кости, рабам он даст всходы, детям он даст совершенное»⁵. Данное высказывание из гностического Евангелия от Филиппа, повествование в котором ведется от имени ученика Бога, как нельзя лучше характеризует это деление⁶.

Следующая черта, свойственная всем гностическим системам, — ярко выраженное отрицательное отношение к материальному миру, его неприятие. Согласно гностической космогонии, телесный мир был создан в результате ошибки последнего зона высшего мира — Софии Эпинойи, породившей без участия и согласия незримого Духа сына Иалдабаофа. «Я Бог, и нет другого бога кроме меня, — возмнил последний, — ...не зная о своей силе, о месте, откуда произошел»⁷. Он и стал творцом несовершенного материального мира, который, впрочем, оказался подобием мира высшего, совершенного из-за неосознанной самим Иалдабаофом силы света, которую он взял от своей матери и неосознанно же перенес на свое творение⁸.

Еще одна черта гностических учений, непосредственно связанная с предыдущей, — всеобъемлющий дуализм, выражающийся не только в противопоставлении полярных начал: «добро» — «зло», «свет» — «тьма», «правое» — «левое», «мужское» — «женское» и так далее, но и в стремлении к их объединению, граничащим с наивной диалектикой. «Свет и тьма, жизнь и смерть, правое и левое — братья друг другу. Их нельзя отделить друг от друга. Поэтому и хорошие — не хороши, и плохие — не плохи, и жизнь — не жизнь, и смерть — не смерть»⁹. Не правда ли, это высказывание из Евангелия от Фомы наводит на мысль о робкой попытке сформулировать закон единства и борьбы противоположностей? В дуалистическом русле трактуется и ошибка Софии. Несовершенство ее творения объясняется в Апокрифе Иоанна тем, что «...она захотела открыть в себе самой образ... без своего сотоварища, без его мысли»¹⁰.

Еще одна особенность гностических систем — склонность к самоанализу, самопознанию. Убежденность в своей тождественности абсолютному побуждала гностика к самоуглублению, медитации (через познание себя к познанию абсолютного). «Когда вы познаете себя, тогда вы будете познаны и вы узнаете, что вы — дети Отца живого. Если же вы не познаете себя, тогда вы в бедности и вы — бедность»¹¹. «Не всем тем, кто всем обладает, положено познать себя. Однако те, кто не познает себя, не будут наслаждаться тем, чем они обладают. Но лишь те, кто познал себя, будут наслаждаться этим»¹².

Вот основные, хотя и далеко не все, черты, свойственные учениям, которые большинство исследователей признают гностическими. По каким же вопросам возникают наиболее серьезные разногласия? В первую очередь, это вопрос о хронологических рамках гностицизма. Взгляды ученых здесь можно условно разделить на две полярные группы. Точка зрения первых сводится к тому, что гностицизм неотделим от поздней античности. Это Г.-М. Шенке, Г. Ионас, К. Рудольф¹³. Сходные мысли высказывает М. К. Трофимова. Признавая вероятность преемственности гностической практики от очень отдаленных времен, она тем не менее считает, что, несмотря на черты сходства гностицизма времен раннего христианства с другими феноменами, между ними не существует «тождества исторической плоти»¹⁴.

Ученые второй группы, отмечала М. К. Трофимова, практически лишая гностицизм временных границ, вслед за А. Ш. Пюэшем склонны относить к нему верования мандеев и манихеев, ереси богомилов, павликиан, катаров, альбигойцев и даже работы некоторых мыслителей нового времени. К этой группе можно отнести, например, историка из ЧССР П. Покорного и профессора Э. Пейджелс из США¹⁵.

Разобраться в том, чья точка зрения верна, чрезвычайно сложно, поскольку сторонники и той, и другой приводят достаточно веские аргументы в пользу своей версии. Автор считает, что в данном случае к вопросу следует подойти диалектически. Не вызывает сомнений наличие у гностицизма эпохи Римской империи особых черт, отличающих его от предыдущих и последующих сходных с ним направлений. Нельзя игнорировать и то, что термин «гностики» впервые был применен именно для обозначения привержен-

цев определенных религиозно-философских учений того времени. Тем не менее автор считает, что понятие «гностицизм» вполне правомерно использовать как применительно к более ранним векам, так и к более поздним, так как и задолго до возникновения христианства, и длительное время после этого существовали учения, вполне обладавшие вышеуказанными «гностическими» чертами.

Хочется еще раз напомнить и о том, что те, кого мы сейчас называем гностиками, никогда не называли себя так. Создается впечатление, что в данном случае спор ведется в основном относительно возможности применения определенного термина к тем или иным феноменам.

На основании вышеизложенного считаю возможным предложить понимать термин «гностицизм» двояко: в широком и узком смысле этого слова¹⁶. В первом случае — это совокупность религиозно-философских систем древнего Востока, античности, средневековья и нового времени, существенно отличающихся одна от другой, удаленных друг от друга во времени и пространстве, обладающих, однако, общими, названными нами отличительными чертами. Во втором случае, на наш взгляд, понятие «гностицизм» вполне совпадает с формулировкой М. К. Трофимовой, которая ограничивает рассматриваемое явление рамками Римской империи.

¹ Например, коллоквиумы в Мессине (1966) и Стокгольме (1973), конференция в Йеле (1978).

² См.: Вестник древней истории. 1962. № 4. С. 71.

³ См.: Апокрифы древних христиан. М., 1989. С. 164.

⁴ Упанишады. М., 1967. С. 103.

⁵ Апокрифы древних христиан. С. 292.

⁶ Это высказывание, впрочем, оставляет простор для толкования: либо автор апокрифа вообще не считает людьми тех, кто не обладает «светом» (см.: Апокрифы древних христиан. С. 286), либо просто призывает проповедовать в соответствии с сознанием слушателя.

⁷ Наг-Хаммади II. Соч. I. 11, 20.

⁸ Там же. 5—10.

⁹ Там же. Соч. 3, 10.

¹⁰ Там же. Соч. 1, 9, 25—30.

¹¹ Там же. Соч. 2, 3.

¹² Там же. Соч. 3, 105.

¹³ См.: Трофимова М. К. Историко-философские вопросы гностицизма: Наг-Хаммади II. Соч. 2, 3, 6, 7. М., 1979. С. 26—27; Rudolf K. Die Gnosis. Wesen und Geschichte einer spätantiken Religion. Leipzig, 1977.

¹⁴ См.: Трофимова М. К. Историко-философские вопросы гностицизма. С. 41; С. 51; 52.

¹⁵ См.: Роконгу Р. Piseň o perle: Tajne knihy starověkých gnostiku. Praga, 1986; Pagels E. The Gnostic Gospels. N. Y., 1979.

¹⁶ Попытки подобного деления делались и раньше. Так, еще в 1966 г. международный коллоквиум в Мессине рекомендовал использовать понятие «гностицизм» для обозначения религиозных движений первых христианских столетий, а для названия аналогичных явлений в иных религиозных союзах и философских школах применять термин «гносис», однако предложение не прижилось.

И. Л. КАЧАЛОВ

ОСОБЕННОСТИ ОФИЦИАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Во второй четверти XIX в. кризис феодальной системы в России достиг наивысшего размаха. Однако самодержавие было еще слишком сильно, чтобы уступить без боя свои позиции. Напротив, оно делало все для сохранения существующего государственного строя и той структуры общественных отношений, на которой этот строй зиждился. Достичь поставленной цели лишь усилением карательного аппарата власти было, разумеется, невозможно. Новые течения общественной мысли заставляли царизм искать и эффективные средства идеологического противодействия их влиянию. В период царствования Николая I роль официальной идеологии абсолютизма стала играть так называемая «теория официальной народности», основные положения которой были сформулированы в начале 30-х гг. министром народного просвещения С. С. Уваровым в его знаменитой триаде: православие, самодержавие, народность.

В центре идейной борьбы в России, как и на Западе, оказалась проблема закономерностей исторического развития общества. Решение ее осуществлялось через осознание внутреннего противоречия и пути его исторического разрешения. Но если на Западе это противоречие вскрывалось реальной сменой одной социальной системы другой — феодального строя буржуазным, осуществленной Великой французской революцией, то в России эта же антитеза конкретно раскрывалась в сопоставлении крепостнической России и буржуазной Европы. Революционно-демократическая идеология А. Н. Радищева, «План государственных преобразований» М. М. Сперанского, политическая борьба декабристов были практическим утверждением западничества. В свою очередь, историческая концепция дворянства, выраженная Н. М. Карамзиным в «Записке о древней и новой России» (1811 г.)¹, противопоставляла этому западничеству начала консерватизма в национальной теории самобытности.

Очевидно, что признание общего пути исторического развития России со странами Запада вело к признанию неизбежности революции, уничтожению феодальной монархии, на что правящий класс России согласиться никак не мог. Карамзинская же теория национальной самобытности вполне удовлетворяла тем требованиям, которые ставились перед отечественной историей представителями официальной России. И вплоть до начала 30-х гг. XIX в. карамзинская концепция истории играла, по существу, роль официальной идеологии российского самодержавия.

Но события начала 30-х гг. поставили под сомнение правильность теории Н. М. Карамзина. Революции во Франции и Бельгии, восстание в Польше, вспышка массового движения в самой России, распространение революционных взглядов среди студенчества — все это свидетельствовало о дальнейшем углублении кризиса феодальной монархии. Проблема «Россия — Запад» приобрела еще большую остроту. Теперь уже одних только положений Н. М. Карамзина для доказательства различий в исторических путях и судьбах России и Запада было явно недостаточно. Необходимы были доказательства, которые более соответствовали бы духу времени, жизненная актуальность которых могла бы воздействовать на широкие слои русского общества.

И вот в 1832 г. в представленном царю отчете о ревизии Московского университета С. С. Уваров впервые четко формулирует и провозглашает три принципа: православие, самодержавие, народность. По мнению автора отчета, эти принципы «надлежало включить в систему общественного образования, чтобы она соединяла выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и с надеждами будущего, чтобы народное воспитание соответствовало нашему порядку вещей и было не чуждо европейского духа»².

Такая постановка вопроса, несомненно, была вызвана революционными событиями начала 30-х гг. Для правящих кругов России становится ясно, что прекратить проникновение в страну европейских идей и взглядов сугубо запретительными мерами уже невозможно. Единственный выход — поставить на их пути своеобразный фильтр, способный выхолостить всю революционность и, таким образом, допустить в Россию лишь то, что не противоречит ее самодержавному порядку. И в этом плане система С. С. Уварова наиболее полно отвечала требованиям правительства.

По существу, формула С. С. Уварова была составлена в духе карамзинской теории национальной самобытности России. Новым в ней было лишь то, что традиционные принципы закреплялись именем народности. Какого же эффекта добивался С. С. Уваров, провозглашая народность в качестве одного из основных принципов деятельности российского самодержавия? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, прежде всего, определить то значение, в котором С. С. Уваров и его современники употребляли слово «народность». Незнание или игнорирование семантики слова недопустимо при конкретно-историческом изучении истории общественной мысли и может привести к неполному, а подчас и неправильноному толкованию самого явления.

В советской исторической литературе понимание содержания уваровского принципа народности сводится в конечном счете к безграничной преданности народа царю и заботе последнего о благе своего народа³. Такое понимание, на наш взгляд, неверно.

Ю. С. Сорокин, исследовавший словарный состав русского литературного языка 30—90-х гг. XIX в., собрал ценнейший материал по терминологии русской общественной жизни и общественного движения. В своем исследовании он убедительно доказал, что слово «народность» было неологизмом 20-х гг. XIX в., но быстро получило широкое признание и в 30-е гг. стало почти всеобщим. При этом примечательно и его значение: «С одной сторо-

ны, в абсолютном употреблении оно обозначало совокупность характерных свойств народа, с другой, в зависимом употреблении, — отражение этих характерных свойств в чем- или ком-либо...»⁴.

Если проследить семантическую эволюцию слова «народность» со времени его появления до наших дней, то можно выявить ряд интересных моментов. Впервые оно вошло в словарь русского языка в 1847 г. под следующим кратким толкованием: «совокупность свойств, отличающих один народ от другого»⁵. В этом же значении мы находим его и в словаре В. Даля⁶. В послеоктябрьский период значение слова «народность» постепенно меняется. В частности, им обозначают один из основных принципов искусства социалистического реализма, который предполагает связь искусства с народом, выражение интересов народных масс. В этом значении (связь с народом и выражение его интересов) мы привыкли использовать слова «народность» и в повседневной жизни. Его первоначальное значение, еще сохранившееся в словарях 30—40-х гг., — «совокупность национальных черт, свойственных какому-либо народу»⁷, — в дальнейшем заменяется «национальной народной самобытностью; выражением дум, чаяний, стремлений народа»⁸. При этом акцент делается на второй части определения.

Советские историки, характеризовавшие теорию официальной народности, в большинстве своем не занимались этой проблемой специально, и поэтому, по всей вероятности, перенесли современное понимание «народности» на уваровский принцип. Отсюда вполне объяснима его трактовка как единение народа с царем, выражением интересов народных масс в воле государства. Однако высказывания самих теоретиков официальной народности не дают основания для подобного вывода.

Так, Н. Устрялов в своей работе, представленной на соискание степени доктора философии, говоря об «элементах русской народности», понимает под ними «те основные начала, из коих развилась наша жизнь общественная, гражданская и семейная»⁹. С. Шевырев в статье «Взгляд русского на современное образование Европы» пишет: «Третье коренное чувство есть сознание нашей народности и уверенность в том, что всякое образование может у нас тогда только пустить прочный корень, когда усвоится нашим народным чувством и скажется народной мыслию и словом... Москва есть то верное горнило, в котором пережигается все пришлое от Запада и получает чистую печать русской народности»¹⁰. Сам же С. С. Уваров в докладе Николаю I о десятилетии деятельности министерства народного просвещения (1833—1843 гг.), характеризующая состояние России в начале 30-х гг., так определяет задачу, стоящую тогда перед правительством: «...найти начала, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие, собрать в одно целое священные остатки ее народности и на них укрепить якорь нашего спасения»¹¹.

Таким образом, во второй четверти XIX в. слово «народность» употреблялось как синоним национальной самобытности России. При этом народностью или русской народностью именовали совокупность «начал», отличающих русский народ от других народов, Россию от других государств.

В 30-е гг. XIX в., как отмечает Ю. С. Сорокин, «началась эпоха различных интерпретаций этого понятия, согласование или приспособление его к различным идейно-политическим тенденциям»¹². На это же указывает и первый исследователь теории официальной народности А. Н. Пыпин: «...сама народность была спорным вопросом. Одни считали ее окончательно известною, достигнутою, осуществленною; другие, совершенно различными путями, стремились к ее открытию и разъяснению. Для всех народность означала самостоятельность, которую все понимали различно. Одна из этих точек зрения была официальная, и в этом смысле неприкосновенная...»¹³. Различные точки зрения объединяло, таким образом, то, что «для всех народность означала самостоятельность».

В этой общей для того времени идее самостоятельности России и поиске ее основ и заключается, на наш взгляд, особенность формулы С. С. Уварова, отличающая ее от теории национальной самобытности России Н. М. Карамзина. Россия провозглашалась не отдельным государством, а государством, включенным в систему других государств, но развивающимся самостоятельно, т. е. не копируя идеи и опыт Запада, а используя только то, что не противоречит русской национальной идее. А если учесть и мировоззренческие особенности эпохи, когда считалось, что каждый народ имеет свои, только ему присущие национальные свойства, причем данные изначально и неизменные на протяжении всей его истории, то эффект, которого добивался С. С. Уваров своей теорией, становится вполне очевидным.

В условиях подъема национального самосознания в русском обществе, играя на национальных чувствах, теория официальной народности объявляла, что для России кончился период подражания и наступило время независимого развития, что Россия может и должна развиваться самостоятельно. Тем самым переключалось внимание с революционных событий в Западной Европе на внутреннее совершенствование России, как бы стимулировалась деятельность на благо отечества. При этом в ранг национальных возводились те черты, сохранение которых для самодержавия было наиболее важно и выгодно. Цель же правительства оставалась прежней: не допустить в России революции и сохранить в неприкосновенности основы самодержавного строя.

¹ См.: Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. Спб., 1914.

² Десятилетие министерства народного просвещения. 1833—1843. Спб., 1864. С. 4.

³ См.: История СССР / Под ред. М. В. Нечкиной. М., 1954. Т. 2. С. 183—184; История СССР с древнейших времен до наших дней, в двух сериях, двенадцати томах. Серия первая. М., 1967. Т. 4. С. 274; Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты: Первая половина XIX в. М., 1981. С. 53; История СССР с древнейших времен до 1861 года. М., 1983. С. 526; История СССР XIX—начала XX в. М., 1987. С. 105.

⁴ Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90-е годы XIX века. М., 1965. С. 205 и далее.

⁵ См.: Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской академии наук. Спб., 1847. Т. 2. С. 398.

⁶ См.: Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля. Спб., 1881. Т. 2. С. 462.

⁷ Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1938. Т. 2. С. 414.

⁸ Словарь русского языка в четырех томах: 2-е изд. М., 1982. Т. 2. С. 389; То же: 1-е изд. М., 1958. Т. 2. С. 538.

⁹ Устрялов Н. О системе прагматической русской истории. Спб., 1836. С. 3.

¹⁰ Москвитянин. 1841. № 1. С. 294—295.

¹¹ Десятилетие министерства народного просвещения. С. 2.

¹² Сорокин Ю. С. Указ. соч. С. 207.

¹³ Пыпин А. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов // Вестник Европы. 1871. Кн. 5. С. 253.

Д. Б. МЕЛЬЦЕР

БОЛГАРСКИЙ ЭТАП ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф. Ф. РАСКОЛЬНИКОВА

О Федоре Федоровиче Раскольникове — видном революционере, военном деятеле и писателе — написано немало книг и статей. Однако его дипломатическая служба осталась без должного внимания со стороны историков и публицистов. Между тем Ф. Ф. Раскольников проявил незаурядные способности дипломата, успешно представляя страну в Афганистане (1921—1923 гг.), Эстонии и Дании (1930—1934 гг.). Кстати, он первым из советских дипломатов был удостоен ордена иностранного государства.

Когда 23 июля 1934 г. были установлены дипломатические отношения между Советским Союзом и Болгарией¹, народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов предложил Ф. Ф. Раскольникову пост полпреда в Софии. Он, не раздумывая, согласился, и 31 августа 1934 г. ЦИК СССР назначил его полномочным представителем Советского Союза в Болгарии.

Авторитет советской дипломатии в середине 30-х гг. определялся прежде всего концепцией коллективной безопасности в Европе, стремлением к сотрудничеству с великими и малыми странами. Ф. Ф. Раскольников считал, что его основная задача на новом посту — использовать вековые традиции дружбы народов Болгарии и России для налаживания и развития политических, экономических и культурных взаимоотношений между двумя странами.

София приветливо встретила первого советского полпреда. В день вручения верительных грамот, 23 ноября, толпы народа заполнили улицы, ведущие к царскому дворцу. «Редко иностранный дипломат принимался у нас с таким интересом и такой горячей симпатией, как полпред СССР», — отмечала правительственная газета «Болгария»².

Вручая верительные грамоты царю Борису III, Ф. Ф. Раскольников заявил: «Установление дипломатических отношений между Союзом Советских

Социалистических Республик и Болгарией было встречено правительством и народами нашей страны с чувством глубокого удовлетворения. Мирное дружеское сотрудничество народов в области политической, хозяйственной и культурной является тем базисом, на котором мне поручено моим правительством содействовать развитию и углублению дружественных отношений между нашими народами, связанными долготелными узами дружбы и взаимной симпатии. Сближение Советского Союза с Болгарией и установление между ними сердечных отношений отвечает интересам обеих государств и служит делу укрепления всеобщего мира»³.

Обладая большими организаторскими способностями, широкими культурными интересами, личным обаянием, Федор Раскольников в короткое время завоевал огромную популярность в различных кругах болгарской общественности, установил контакты с представителями прогрессивной и демократической интеллигенции, деятелями науки и культуры. Как писала болгарская печать, «имя Раскольникова у всех на устах»⁴.

Ф. Ф. Раскольников был человеком действия. Он страстно, с неиссякаемой энергией отдавал свои незаурядные способности налаживанию активных деловых связей. По прибытию в Софию, в своем интервью прессе, он подчеркнул, что первоочередной его целью является учреждение торгового представительства в Болгарии. «Без промедления,— заявил Ф. Ф. Раскольников,— мы должны установить реальные экономические отношения»⁵.

Решение этого важного вопроса в равной степени интересовало и тогдашнее болгарское правительство, возглавляемое К. Георгиевым. Был предпринят ряд конкретных мер: подписаны соглашения об обмене почтовыми посылками, о восстановлении телефонной связи. Доброжелательно встретила София намерение Советского Союза взять на себя строительство национальной радиостанции в Болгарии. Наметилось сотрудничество между Госбанком СССР и Болгарским банком. За всемерное развитие торговли с Советским Союзом выступали многие влиятельные фирмы. Конкретные предложения внесла и группа членов правления Болгаро-советской торговой палаты, посетившая полпреда СССР 29 ноября 1934 г.⁶ Между тем осуществление этих и ряда других мероприятий наталкивалось на серьезные препятствия. Дело в том, что дворцовые круги во главе с царем Борисом III, отстранив в январе 1935 г. правительство К. Георгиева от власти, отказались от его курса на сближение с СССР, что отразилось и на торгово-экономических взаимоотношениях.

В марте 1935 г. Ф. Ф. Раскольников во время встреч с премьер-министром П. Златевым, министром экономики Н. Мушановым, президентом Софийской торгово-промышленной палаты Д. Савовым по поручению Советского правительства предложил заключить торговое соглашение⁷. Однако начавшиеся в июле 1935 г. переговоры зашли в тупик, так как болгарская делегация считала, что открытие советского торгового представительства в Софии якобы будет способствовать «распространению коммунистической пропаганды в стране»⁸. Подлинная же причина состояла в ином. «На Болгарию был оказан сильный нажим Германией и Польшей,— сообщал в своем донесении в НКВД СССР Ф. Ф. Раскольников.— Германия прямо пригрозила, что она сократит свои закупки в Болгарии, если та заключит торговое соглашение с СССР»⁹.

И в последующие годы советский полпред настойчиво стремился изыскать пути развития стабильных политических и экономических отношений с Болгарией. Весьма заметна его роль в налаживании культурных контактов.

Болгарская общественность знала Ф. Ф. Раскольникова не только как пламенного революционера и видного политика, но и как талантливого литератора. Книга «Рассказы мичмана Ильина» в переводе Младена Исаева, Георгия Караславова, Орлина Василева, в художественном оформлении Александра Жендова вышла накануне его приезда в Софию. Затем была издана книга «Как я был в плену у англичан». На сцене Народного театра в Софии шла его пьеса «Робеспьер».

Советский полпред верил, что духовные связи будут иметь огромное значение для нормализации болгаро-советских отношений и вскоре после прибытия в Софию выступил с предложением заключить культурную конвенцию¹⁰. Однако болгарская администрация не только отклонила это предложение, но всемерно препятствовала развитию культурных контактов с СССР. Иную позицию занимала передовая болгарская интеллигенция, создавшая в сентябре 1934 г. Болгаро-советское общество и избравшая Ф. Ф. Раскольникова почетным председателем¹¹. Он всемерно помогал ее членам в повседневной деятельности, в их усилиях по развитию культурного

сотрудничества с СССР. Раскольников принимал непосредственное участие в юбилейных торжествах, посвященных А. С. Пушкину, Т. Г. Шевченко, А. М. Горькому. С большим успехом прошли также вечер советской музыки (октябрь 1936 г.) и утренник, посвященный советскому театру (апрель 1937 г.), на которых советский полпред выступил с речами. Ф. Ф. Раскольникову принадлежала инициатива проведения первой в Болгарии выставки советской живописи. В ноябре 1936 г. в Доме искусства экспонировались 173 картины И. Бродского, Г. Верейского, А. Дейнеки, В. Фаворского, Кукрыниксов и других известных художников. Как сообщал советский полпред в ВОКС, «во всех кругах болгарской общественности выставка оценивается как явление большого культурного значения»¹².

Интерес ко всему русскому, советскому в Болгарии был велик. В адрес Ф. Ф. Раскольникова поступали многочисленные запросы различных научных и учебных заведений, редакций газет и журналов об установлении контактов с родственными учреждениями науки и культуры. Советский полпред добился, чтобы Софийский университет, библиотеки, музеи, ученые и писатели через ВОКС получали новейшую научную и художественную литературу, периодическую печать. Только в течение трех лет (1935—1937) в их адрес было отправлено 5155 книг. В свою очередь культурные центры СССР получили из Болгарии около 500 книг¹³.

Федор Федорович затратил много усилий, чтобы пригласить в Болгарию видных советских ученых Н. И. Вавилова, К. И. Скрябина, Н. С. Державина. Правда, только академику К. И. Скрябину удалось посетить Софию, где он выступил с докладами, получившими широкий отклик научной общественности¹⁴. По инициативе Ф. Ф. Раскольникова Болгарию посетил выдающийся композитор Сергей Прокофьев (март 1936), о концерте которого восторженно писала болгарская печать¹⁵.

В течение сезона 1935/36 г. в шести театрах страны с успехом шли пьесы советских драматургов «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Чужой ребенок» В. Шкваркина, «Чудесный сплав» А. Киршона. Большой популярностью у болгарских зрителей пользовались советские кинофильмы «Чапаев», «Цирк», «Волочаевские дни», «Депутат Балтики» и другие.

Ф. Ф. Раскольников был хорошо знаком с историей болгарской национальной культуры, с творчеством классиков болгарской литературы. Работая в Софии, в свободное время он перевел на русский язык многие произведения Христо Ботева, Пею Яворова, Елисаветы Багряны и многих других поэтов. Особенно любил он стихи Димчо Дебелянова.

Полпред часто устраивал приемы в посольстве для болгарской интеллигенции. Он установил дружеские отношения с Георгием Бакаловым, Людмилом Стояновым, Тодором Павловым, Асенем Златаровым и другими видными общественными деятелями, учеными. Известные русофилы М. Маджаров и А. Бобчев, лидеры демократической партии А. Малинов и Н. Мушанов видели в Ф. Ф. Раскольникове представителя братской России и часто приходили к нему поговорить о судьбах славянства. «Хотя в то время в линии советского руководства не предвиделось проявления восторженных славянских чувств,— вспоминает вдова, Муза Васильевна,— Раскольников, который смотрел вперед, знал, что славянская солидарность всегда может быть на пользу и поэтому искренне интересовался идеями своих собеседников»¹⁶.

Чтобы ближе познакомиться с народом страны, где он аккредитован, советский полпред объехал ее практически всю, побывав не только в городах, но и в маленьких селах. Несмотря на большие сложности в работе, Ф. Ф. Раскольников был «удовлетворен своим пребыванием в Болгарии»¹⁷. У него были большие планы на будущее. Однако осуществить их не удалось.

С беспокойством и глубокой тревогой следил Раскольников за событиями на Родине, за процессами над видными большевиками, объявленными врагами народа, расстрелами Тухачевского и других талантливых военачальников, исчезновением одного за другим дипломатов. Был отозван в Москву и арестован военный атташе в Софии, затем личный шофер полпреда. Вскоре сам Раскольников оказался в числе неугодных Сталину людей. В январе 1938 г. он срочно вызывается в Наркоминдел для доклада. Вслед поступила телеграмма за подписью Молотова о незамедлительном выезде в Москву. Раскольников хорошо понимал, что никакой срочной необходимости в этом не было. «Посудите сами,— говорил позже Федор Федорович в Париже в беседе с советским дипломатом Л. Тарасовым.— Болгария небольшая страна. Никаких важных международных проблем в ней не решалось, в наших взаимоотношениях с ней не имелось никаких осложнений»¹⁸.

1 апреля 1938 г. Ф. Ф. Раскольников покидал полюбившуюся ему стра-

ну, о чем в тот же день по телеграфу уведомил Наркоминдел СССР. Провожала его вся советская колония. «Я покидал Софию,— писал позже Раскольников,— в полной уверенности, что вернусь туда вручить отзывные грамоты и сделать прощальные визиты»¹⁹.

5 апреля, находясь в пути, на вокзале в Берлине Ф. Ф. Раскольников узнает, что его освободили от обязанностей полпреда СССР в Болгарии. Не нужно было быть дипломатом, чтобы догадаться, какой конец его ждал в Москве, и он решает остаться за границей. «Мне стало ясно,— писал Раскольников,— что я, как многие старые большевики, оказался без вины виноватым».

Более трех лет Федор Федорович Раскольников жил и работал в Болгарии, с честью и достоинством защищая интересы своего Отечества. Он многое сделал, чтобы отношения между Болгарией и Советским Союзом приняли стабильный характер, строились на принципах мирного сосуществования, в духе дружбы и сотрудничества.

¹ См.: Мельцер Д. Б. Советско-болгарские отношения. 1917—1935. Мн., 1975. С. 163—164.

² La Bulgari. 1934. 28. juillet.

³ АВП СССР. Ф. 74, оп. 14, д. 5, п. 3, л. 2.

⁴ Комбана. 1935. 31 января.

⁵ Заря. 1934. 20 нояври.

⁶ См.: Заря. 1934. 30 нояври; Утро. 1934. 30 нояври.

⁷ См.: Заря. 1935. 28 марта.

⁸ ЦДИА. Ф. 176, оп. 11, а. е. 1301, л. 86—115.

⁹ Советско-болгарские отношения и связи: Документы и материалы. М., 1976. Т. 1. Док. № 426. С. 396.

¹⁰ См.: Утро. 1935. 22 юни.

¹¹ ЦГАОР СССР. Ф. 5283, оп. 6, д. 826, л. 127.

¹² Там же. Оп. 1, д. 46, л. 34.

¹³ Там же. Оп. 10, д. 904, л. 35, 54, 72.

¹⁴ Там же. Оп. 6, д. 828, л. 56; ЦДИА. Ф. 370, оп. 1, а. е. 481, л. 6.

¹⁵ См.: Слово. 1936. 2 март; Утро. 1936. 3 март.

¹⁶ К а н н в е з М. В. Моят живот с Раскольников // АБВ. 1990. 16 января.

¹⁷ Р а с к о л ь н и к о в Ф. Ф. Как меня сделали «врагом народа» // Открывая новые страницы. Международные вопросы: события и люди. М., 1989. С. 321.

¹⁸ Огонек. 1966. № 8. С. 24.

¹⁹ Р а с к о л ь н и к о в Ф. Ф. Указ. соч. С. 322.

К. А. ПЯТРОЎ

СЯРЭДНЕВЯКОВАЯ ЗАХОДНЕЕЎРАПЕЙСКАЯ ВАЙНА Ў АБЛІЧЧЫ СВЯТОЧНАГА ДЗЕЙСТВА

Вайна і свята, вайна ў абліччы свята... Гучыць на першы погляд парадасальна, але сама наяўнасць парадокса ўжо можа абяцаць нешта.

У артыкуле аналізуюцца крыніцы, якія даюць два часавыя зрэзы адной культуры: «Заваяванне Канстанцінопаля» Рабэра дэ Клары (XIII ст.) і «Мемуары» Філіпа дэ Каміна (XV ст.). У якасці зыходнай вылучаецца наступная гіпотэза: вайна заўсёды стрэс, але ён часткова здымаецца пераварочваннем мінус-феномена (вайна-гора) на плюс-феномен (свята-радасць), што забяспечвае больш паспяховае функцыянаванне homo sapiens (чалавека, які змагаецца).

Ніжэй прыводзяцца канкрэтныя вынікі назірання, даецца іх тлумачэнне ў святле прапанаванай гіпотэзы, надмацаванай канцэпцыяй М. М. Бахціна аб народна-пляшчаднай карнавальнай святочнай культуры.

Вось як Рабэр дэ Клары апісвае відовішча выхаду эскадры крыжаносцаў з Венецыі: «Галера, на которой плыл он сам (дож Венецыи — П. К.), вся была алой, и над ним был раскинут алый парчовый балдахин, впереди были четыре серебряные трубы, в которые трубили, и кимвалы, которые гремели по-праздничному... А потом пилигримы (крыжаносцы — П. К.) потребовали, чтобы на корабельные башни поднялись все священники и клирики, которые пели Veni creator spiritus... Это было со времени сотворения мира самое великопепное зрелище, ибо там было наверняка 100 пар труб, серебряных и медных, которые все трубили при отплытии, и столько барабанов, и кимвал, и других инструментов, что это было настоящее чудо. Когда они вышли в открытое море, натянули паруса и подняли свои знамёна и флажки на башни нефов, то казалось, что всё море заполнилось кораблями, кото-

рые они направили сюда, и словно пламенело от великой радости, которую они чувствовали»¹. А восьмь рыцарь падышли да Канстанцінопало: «...Когда все суда и вся флотилия собрались вместе, то они выстроили свои корабли и украсили их столь прекрасно, что это было самое великолепное зрелище на свете»². «Потом они выстроили свои боевые отряды и свои нефы, свои юиссые и галеры, и рыцари со своими конями вошли в юиссые, и они пустились в путь; и они повелели трубить почти в сто пар бронзовых и медных труб и бить в барабаны и кимвалы, которых было ещё больше»³.

Прыкметы святочнасці можна знайсці не толькі ў музыцы труб, іх колькасці, характэве, у іншых музычных інструментах і ўпрыгожаннях караблёў. «...Жители города... говорили друг другу, что наши, будто походят на ангелов, настолько они были прекрасны; ведь они были так прекрасно вооружены и их кони покрыты столь прекрасными попонами»⁴. Некалькі раней сказана: «...И не было коня, который не был бы покрыт боевой попоной и шелковым покрывалом, не говоря обо всем прочем»⁵.

Прыкметны адзін момант апісання аблогі Канстанцінопаля, які нібы ілюструе сувязь паміж святам і карнавалам: «А потом взяли всех, которые стерегли коней, и всех поваров, которые могли носить оружие; и вот всех их облачили в попоны, покрыли седельными ковриками, дали им в руки медные котелки, деревянные молотки и пестики, так что они имели столь безобразный и ужасающий вид, что пеший меньшей люд императора, который стоял по сю сторону стен, был объят сильным страхом и пришел в ужас, когда увидел их»⁶.

Сляды арганізацыі вайны па законах свята выяўляюцца і ў XV ст. Расказваючы аб змаганні пры Манлеры 27 ліпеня 1465 г., Філіп дэ Камін адзначаў: «У короля были вольные лучники, все в красивом обмундировании с золотым шитьем»⁷. А вось што паведамляецца аб бярыйцах і брэтонцах: «В их армии было 800 знатных кавалеристов, очень красиво одетых...»⁸ У апавяданні аб пазнейшых падзеях тое ж самае гаворыцца пра англічан і іх армію: «Она насчитывала 1500 кавалеристов на хороших лошадях, по большей части в латах и богатых одеждах по нашей моде...»⁹ Не менш раскошнымі былі і італьянскія рыцары, выступаўшыя на вайну «все в доспехах, с плюмажами, длинными копьями»¹⁰. Наогул, бітвы апісваюцца як вельмі эстэтычнае відовішча. «Итальянцы двигались тихим шагом и тесно сомкнутыми рядами, что представляло собой удивительно красивое зрелище»¹¹. І гэта уражанне чалавека, які праз некалькі мінут можа страціць жыццё! Коп'і італьянцаў хаця і не шмат каштавалі, з пункту гледжання французаў, але яны былі «зато красиво украшенными»¹².

Няма патрэбы далей множыць цытаты з крыніц, надышоў час іх тлумачэння. Дык вось, **вайна** і свята. Тое і іншае ёсць выхад са штодзённасці да той пары, пакуль іх працягласць не ператварае іх (як гэта ні жорстка гучыць - ў выпадку вайны) ў штодзённасць, інакш ў сваю супрацьлегласць, калі ўсе пачуцці людзей прытупляюцца. Пераход ад міру да вайны, ад штодзённасці да не-штодзённасці ёсць крызіс. Але, па М. М. Бахціну, і «празднества на всех этапах своего исторического развития были связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества и человека. Моменты смерти и возрождения, смены и обновления всегда были ведущими в праздничном мироощущении. Именно эти моменты — в конкретных формах определенных праздников — и создавали специфическую праздничность праздника»¹³.

Святочная свядомасць амбівалентна. Спакон якоў свет успрымаўся дваіста — сур'ёзна і несур'ёзна. Людзі жылі адначасова як бы ў двух светах, прычым, па сцвярджэнню М. М. Бахціна, без уліку гэтай двухсветнасці «ни культурное сознание средневековья, ни культура Возрождения не могут быть правильно понятыми»¹⁴. Адпаведна і свята адначасова паўстае і як сур'ёзная ўрачыстасць і як народны карнавал. «...В карнавале сама жизнь играет, а игра на время становится самой жизнью»¹⁵. Игра, па меркаванню М. М. Бахціна, была ўнутрана, па сутнасці звязана з народна-плашчадным бокам свята. Ён гаворыць таксама аб карнавальным успрымання гістарычнага працэсу як ігры, наогул аб універсальнасці вобразаў ігры, аб успрымання праз іх прызму часу, лёсу, дзяржаўнай улады, аб светасузіральных значэнні ігры.

Ігра стварае, па выказанню М. М. Бахціна, «веселое время», яна здымае страх, паколькі «страх — это крайнее выражение односторонней и глупой серьезности, побеждаемой смехом». У ігры нават такія, здаецца, страшэнныя рэчы, як пекла, зэрці, выглядаюць не больш чым «смешными страшилицами».

Ігравы пачатак жыцця ўвасабляецца ў масках, матывы якіх з'яўляюцца вельмі важнымі ў народнай культуры. Як тут не прыгадаць пераапанутых каля сцен Канстанцінопаля! Магчыма яны не столькі палохалі, колькі здымалі страх у сваіх? Ігра, смех перамагаюць страх і нават (у свядомасці) смерць. Вобраз смерці амбівалентны. Смерць — гэта адначасова і адраджэнне. Вобраз смерці ў сярэдневяковым і рэнесансным карнавальным светаўспрыманні заўжды нясе ў сабе элемент смешнага.

Дык вось, прасочаны ланцужок, які вядзе ад крызісу праз свята, якое ў сувязі з двусветнасцю з'яўляецца то сур'ёзным, то вясёлым і смешным, да ігры і перамогі над страхам смерці. Але паколькі ад крызісу вядзе і ланцужок: вайна — сур'ёзнасць — гора — смерць, то, дзякуй зноў жа двусветнасці, агульнасці сур'ёзнага ў обоіх ланцужках і наадваротнасці логікі карнавальнай мовы, магчыма перайсці ад гэтага апошняга ланцужка да першага.

Менавіта такім чынам вайна выступае ў абліччы свята, і, у рэшце рэшт, у сярэднія вякі *homo rignans* быў сваяком *homo ludens* (чалавека, які грае) Й. Хейзінгі.

¹ Робер де Клари. Завоеванне Канстанцінопаля / Пер. со ст.-фр. М., 1986. Глава XIII.

² Там жа. Гл. XL.

³ Там жа. Гл. XLI.

⁴ Там жа. Гл. XLVII.

⁵ Там жа.

⁶ Там жа. Гл. XLV.

⁷ Филипп де Коммин. Мемуары / Пер. со ст.-фр. М., 1986. Кн. 1. Гл. III.

⁸ Там жа. Гл. V.

⁹ Там жа. Кн. 4. Гл. V.

¹⁰ Там жа. Кн. 8. Гл. X.

¹¹ Там жа. Гл. XI.

¹² Там жа. Гл. XII.

¹³ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 14.

¹⁴ Там жа. С. 10.

¹⁵ Там жа. С. 13.

В. А. ПОЛИКАРПОВ

К ВОПРОСУ О РОЛИ РЕЧИ В МЫШЛЕНИИ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТУИЦИИ

Психологию мышления интересует прежде всего то, каким образом в ходе мыслительного процесса из исходной информации получается новое знание. Особенную сложность здесь представляет то, что мышление, направленное в данном случае само на себя, не может иметь в полной мере само себя предметом отражения. А. В. Брушлинский в книге «Мышление и прогнозирование» пишет: «Специфика и одновременно главная трудность этих исследований состоят в том, что здесь мышление человека обращается на самого себя. Мыслящий человек становится не только субъектом, но и объектом познавательной деятельности»¹. Вследствие этого мышлению, занимающемуся самопознанием, приходится иметь дело не с самим объектом, а его отражением в каком-нибудь индикаторе. Этим индикатором мышления является речь — процесс, наблюдаемым результатом которого являются звуки речи, или, если это внутренняя речь, — внутренняя артикуляция. Семантика речи представлена сознанию через язык, абстрактную систему значений и языковых структур, и сама речь как внутренний, физиологический процесс, данный в интероцептивных ощущениях. Когда изучают мышление, то объектом исследования в первую очередь становятся сопровождающие его речевые процессы, выраженные в языке. Это языковое выражение речевых процессов, записанное на бумаге, переданное испытуемыми, зафиксированное в самонаблюдении памятью, представляет собой данные индикации.

История науки знает немало примеров, когда индикация какого-нибудь процесса принималась за сам процесс. Так случилось и в изучении мышления. Упомянутая выше индикация стала изучаться как сам процесс мышления. Иными словами, мышление было отождествлено с речью. Уже у древних греков мы встречаем понятие, применяемое одновременно для обозначения и мышления, и речи, *Logos*. Греками же была создана логика — наука, имеющая дело с внешней, видимой стороной мышления, его речевым результатом. Но так как последний понимался конгруэнтно самому процессу мышления, то логика, наука, которая «...имеет своим предметом внешнюю структуру мысли, воплощенную в наиболее общих взаимосвязях элементов ее символической, кодовой формы»², заняла место науки, изучающей мышление вообще. Найденные логические законы мышления стали претендовать на описание собственно процесса мышления. Логика, вместо своей прямой задачи — обоснования нового знания, изучения способов его доказательства — стала претендовать на объяснение и описание самого процесса рождения нового знания. Немудрено, что такой подход оставил огромное белое пятно в изучении мышления, именуемое интуицией. Если придерживаться логической последовательности фактов, то первое противоречие, приведшее к необходимости призвать спасительный «черный ящик» — интуицию, открылось в так называемой проблеме начал логического движения.

«И содержательная, и формальная (аристотелевская и современная математическая) логика сходятся в одном существенном пункте. Обоснование начал (аксиом, исходных понятий...) логического движения до сих пор не входит в задачу науки логики»³. Но если логически не обосновываются сами начала логического движения, можно ли говорить о возможности всего логиче-

ского движения вообще? Допустимо ли возводить строгое здание логических построений, основанием которого являются не доказанные, логически не обоснованные истины?

Так, например, Декарту, столкнувшемуся с проблемой происхождения начал (исходных понятий) логического движения, никак не обосновываемых логически, пришлось наряду с дедукцией (логическим мышлением) допустить существование некоего естественного света разума — интуиции, источник которой не был определен. Декарту понадобилась интуиция потому, что он не видел обоснования логикой логических оснований, а точнее, потому, что логика не могла отыскать в речи отражения процесса выведения и обоснования указанных оснований.

Таким образом, отождествление мышления с его индикацией привело к тому, что мышление было разделено на два противостоящих друг другу феномена: дискурсивное мышление, т. е. связанное с речью, выраженное через это в языке и тем самым доступное логике, и интуицию — мышление, не имеющее отражения в языке и поэтому скрытое (как процесс) от исследователя. Вот почему проблема роли речи в мышлении приобретает важное значение для решения проблемы интуиции. Если процесс мышления не тождествен сопровождающему его процессу внутренней речи, то какую роль играет речь в мыслительной деятельности индивида? В чем состоит взаимодействие мышления и речи в когнитивных процессах? В решении этого вопроса мы исходим из принятого понимания мышления как ориентировочной деятельности человека, как определяющего свойства личности, являющегося внутренним моментом деятельности. Мышление — это субъективный процесс, в котором личность как субъект деятельности моделирует эту деятельность, антиципируя (Мегрелидзе) ее результат, и уже потом переносит его в практику. «В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально»⁴. В процессе объективной деятельности субъект вступает во взаимодействие с продуктом (термин, взятый К. Мегрелидзе из ранних работ К. Маркса). Это есть основное условие возникновения и существования сознания.

Всякий продукт как предмет, произведенный в обществе, включает в себя нечто объективированное в нем — способность удовлетворять ту или иную потребность человека, а также нечто субъективированное — его цель, скрытый в нем смысл, без осознания которого продукт не может быть потреблен. Наличие этой постоянно существующей необходимости осознания субъективированных качеств продукта есть «...великая сила, содействующая развитию и расширению сферы сознания»⁵.

Как уже сказано, в процессе деятельности, т. е. оперирования продуктами (а точнее — потребления и производства продуктов), субъект постоянно моделирует ее. В этой субъективной модели деятельности субъективными образами продуктов выступают идеи. Не трудно видеть, что если мышление — это внутренняя, ориентировочная деятельность человека, внутреннее моделирование объективной деятельности, то в мышлении должно сохраняться то же самое отношение субъекта к идеям — субъективным символам продуктов, что и в реальной жизни к самим продуктам. По словам Л. С. Выготского, «мышление — это интериоризованная деятельность», т. е. деятельность, но совершающаяся «внутри», в сознании человека, при сохранении тех же законов и закономерностей». Поэтому, очевидно, в мышлении можно отыскать процесс, без которого невозможна объективная деятельность. Это процесс отчуждения. Без отчуждения деятельность субъекта в обществе (т. е. человеческая деятельность, она же создающая человека) невозможна. Во 2-й главе «Капитала» К. Маркс, рассматривая процесс обмена товаров, писал: «Все товары суть непотребительные стоимости для своих владельцев (т. е. его (владельца) товар не имеет для него непосредственной потребительной стоимости) и потребительные стоимости для их невладеющих. Следовательно, они должны постоянно перемещаться из рук в руки»⁶. Иными словами, лишь после отчуждения и противопоставления товара своему владельцу (как противостоят ему все остальные товары) может начаться обычное взаимодействие владельца, теперь уже просто субъекта, с товаром. Только после отчуждения товар, приобретаемый для него все свои свойства, подвергается анализу потребителя — выявлению его положительных и отрицательных качеств, сравнению с другими товарами, синтезу — его общей оценке.

Итак, это не аналогия с товарным производством, это его модель. На уровне идей, как уже подчеркивалось, существует то же отношение субъекта к модели продукта, что и в реальной жизни к продукту. Ф. В. Бассин в книге «Проблемы бессознательного» пишет, что идея лишь тогда может быть

осознана, когда она ясно противопоставляется «Я» субъекта⁷. Иначе говоря, в процессе внутреннего моделирования какая-либо новая идея лишь тогда может быть проанализирована и правильно оценена, когда она как бы выносятся во вне, субъективно противопоставляется интеллекту, отчуждается, внутренне феноменализуется⁸, т. е. становится доступной всем формам восприятия. Этим феноменализатором идей является речь. Когда я проговариваю про себя мысль, т. е. выражаю ее в языке, я как бы делаю ее внутренне зримой, доступной восприятию и анализу. В этом кроется механизм так называемого мысленного диалога, который нужен нам для удобства феноменализации идей. Пока я проговариваю одну фразу диалога, где-то в глубинах сознания лихорадочно ищется на нее ответ (возражение, подтверждение), и он уже появляется перед нами в виде новой фразы.

Феноменализация — это внешняя сторона мышления для мышления. Пишут о самодетерминации процесса мышления, начавшегося с проблемной ситуации. Проблемная ситуация осознается, т. е. формулируется в феноменализаторе в виде задачи, и тогда начинается мышление. Какой-то вывод, возникший в ходе поэтапного решения задачи, феноменализуется и его несовершенство толкает мышление дальше, до полного решения. Таким образом осуществляется самодетерминация мышления, которая «...не дана изначально как нечто абсолютно готовое и уже законченное, но постепенно формируется и развивается в ходе решения задачи»⁹.

Итак, главная цель феноменализации, из которой как следствие вытекает и функция детерминации, — это превращение мыслей во внутреннюю реальность, их объективация, то, что позволяет человеку подвергать их анализу, как вне его лежащий объект. Но тогда всякое новое речевое воплощение мысли, всякая новая феноменализация, являясь лишь опорным моментом мышления, есть результат каких-то процессов, протекающих в момент совершения предыдущей феноменализации. Будучи невыраженными в речи, они скрыты от сознания, но появляющиеся в феноменализаторе результаты, часто даже совсем логически не связанные с предыдущими, приводят к выводу, что они (эти процессы) существуют. Представлены ли они как-нибудь субъекту?

Попытки ответить на этот вопрос привели к идее второго языка мышления. Приведем рассуждения Уолтера Р. Рейтмана (английского психолога и кибернетика) относительно второго языка мышления, изложенные в его книге «Познание и мышление». У. Рейтман основывается на выводах биолога Саймона о том, что когда возникают новые органы, они действуют с помощью уже существующих органов, изменяя и приспособлявая, но не упраздняя их, и на работах Сперри, доказавшего справедливость этого правила и для речи. Исходя из этого У. Рейтман считает, что «...информационные процессы человека (мышление рассматривается в свете теории информации — В. П.) основаны на восприятиях, причем слова и язык воздействуют на основную перцептуальную систему... Мы описываем мир и реагируем на его словесные описания, вызывая из памяти, конструируя и преобразуя восприятия». Иными словами, речевое мышление всегда сопровождается какими-то неречевыми процессами, основанными на элементах восприятий — образах. «Весьма вероятно, что человеческое мышление в значительной части использует закодированные в виде восприятий познавательные элементы, а также процессы для оперирования с ними, причем даже в тех случаях, когда речь идет о так называемых абстрактных понятиях». Речевая феноменализация вызывает к жизни процессы, которые не обязательно должны соответствовать по структуре своего «внутреннего языка» структуре языка словесного¹⁰.

Итак, выделяется второй язык мышления. Он свободен от логики и не соответствует структуре словесного языка, на котором всегда, в конечном итоге, выражается результат мышления. Не случайно поэтому многие авторы связывают феномен интуиции с деятельностью этого второго языка¹¹.

Но трудно согласиться с некоторыми авторами, относящими данный компонент мышления в связи с попытками решить проблему интуиции в сферу бессознательного. Получается следующая картина: мышление, начатое на сознательном уровне, опускается затем в «подсознание», лишаясь при этом своей языковой оболочки и базируясь теперь всецело на «первичном уровне» (Я. А. Пономарев). И здесь оно, совершив основной объем переработки информации, выдает в сознание определенное решение, фиксируя его в словесном языке.

При кажущейся «гладкости» этой схемы ее трудно принять. Здесь снова реанимируется пресловутая проблема бессознательного, дискутировав-

паяся психологами-материалистами еще при жизни И. П. Павлова. Не случайно М. Бунге, посвятивший проблеме интуиции книгу «Интуиция и наука», сравнивает подобные попытки решить проблему интуиции с «тезисом Фрейда» будто почти всякий психический процесс сперва протекает в под-сознательной форме или фазе и только из нее развивается в фазу сознательную.

Причиной такого понимания места второго языка мышления была, видимо, особая специфика образного компонента, связанная с тем, что наглядный образ часто выступает не как чувственный образ какого-то конкретного предмета, а в «снятом виде» (Славин), как какие-то «пятна», «расплывчатые образы», что соответствует синтезированному воспроизведению в сознании определенных черт и сторон различных образов. Такое понимание, очевидно, определяет мнение В. Н. Пушкина о существовании специального неосознаваемого языка мышления: «Известно, что в процессе решения задачи наряду с образами представлений, наряду со словами в голове человека возникает что-то такое, что не может быть выражено с помощью слова и что определяет ход решения и его словесное оформление. Речь идет о бессознательном, безобразном компоненте мыслительной деятельности»¹².

Но ведь и это «нечто» возникает-то в голове (!). Автор пишет о нем, как о чем-то представленном человеку в его сознании. Но тогда это уже не бессознательное! Видимо, о том же писал знаменитый французский математик Жак Адамар: «...Если я должен думать о каком-нибудь силлогизме, я о нем думаю не словами — слова мне не позволили бы понять, правилен ли силлогизм или ложен, — а с помощью интерпретации, аналогичной интерпретации Эйлера, пользуясь, однако, не кругами, а какими-то пятнами неопределенной формы»¹³. Но Ж. Адамар ни в коем случае не относит эти «пятна» в сферу бессознательного. Они постоянно присутствуют перед его «внутренним оком».

На наш взгляд, правильно к решению проблемы подходит А. В. Славин, который оставляет оба компонента в сознании. «Мозг человека постоянно формирует своеобразные чувственно-логические образы ... обобщенное знание об отражаемых объектах, в котором выступают в нерасчлененном единстве чувственные и логические моменты... Значительная часть информации, которой обладает субъект, до определенного момента не поддается символическому осмыслению и словесной формулировке, т. е. остается, как говорят психологи, инвербализованной. Это содержание мысли фиксируется в наглядных образах (схемах, воображаемых моделях и пр.)»¹⁴.

Таким образом, обязательно участвуя в мышлении и постоянно присутствуя при этом в сознании в качестве фона или в качестве актуализированного представления (предмета сознания), образный компонент играет в мышлении такую же роль феноменализации, как и речь. Наряду с речью, с использованием мышлением словесного языка для феноменализации точно так же, как феноменализатор, используется наглядный образ. Обе формы феноменализации в итоге лишь дополняют друг друга, играя в мышлении одну и ту же роль. Изучение их специфики и форм взаимодействия имеет большое значение для раскрытия тайны интуиции. Но окончательное решение проблемы лежит в изучении механизмов, действующих за феноменализатором и составляющих бессознательный компонент мыслительного процесса. Эту сторону бессознательного нельзя изучать по аналогии с сознанием.

¹ Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. М., 1979. С. 3.

² Веккер Л. М. Психические процессы. Л., 1976. Т. 2. С. 5.

³ Библер В. С. Мышление как творчество. М., 1975. С. 23.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 189.

⁵ Мегрелидзе К. Основные проблемы социологии мышления. М., 1972. С. 74.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 95.

⁷ См.: Бассин В. Ф. Проблемы бессознательного. М., 1968.

⁸ Термин «феноменализация» образован от категории *феномен* кантовской философии, означающей всё, «...что может быть предметом возможного опыта... и в чем обнаруживаются отношения» (Ф. Э. Т. 5. С. 313). В дальнейшем под феноменализацией будем понимать именно этот процесс отчуждения, присутствующий в мышлении.

⁹ Брушлинский А. В. Психология мышления и кибернетика. М., 1970. С. 54.

¹⁰ Рейтман У. Познание и мышление. М., 1968. С. 328, 329.

¹¹ См.: Веккер Л. М. Психические процессы. Л., 1977. Т. 2. С. 158.

¹² Пушкин В. Н. Эвристика — наука о творческом мышлении. М., 1967. С. 59.

¹³ Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970. С. 73.

¹⁴ Славин А. В. Наглядный образ в структуре познания. М., 1971. С. 58; 45.

ЧЕЛОВЕК И ТВОРЧЕСТВО В ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ КИТАЯ

В философии проблема человека — вечно традиционная и вечно новая. Ее традиционность обусловлена самой предназначенностью философии как формы теоретического знания о возможных способах человеческого бытия, его месте в прошлом, настоящем и будущем. Ее новизна определяется теми вопросами, которые ставит перед каждым поколением людей сам ход человеческой истории.

Целостность и взаимосвязь многовариантного течения современной общественной жизни связали философское осмысление человека и его творчества с глобальными противоречиями техногенной цивилизации и с перестроечными процессами в социалистических странах. Животрепещущей стала потребность в определенной координированности разных ценностных шкал, ценностных установок человеческого бытия, которые наработаны и существуют в различных культурах. Отдавая дань уважения ценностным ориентирам в каждой стране и каждой культуре, необходимо признать, что их координация достижима только на основе приоритета общечеловеческих ценностей. Вместе с тем думается, что каждый народ и каждая страна приходят к признанию общечеловеческих ценностей отнюдь не в результате абстрактных размышлений, а в процессе решения проблем своего участия в дальнейшем цивилизационном развитии, в созидании своего настоящего и будущего благополучия.

В последние годы философская мысль Китая уделяет очень большое внимание проблеме человека, в то время как в период «культурной революции» тематика человека оставалась в тени научных интересов. С чем же непосредственно связан подъем исследований о человеке в Китае сегодня?

Прежде всего следует отметить, что в настоящее время Китай стремится овладеть достижениями современного научно-технического прогресса и использовать их в перестройке своей экономики. Но для этого необходимы не только миллионы грамотных, но и творчески относящихся к своему делу людей. Пробудить у человека стремление к творчеству, создать необходимые условия для творчества миллионов — сложная задача, в решение которой призваны внести свой вклад и китайские обществоведы. Необходимо преодолеть негативные последствия периода «культурной революции», в результате которого творческая инициатива и стремление к творческой деятельности у китайского народа оказались скованными. Лишь с 1979 года (начало перестройки в Китае) философы и обществоведы начали вновь обращаться к изучению творчества как важнейшей форме реализации человеком своих существенных сил. Подходя к творчеству как общечеловеческой ценности, китайские ученые опираются на богатейшее наследие китайской философии. Ведь еще древнекитайские мыслители заметили, что самым главным богатством в могучей и процветающей стране является человек, особенно способный и талантливый человек. Так, известный философ и политический деятель Мо-цзы (Мо Ди) (479—400 гг. до н. э.) рекомендовал привлекать к управлению государственными и общественными делами в первую очередь способных людей, независимо от их социального положения. «И хотя бы человек был из землепашцев, — писал Мо-цзы, — или кустарей, или торговцев, но если он обладал способностями, то его выдвигали...»¹ При этом он метко подметил, что поиск и выдвижение талантливых людей будут эффективными только в том случае, если значимость таких людей будет отражена в общественной психологии. А для этого необходимо назначать их на престижные государственные и общественные должности и выплачивать им высокие оклады. «Поступать таким образом, — учил Мо-цзы, — значит почитать мудрость. После этого совершенно мудрый человек прислушивается к словам мудрого, смотрит за его поступками, изучает его способности и на основании этого осмотрительно назначает его на службу — это и есть привлечение способных... Благодаря этому мудрых в государстве становится все больше, а неспособных и плохих людей все меньше»². Если же не поощрять способных, талантливых и мудрых людей, то дела в любом государстве, по его мнению, будут идти все хуже и хуже. «Если (мудрых) не наделять высоким чином, то народ не будет уважать их, если мудрым выдается небольшое жалование, то народ не верит (что этот пост важен)»³.

Отношение к способным и творческим людям — это и древняя, и современная проблема. «Культурная революция» нанесла значительный ущерб

духовной жизни Китая именно потому, что в ходе ее насаждалось нигилистическое отношение к творческой деятельности, к интеллигенции и науке. Общественная значимость труда и творчества интеллигенции оценивалась намного ниже общественной значимости труда рабочих и крестьян. Поддерживалось мнение, что чем больше у человека научных знаний, тем реакционней его мировоззрение. Признание получало лишь комментаторство изречений Мао Цзэдуна, но не творческая самостоятельность научной мысли. Не случайно китайские философы, испытывая на себе все издержки политики «культурной революции», вспоминали притчу о великом Конфуции (551—479 до н. э.), который однажды шел со своими учениками по глухой местности и увидел плачущую женщину. На вопрос одного из учеников, почему она плачет, женщина ответила, что в этой местности обитает свирепый тигр, и этот тигр съел ее отца, мужа и сына. Ученики Конфуция удивились тому, что женщина после таких несчастий продолжает жить в этой местности. Но здесь нет жестокой политики, — ответила женщина, а Конфуций заметил: жестокая политика страшнее для человека, чем свирепый тигр.

После 1979 г. политика по отношению к интеллигенции и творчеству кардинально изменилась. «Надо уважать научные знания, уважать способных людей», — так определил одно из магистральных направлений преодоления негативных последствий «культурной революции» Дэн Сяопин уже в 1977 г. Ценностными установками новой политики стали лозунги: «человек, который занимается творческим трудом, — это самое дорогое богатство», «образование — это самое выгодное капиталовложение, это будущее страны». Утверждению этих ценностей в идеологии в значительной мере способствовала прошедшая в Китае массовая дискуссия 1978 г. о критерии истины. Ее главным результатом явилась идеологическая установка на «реалистический подход к действительности».

Преодоление последствий «культурной революции» и создание такой духовной атмосферы, в которой впредь было бы невозможно повторение подобной исторической трагедии народа, также настоятельно потребовало разработки философских концепций о месте, о ценности, о путях развития и саморазвития человека. При этом очень важно, чтобы эти разработки были связаны и с возможностью применения их выводов на практике: в педагогической, организационно-управленческой и в других областях профессиональной деятельности.

Поэтому исследования китайскими философами факторов, которые влияют на творчество человека, имеют большую и теоретическую, и практическую значимость. В работах последних лет обращается внимание на то, что творчество зависит от комплекса биологических и социальных факторов. Такие психологические свойства личности, как ее способности, целенаправленность и сфера приложения интересов, мотивов и воли, рассматриваются в качестве важнейших предпосылок творчества. На развитие и применение способностей большое влияние оказывают и приобретаемые человеком знания, и его ум. Это две стороны одной целостности: знания способствуют развитию ума, а повышение интеллектуальных данных открывает больший простор для получения знаний. Но развивать ум гораздо сложнее, чем овладеть готовыми знаниями. Поэтому эффективность обучения в высшей школе определяется и тем, насколько в процессе этого обучения оттачивается ум человека. Не случайно преподаватели и педагоги в Китае говорят: студентам следует дать не рыбу, а сеть, ибо рыба кормит один день, а сеть всю жизнь. Главное для человека не «проглотить» готовые знания, а овладеть умением самостоятельно получать и применять их соответственно запросам и обстоятельствам деятельности.

Свобода творчества органически перерастает в нравственную ответственность за использование его результатов. Нравственность и творческие способности личности оказываются в сложном переплетении. Не зря древнекитайские мыслители связывали оптимальное развитие творчества человека не только со способностями, но и с его нравственностью. Нравственность — это полководец способностей, — считал Сы Магуань, а применение способностей — смотр нравственности. Способности и нравственность в человеке могут образовывать различные сочетания. Четыре из них Сы Магуань выделял в качестве критерия оценок человека и определения возможных перспектив его деятельности. Так, он считал, что человек с прекрасными способностями и высокой мудростью — это мудрый человек, достойный занимать самые ответственные посты в любом государственном учреждении; человек, у которого нравственность выше, чем его способности, отличается благородством, его деятельность пользуется уважением и признательностью. Безнрав-

ственный человек с плохими способностями может оцениваться как глупец, но вреда людям он причиняет гораздо меньше, чем тот, у кого хорошие способности, но низкая нравственность, ибо отсутствие способностей не позволяет глупцу осуществить безнравственные цели. Самыми социально благоприятными типами являются мудрые и благородные люди, а социально опасными — люди безнравственные, но с хорошими способностями: свою творческую деятельность они могут обратить во вред обществу.

При всей приблизительности данных оценок, они тем не менее давали определенный ориентир в подборе и выдвижении кадров, а потому, подкрепленные опытом, дошли до наших дней. Тем не менее и для современности остаются актуальными вопросы о критериях и методах распознавания, определения творческого потенциала человека, об условиях его реализации, о влиянии коллектива на эффективность творческой деятельности. Достаточно известно: собранные в одном коллективе талантливые и способные личности далеко не всегда могут принять участие в совместном творчестве, если налицо психологическая несовместимость или обезличка творческой деятельности и т. д. В итоге может возникнуть ситуация, как в притче о трех монахах. Когда высоко в горах жил один монах, то он ежедневно приносил в храм на коромысле два ведра воды. После того, как с ним поселился второй монах, за водой они отправлялись вместе с одним ведром, ибо каждый держался за конец коромысла, деля работу поровну. Однажды к ним пришел жить третий монах. Теперь уже никто не шел за водой, ведь нести втроем одно коромысло неудобно. Вот и получается, что у трех монахов некому воду носить.

Возможна и противоположная ситуация: творческая эффективность работы коллектива превосходит потенциал отдельно взятых талантливых лиц. И тогда в Китае вспоминают поговорку: «три сапожника лучше, чем Чжу Гелянь (в старину известный своим умом и талантом человек).

Следовательно, объединение потенциально творческих личностей в одном коллективе может давать противоположные результаты. Важно определить принципы оптимальной организации творческих коллективов, к которым относятся принципы системности, дополнительности и регуляции. Принцип системности определяет эффективность и целенаправленность творческой деятельности коллектива как целого. Принцип дополнительности ориентирует подбирать в коллектив людей разного возраста, пола, интеллектуальных способностей, психологических склонностей так, чтобы их индивидуальности дополняли друг друга и перекрывали недостатки каждой отдельной личности. В этом случае наиболее вероятно, что взаимодействие всех членов коллектива увенчается творческим успехом и получением результатов. Принцип регуляции и саморегуляции развития коллектива позволяет в зависимости от тенденции его функционирования вносить необходимые изменения в структуру коллектива и добиваться тем самым большей творческой эффективности.

Понимание и применение на практике этих принципов позволяет формировать ту среду или те внешние факторы, которые способствуют раскрытию творческих возможностей человека со всей полнотой. Необходимо также видеть, что научно-технический прогресс и происходящие в обществе социальные преобразования усиливают значение индивидуального творчества. Методологической основой его философского анализа также служит марксистское понимание человеческой деятельности как социально-исторического преобразования действительности и опредмечивания сущностных сил человека. Предпосылкой индивидуального творчества является умение видеть в окружающем мире то, что не видят другие, придавать личностный смысл вроде бы одинаковым для всех предметам, а потом этот новый смысл показывать всем остальным, воплощая его в продуктах своей деятельности.

Учить нестандартному видению мира и человека призвана философия. Широкая философская эрудиция развивает критическое и нетрадиционное мышление, стимулирует генерирование оригинальных идей, вырабатывает критерии их оценки и возможности практического осуществления. Призыв философии к человеку познать самого себя основан на признании ценности творческого развития личности и служит гуманизации общественного прогресса.

¹ Антология мировой философии: В 4 т. М., 1969. Т. 1. С. 198.

² Древнекитайская философия: Собрание текстов: В 2 т. М., 1972. Т. 1. С. 182.

³ Там же. С. 183.

ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРЫ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Экономико-политический кризис в нашей стране предельно обнажил недостатки существующей системы управления. То, что перестройка хозяйственного механизма, реформа социально-политической структуры, гуманизация общественных отношений требуют безусловного демонтажа административно-командной бюрократической модели управления, является аксиомой. Перед социологией стоит фундаментальная научная проблема и актуальная практическая задача поиска, внедрения и проектирования социально-обусловленных гибких демократических форм управленческих отношений, нынешнее деформированное и неадекватное состояние которых во многом определяет кризисную ситуацию в обществе.

Традиционный прагматический ресурсно-потребительский подход к человеку, пренебрежение необходимостью и возрастающей потребностью личности участвовать в управлении, сведение индивида к функции исполнителя предопределенных ролей, социотехнические приемы активизации деятельности перечеркивают креативно-личностный аспект управленческих отношений, снижают уровень актуализации личностного потенциала, усугубляют противоречия между возможностями человеческого фактора и их использованием в социальной практике. Оптимальная культура управленческих отношений не может быть реализована в условиях административно-командного режима, искажающего понимание управления и в обыденном, и в научном познании. Архаичные традиционалистские формы управленческих отношений не предполагают активности, творчества, свободы и партиципативности действий их носителей, а следовательно, атрибутов культуры в ее прогрессивном смысле. Управленческие взаимодействия, лишённые позитивного ценностно-мотивационного и нормативного аспектов, неизбежно теряют идейно-нравственный смысл. «Живые» управленческие отношения подменяются рационально-технологическими с жестко заданной внешней программой. К сожалению, отсутствуют объективные (как дифференцированные, так и обобщенные) социологические данные по этим проблемам, но в среднем по результатам различных исследований в трудовых коллективах до 60 % работников выражают негативное отношение к возможностям реализации своего потенциала в процессе управленческой деятельности.

В условиях увеличения удельного веса организационно-управленческих проблем в социальных и производственных процессах осуществление целей перестройки зависит от определения механизмов приведения деятельности субъектов управления в соответствие с объективными тенденциями социальной практики, полноценного включения человека в управленческие отношения в непосредственных формах участия, изменения управленческого мышления и сознания, смены социально-психологических установок личности на собственную роль в управленческих процессах, трансформации отношений управления в отношении самоуправления.

Проанализируем некоторые опорные моменты концептуального каркаса проблемы совершенствования управленческих отношений и повышения их культуры через мобилизацию ее личностного потенциала.

1. Управленческие отношения

Социальный феномен управленческих отношений — это особый целостный, относительно самостоятельный, вид общественной практики, способ осуществления управленческой деятельности, необходимое условие эффективного производства. Этот вид общественных отношений сформировался, был осознан и начал сознательно реализовываться лишь на определенном этапе развития общества в связи с возникновением общего основания нового вида отношений: положения индивидов относительно управления как самостоятельной всеобщей функции. Управленческие отношения — это социологическая категория для обозначения совокупности устойчивых объективно обусловленных взаимосвязей между людьми и их коллективами по согласованию, упорядочению, регуляции и саморегуляции продуктивно-репродуктивной, генеративной и конструктивно-инновативной деятельности в процессе поиска, выбора, принятия и реализации управленческих решений на основе присущих системе управления закономерностей. Управленческие решения — специфическая принадлежность данного вида общественных отношений. Приемы и методы выработки и реализации обеспечивающих эффективный алго-

ритм совместной деятельности решений, равно как и сами управленческие отношения, имеют разнообразные виды и формы в зависимости от социально-экономических условий и сферы действия.

Исследуемые отношения обусловлены объективным характером развития производительных сил и общественных отношений, соответствуют принципу субстанциональной независимости от общественного сознания, но функционально подвержены воздействию людей более, чем другие виды. Управленческие отношения неразрывно связаны со всеми видами общественных отношений через их управленческие параметры, являясь интегрирующим фактором, пронизывающим все охватываемые управлением социальные процессы. Они координируют и мобилизуют регулятивные функции других отношений в социуме в единую систему механизмов регуляции.

Структура данных отношений определена объективными, исторически сложившимися требованиями производства и сложной совместной деятельности. Управленческие отношения реализуются в виде отношений субординации, координации, распоряжения, подчинения и исполнения, властеотношений; отношений информации, дисциплины, соревнования, инициативы, ответственности, обязательности, предпринимательства и конкуренции, находящихся в системах различных организационных структур управления. В них варьируется степень персонификации и мера соотношения централизации и децентрализации управленческой деятельности.

Участие трудящихся в управлении может происходить не только с разной степенью интенсивности, но и с различной силой воздействия на конечные цели управления. Важнейшей формой реализации личностного потенциала в управлении является участие в принятии и коррегировании управленческих решений. Обобщение данных различных социологических исследований показывает: более половины опрошенных считает, что высказываемые ими предложения и замечания практически не учитываются, а 2/3 предполагают незаинтересованность администрации в этом. Необходимый в рыночной экономике демонтаж традиционных иерархических, вертикальных, авторитарных, перекрывающих пути привлечения персонала к процессам принятия и выработки решений, отношений, и переход к гибким, пластичным горизонтальным структурам управления, рассчитанным на координацию, а не субординацию действий, открывают новые возможности и каналы личностной и социальной реализации человека, разблокируют механизм производства человеческих способностей. Управленческие отношения значимы как сеть переплетения опыта, знаний, культуры, ценностных ориентаций, приоритетов и предпочтений их носителей — личностей, вырабатывающих, воспринимающих, перерабатывающих и реализующих информацию, установки, команды в процессе управленческой деятельности. Как мощный социокультурный фактор эти отношения должны обеспечивать интеграцию индивидов в социальные структуры, обуславливать форму и содержание процесса социализации. Модернизация в канале управленческих отношений практически означает перестройку личности, ее социокультурных функций во всех видах деятельности.

2. Культура управленческих отношений

Каждый тип управленческих отношений, складывающийся в рамках конкретной общественно-экономической формации, характеризуется собственной культурой. Требования современного развития общества обосновывают по знавательную, оценочную и практическую актуальность научного анализа теоретического осмысления и выработки методологии механизмов ее повышения.

С позиций универсального деятельностно-технологического подхода культура управленческих отношений предстает в качестве подсистемы культуры как специфического способа управленческой деятельности, общей технологии социума в этой сфере. Суть ее в объективно-материальных формах деятельности, базирующихся на стандартах, обычаях, ритуалах, традициях. Она характеризуется технологическим потенциалом. С точки зрения личностно-гуманистического подхода важен характер и степень освоения субъектом этих форм управленческой деятельности, уровень его реального участия в управлении. Здесь исследуемый феномен выступает как особая индивидуально-смыслообразующая деятельность, в которой реализуются потребности, способности человека, его социальные качества, актуализируется личностный потенциал. Это подсистема культуры как формы реализации воспроизводства человеческой сущности. Она характеризуется личностным потенциалом. Важно, какой тип личности воспроизводится в рамках культуры — исполни-

тель или самостоятельный, инициативный, предприимчивый хозяин. Для социологии актуален синтетический подход к исследованию культуры управленческих отношений, акцентирующий внимание на личности, коллективе и социальной группе как трансформаторах ее потенциала в виде технологии и совокупности нормативных ценностей в потенциал индивидуальный через преодоление (или на стыке) традиций и творчества, инноваций. Так активизируется ценностно-мотивационный и нормативный аспект управленческих отношений, определяющий систему ориентаций и установок, мировоззрения и поведения индивидов.

В наиболее общем виде культуру управленческих отношений можно определить как оптимальную систему их прогрессивных средств, методов, принципов, типов, форм, способов и структуры, приемов искусства управленческого творчества и результатов их реализации в воспроизводстве человеческой сущности. Анализируемый феномен содержит аксиологический, гносеологический, прагматический, коммуникативно-информационный, технологический, материально-вещественный и организационно-технический компоненты; включает в себя элементы организационной, экономической, политической, педагогической, социально-психологической и личностной культуры. Общественно-исторический прогресс культуры управленческих отношений выступает как наращивание их гуманистического потенциала.

3. Личностный потенциал управления

Обеспечение права личности на нравственную автономию в пределах ее субординации и возможность творческого подхода — основные принципы управленческих взаимодействий, которые помогают сбалансировать акты подчинения удовлетворением потребности личности в собственном участии в управленческой деятельности.

Категория «целостный личностный потенциал» характеризует уровень социальных сил, способностей и возможностей субъекта деятельности, стремящегося к самореализации, самовыражению. Этот уровень определяется внутренней гармоничностью его образовательного, профессионального, познавательного, ценностно-мотивационного, коммуникативного и преобразовательного-практического компонентов, способностью к самопреобразованию и саморазвитию, а также наличием объективных условий в социальной системе для актуализации виртуальных способностей и возможностей на базе единства общественных и личных интересов.

В сфере управленческих отношений важно обеспечить оптимальное развитие и отдачу личностного потенциала их носителей как со стороны его субстанциональных характеристик (интеграции и сбалансированности личностных свойств и качеств работника, обеспечивающих его способность выступать действительным субъектом управления), так и функциональных аспектов в плане гармоничной динамики ресурсного и резервного ракурсов, действительности и возможности, достигнутого и развивающегося. При доминировании старых способностей и возможностей происходит накопление инерционных тенденций, а при отсутствии выхода потенциальных возможностей нереализованные личностные способности разрушаются.

Фактическое отчуждение трудящихся от реальной власти и управления, неразвитая управленческая инфраструктура, низкое организационное и техническое оснащение управленческой деятельности, недостаточный профессиональный уровень работников управления, отсутствие системы ротации и меритократических принципов, неразработанность оптимальных форм, способов и методов управленческих взаимодействий и их социально-психологической оценки, архаичность организационных структур управления, разрыв между реальной структурой управления и отношениями менеджмента привели к катастрофическим деформациям управленческой деятельности и формированию субъектов и объектов управления конформного типа. Технократическое управление, ориентированное на исполнительский труд, не рассматривает расширение инициативы и предприимчивости персонала как практическую задачу. Предстоит переход от «неструктурированных», неаналитических методов активизации инициативы и творчества к системному инновационному процессу их генерирования.

С усложнением социально-экономических процессов и управления ими возрастает потребность в актуализации и опережающем развитии социокультурных ресурсов человека, предполагающих глубокую интериоризацию ответственности и самостоятельности, сложное целеполагание и т. д. Необходима разработка оптимальных форм управленческих отношений для развития и реализации этих доминант личностного потенциала. Оптимальная культура

данного вида отношений предполагает социократию, плюрализм и многомерность, сочетание управления и самоуправления, социальную защищенность человека, рациональную сферу развертывания в условиях демократических форм собственности, различных социально-экономических укладов.

П. С. КАРАКО

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ВУЗЕ

Экологическая безграмотность современных специалистов, руководителей министерств и ведомств, предприятий и учреждений, населения страны является одной из причин кризисной экологической обстановки в стране, антигуманной стратегии научно-технического прогресса и социально-экономического развития общества в целом.

При все усиливающемся обострении экологической ситуации в стране экологическая подготовка студентов в вузе становится важнейшей задачей современного образования. Решать эти вопросы нельзя без существенного изменения характера нашего высшего образования, утверждения в нем идей гуманизма. Следует отметить, что в последнее время в нашей высшей школе вопросы гуманизации и гуманитаризации образования стали не только предметом обсуждения, но и решения. Так, Госкомитетом СССР по народному образованию определен цикл гуманитарных курсов и дисциплины. Последние стали включаться в учебный процесс. Но все эти курсы и дисциплины в основном обществоведческого и историко-культурологического профиля. В их перечне не оказалось экологии и тех разделов гуманитарных дисциплин, которые касаются социальной экологии, экологии человека и др.

Естественно, экологическая подготовка студента тесно связана с его гуманитарной подготовкой, должна опираться на современные гуманитарные знания. Более того, экологическое образование, будучи гуманистичным по своему содержанию, целям и задачам, создает условия для привлечения и включения в учебный процесс гуманитарных дисциплин и знания. Но только на диалектической связи экологических (естественнонаучных) и гуманитарных дисциплин и знаний может решаться задача гуманизации образования, подготовки современных специалистов.

Отмечая необходимость увязки разных форм знаний в учебном процессе, необходимо выявить основные цели и задачи экологического образования, его место в системе гуманистической подготовки студентов. На наш взгляд, оно призвано решать следующие задачи.

Во-первых, дать специалисту современные знания о взаимоотношениях живого, в том числе и человека, с окружающей его средой, законах функционирования биосферы, причинах экологического кризиса и т. д. Только опираясь на такие знания, можно решать задачи оптимизации отношений человека и общества с природой, предотвратить углубляющийся экологический кризис. В этом смысле следует согласиться с выводом, что «ответственная и действенная политика по отношению к окружающей среде будет возможна только в случае, если мы накопим надежные данные о современном состоянии среды, обоснованные знания о взаимодействии важных экологических факторов, если разработаем новые методы уменьшения и предотвращения вреда, наносимого природе человеком»¹.

Все это требует активизации научных исследований в области экологии. Для нашей страны первостепенное значение имеет разработка и утверждение государственной программы экологических исследований и госбюджетное обеспечение ее приоритетного развития. Ведь само государство повинно в нынешнем состоянии окружающей среды в стране. Оно должно проявить и инициативу в его преодолении, обеспечить надлежащий уровень экологических исследований и использование их результатов в образовании и для улучшения природной среды. Сегодня становится ясным, что только на основе прочных знаний законов функционирования биосферы и взаимоотношений с ней человека и общества можно решать задачи оптимизации отношений в системах «человек — биосфера», «общество — природа», строить систему экологического образования и воспитания.

Начинать его следует с организации дошкольного и школьного обучения. Однако, как отмечает один из авторов школьного учебника «Биология» для

9 и 10-х классов, наше современное школьное образование экологических знаний «в должной мере не дает»². Одной из причин такого положения является слабое отражение экологической проблематики в школьных программах и учебниках. В этом отношении показательны учебники биологии. В последних мало уделяется внимания раскрытию влияния человеческой деятельности на развитие живой природы, необходимости сохранения существующего многообразия видов живого и многих других экологических проблем. Нельзя признать обоснованным сокращение учебных часов на биологию в десятых классах. Ведь и сегодня выпускники выходят из стен школы с низким уровнем экологических знаний, а порой и экологически безграмотными. А какие экологические знания они будут иметь завтра?

Над этим вопросом следует думать и тем, кто занимается организацией подготовки специалистов в высшей школе. Разве это нормально, что до настоящего времени не осуществляется экологическая подготовка студентов на многих факультетах вузов. И это в условиях обострения экологической обстановки в стране! Но объективности ради следует сказать, что в последнее время дело стало сдвигаться с мертвой точки. Курсы «Охрана природы» и «Экология» стали в ряде вузов включаться в учебный процесс, появились и соответствующие учебники. Но что представляют собой последние? Способствуют ли они решению задач по экологической подготовке студентов? На наш взгляд, нет. И вот почему. Они не опираются на современные экологические исследования, экологические знания. Более того, они и не включают в свое содержание эти знания.

Так, в одном из таких учебников, предназначенном для химико-технологических вузов, отмечается, что экология «становится неотъемлемой частью технологических дисциплин»³. Такое включение экологии в специальные дисциплины нельзя признать обоснованным. Экологизация технологических и других специальных дисциплин не означает ликвидации предметности экологии, ее растворения в других науках. Их экологизация должна строиться на использовании идей, принципов и положений экологии и не более того. Но их должен знать и студент. Вот почему представляется важным на всех факультетах вузов читать краткий, но емкий по содержанию, курс «Экология» или «Биология с основами экологии». На основе этих курсов могут разрабатываться специальные (в зависимости от профиля обучения) курсы охраны природы. Только на фундаменте экологических знаний может строиться экологическая подготовка инженера, учителя и всех других специалистов.

Нельзя согласиться с авторами данного учебника и относительно трактовки ими задач экологии. Так, одной из них, применительно к деятельности инженера промышленного производства, признается «оптимизация технологических, инженерных и проектно-конструкторских решений, исходящих из минимального ущерба окружающей среде и здоровью человека»⁴. Здесь задача экологии сведена к задаче охраны природы. Но это не одно и то же. Подобное сведение имеет место и в других специальных учебниках.

Отмеченная тенденция не может не вызвать определенных опасений. И дело здесь вот в чем. Ориентация современных специалистов только на технический аспект решения экологических проблем без опоры на широкий спектр экологических, философских, социально-экономических и культурологических знаний не позволит им выйти за рамки технократических подходов к их анализу и решению. К тому же «технократически ориентированное мышление является серьезным препятствием для полного и всестороннего развития возможностей и задатков, заложенных в каждой человеческой личности»⁵. Особенно для усвоения личностью гуманистических ценностей. Оно является и препятствием на пути формирования гуманистических установок, преодоления сложившейся узкой профессиональной подготовки специалистов, ведомственной выраженности нашего высшего образования.

Вот почему экологическое образование в вузе должно решать и вторую задачу — преодоление технократического мышления, ведомственного характера образования. Данная задача становится сегодня весьма актуальной. Ведь не секрет, что главными виновниками загрязнения окружающей среды в нашей стране являются различные ведомства. Их руководители, специалисты многих предприятий из-за экологической безграмотности главным в своей работе считают выполнение плановых заданий. При этом используются антиэкологические технологии, расточительно потребляются природные ресурсы. Экологически образованный специалист, обладающий высоким чувством ответственности за свою профессиональную деятельность и имеющий широкий социокультурный кругозор, будет предпринимать все меры к тому, чтобы антиэкологические технологии были в самые короткие сроки запре-

щены. Он поднимет голос протеста против сложившейся практики расточительного пользования природными ресурсами. Именно таких специалистов следует готовить в вузе.

Экологическое образование в вузе может стать фактором интеграции различных видов знаний. Необходимость такой интеграции определяется сложностью и многогранностью экологической проблемы, наличием в ней естественнонаучных, технических, социально-экономических и других аспектов. Ее осмысление требует интеграции знаний, методов и приемов многих наук. Все это определяет и задачи экологического образования. Современный специалист должен быть не только профессионалом в своей узкой области деятельности, но и быть культурным человеком, обладать экологическими, экономическими и правовыми знаниями, четко выраженными мировоззренческими установками и ориентирами. Всесторонне образованный специалист — это творческий человек. Он в наибольшей мере способен выйти за рамки технократического мышления, использовать арсенал других областей знания для решения производственной задачи, разработки новой технологии. Обеспечение народного хозяйства, науки и культуры такими специалистами будет способствовать преодолению отчуждения человека от природы, утверждению их гармоничного взаимоотношения.

В процессе экологической подготовки студентов создаются условия и для решения такой задачи образования, как его непрерывность. Реализация данной задачи требует включения экологической компоненты в специальные курсы и дисциплины, программы и курсы общественных наук. Достаточно отметить, что такие темы курса «Философия», как «Материя», «Природа», «Человек» и другие могут строиться с обязательным использованием данных экологии. Доказательность философских положений, их конкретизацию уже в настоящее время многие преподаватели философии, в том числе и Белгосуниверситета им. В. И. Ленина, проводят в студенческих аудиториях, опираясь на материалы экологии. Сущность рационального природопользования, обоснование ценности природных ресурсов и другие вопросы экологической и природоохранной проблемы становятся возможным решать в процессе преподавания экономических дисциплин. Такие вопросы следует включать и во все другие гуманитарные дисциплины. Тем самым будет подниматься их престиж, будут создаваться условия для непрерывности экологического образования, возрастать интерес студентов к обществоведческим и культурологическим дисциплинам.

Экологическое образование в вузе призвано не только формировать у специалистов потребность любить и охранять природу. Охрана природы может осуществляться только в процессе использования ее ресурсов. Но не всякого, а рационального. Подготовка специалистов, способных осуществлять рациональное природопользование, следует считать конечной задачей экологического образования в вузе. Вот почему следует не только формировать у студентов экологические знания и соответствующие мировоззренческие установки, но и развивать их деятельностьную сторону, соответствующую полученным знаниям. «Сегодня, когда экологические знания, приобретенные человеком, намного отстают от его возможностей вмешательства в действие природных регуляторов экосистем, когда он по незнанию разрушает многие естественные основы своего существования, он вынужден заново и на новом уровне овладеть наукой «экологического поведения». Для этого он должен знать экологию. При этом важно, чтобы человек заново научился считать себя всего лишь элементом биоценозов, в которых он живет и которые он использует. Он должен знать, как его действия отразятся на других элементах системы, на других организмах, чтобы учесть возможные отрицательные последствия»⁶.

«Экологическое поведение» человека станет возможным тогда, когда у него будет сформирована потребность включать «экологическую компоненту» в сферу своей профессиональной деятельности. Осуществлять последнюю с учетом экологической целесообразности и ответственности перед обществом и следующими поколениями людей за состояние окружающей среды в настоящем и будущем. В этой связи возникает необходимость увязки экологического образования и природоохранной деятельности студентов, сочетания образования и деятельностиной стороны обучения. Для этого необходимо привлекать студентов к участию в конкретных мероприятиях по охране окружающей среды в своем районе, городе, написании курсовых и дипломных работ по природоохранной тематике, лекционной пропаганде и т. д. Развитию природоохранной деятельности специалистов будут способствовать и сформированные в вузе навыки прогнозирования будущего экологического состояния

конкретного предприятия, города, региона. Вот почему формирование таких навыков становится насущной задачей экологического образования.

Мы назвали лишь некоторые задачи экологического образования. Их дальнейшее обоснование будет способствовать разработке концепции экологического образования и воспитания студентов в вузе. Но уже сегодня становится ясным, что экологическое образование является важнейшим фактором гуманизации общества. Гуманистическое предназначение образования может утверждаться в неразрывной связи с его гуманитаризацией и экологизацией, включением обучаемых в природоохранную деятельность, практическое участие в обновлении и оздоровлении нашего больного общества.

¹ Хефлинг Г. Тревога в 2000 году: Бомбы замедленного действия на нашей планете. М., 1990. С. 22.

² Полянский Ю. И. Биолог по призванию // Природа. 1988. № 9. С. 69.

³ Стадницкий Г. В., Родионов А. И. Экология: Учебное пособие для химико-технологических вузов. М., 1988. С. 3.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Киселев Н. Н. Мировоззрение и экология. Киев, 1990. С. 147.

⁶ Хефлинг Г. Указ. соч. С. 33.

В. В. ЯСЕВ

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ В БЕЛОРУССИИ

Национальные процессы в Белоруссии в отличие от ряда регионов страны носят относительно спокойный характер. Вместе с тем социально-экономические и политические перемены, происходящие в республике, сопровождаются всплеском национального самосознания. Особенно сильный отклик национальные проблемы находят у молодежи. Это вполне естественно, ибо молодежь всегда чувствительна к социальным проблемам и реагирует на них весьма эмоционально. Анализ конфликтов на почве межнациональной розни убеждает, что от того, какие принципы и ценности формируются у молодежи, зависит не только будущее общества, но и его настоящее. Неподготовленность молодых людей в национально-культурных вопросах, отсутствие опыта позитивных межнациональных контактов могут привести к ярко выраженным перекосам и деформациям в отношениях людей различных национальностей. О важности этих проблем говорит тот факт, что практически все новые политические партии не обходят их в своих декларациях и заявлениях. Например, Белорусская крестьянская партия провозглашает себя партией «возрождения национального самосознания белорусского народа, его языка, культуры, обычаев и традиций»¹. Как партия «возрождения национального самосознания и самоопределения народа на основе Декларации о Государственном суверенитете Белорусской ССР» выступает Белорусская социал-демократическая громада². Таким образом, национальные процессы оказывают непосредственное влияние на политическую обстановку в Белоруссии и на формирование мировоззрения молодого поколения.

Выступая как сложное противоречивое явление, национальное самосознание находит выражение в осознании индивидом принадлежности к определенной этнической общности, наличии у него национальных чувств и привязанностей, в функционировании в обществе специфических национальных традиций и обычаев. Бурное оживление интереса ко всему национальному может нести в себе не только позитивное. В условиях субъективизма, стремления немедленно ликвидировать застойные явления в сфере национальных отношений силовыми методами, нежелания осознать длительность и противоречивость процесса развития национального самосознания оно может перерасти в национальный эгоизм, национальную ограниченность. С другой стороны, неподготовленность в национально-культурных вопросах, несформированность национального самосознания также могут создать почву для деформаций в межнациональных отношениях. Поэтому важно чувствовать тонкую грань между национальным самосознанием и национализмом.

Национализм — явление многогранное. Он существует в разнообразных формах в рамках двух противоположностей: от национального нигилизма до шовинизма. Восприятие всех проблем общественной жизни через призму узко понятых национальных интересов находит выражение в национальной ограниченности. Это своеобразное понимание национального как «очищенно-

го», «освобожденного» от всякого воздействия извне, от всего инационального. Это боязнь интернационализации общественной жизни; неприятие межнациональных браков; попытки искусственно сохранить в неизменном виде национальные особенности; осторожность и недоверие по отношению к другим народностям и нациям. Национальная ограниченность, таким образом, выступает одной из форм проявления национализма. Ведь национализм имеет место там, где национальные интересы пытаются реализовать за счет ущемления интересов других народов на основе якобы особых прав и исключительности своей нации.

Основоположники марксизма связывали проявления национальной ограниченности с патриархальностью экономической жизни и общественных отношений, что определенным образом сказывается на сознании и поведении людей. «Взаимоотношения между различными нациями зависят от того, насколько каждая из них развила свои производительные силы, разделение труда и внутреннее общение»³, — отмечали они в «Немецкой идеологии».

На теоретическом уровне национальная ограниченность выступает в виде одностороннего подхода к истории своего народа, его культуре. Особый интерес в республике вызывают так называемые «белые пятна» истории, связанные с образованием белорусской советской государственности, проблемами происхождения и этнической истории восточнославянских народов. При этом имеют место попытки переписать историю белорусского народа, игнорируя восточнославянское единство, находя корни белорусов в Польше и Литве. Русские, украинцы и белорусы представляются как три разных народа, «близких по языку, но принадлежащих к разным расам, разным культурам, разным системам ценностей, разным историческим судьбам»⁴. Имеют место утверждения, что белорусская история начинается с Полоцкой земли, которая первой вырвалась из «империи Рюриковичей» и отвоевала свою независимость. 800 лет, в течение которых Белоруссия существовала не в составе российского государства, провозглашаются «золотым веком» белорусской культуры и науки. При этом подчеркивается, что этот период сопровождался «бесконечными войнами с восточным соседом — Московским государством»⁵. Тем самым вражда двух феодальных государств переносится на отношения русского и белорусского народов, русской и белорусской культур. Происходит искажение исторической памяти народа, что никоим образом не способствует развитию национального самосознания. Очевидно, что оценка исторического прошлого, всех его успехов и неудач должна осуществляться с научных, а не с «национальных» позиций.

На уровне обыденного сознания националистические проявления создают, как правило, напряженность в межнациональном общении. Становление и развитие самосознания нации или отдельного индивида не застраховано от «болезней роста», в том числе в виде чрезмерного самомнения, претензий на исключительность, отказа от здоровой критической самооценки. Это особенно важно учитывать, когда мы имеем дело с молодежью. Нельзя не видеть, что в молодежной среде национальные конфликты остро дают о себе знать. По данным исследования, проведенного социологическими центрами республики в 1989 г., 5 % молодых людей в возрасте до 30 лет, проживающих в Могилевской области, не желают контактировать с представителями других национальностей. Фактором, способствующим возникновению и сохранению националистических проявлений, является отсутствие у части молодых людей четкого представления о законах общественного развития, в том числе национальных отношений. Культурная ограниченность личности тесно связана с внутринациональной ограниченностью, ведущей к национальному тщеславию и чванству по отношению к другим нациям.

Этнические особенности играют важную роль в жизни нации, ее связях с другими нациями и народностями. Поэтому их учет в практике меж- и внутринациональных отношений имеет немаловажное значение. В этой связи нельзя не отметить серьезные просчеты и ошибки в сфере организации культурно-национальной жизни. В Белоруссии в условиях ослабления внимания к проблеме развития родного языка, истории и культуры национальная творческая интеллигенция оказалась в какой-то мере дискриминированной в соревновании с могучей русскоязычной культурой. Не случайно именно она оказалась инициатором и главной силой движения за возрождение белорусского языка. Если в других регионах страны на переднем плане находятся социально-экономические проблемы, то в Белоруссии в центре внимания национального возрождения оказались проблемы культуры и языка.

Как показывают наблюдения, в республике сложилось белорусско-русское и русско-белорусское двуязычие. Большинство жителей понимают оба языка,

хотя в повседневном общении используют один — русский, белорусский или смешанный русско-белорусский, что зависит от места проживания. При этом 80,2 % белорусов считают родным язык своей национальности⁶. Хотя исследования Института социологии АН БССР показывают, что только 17,3 % опрошенных читают произведения белорусских писателей на родном языке, 28,5 % белорусов читают эти книги иногда на русском, иногда на белорусском языке, зато 40 % предпочитают это делать в переводе на русский язык. Несмотря на усиление интереса к белорусскому языку и культуре, особенно в среде интеллигенции, нельзя сказать о возникновении массового движения за возрождение белорусской культуры, в том числе и в молодежной среде. Опросы, проведенные среди студентов старших курсов и выпускников Могилевского и Брестского педагогических институтов, показывают, что введение преподавания на родном языке и создание курсов изучения белорусского языка поддерживают соответственно 16 и 25 % опрошенных⁷.

Наряду с принятием Закона Белорусской ССР о языках, где белорусский язык провозглашается государственным (Раздел I. Статья 2), некоторые газеты, выходившие на белорусском языке, стали двуязычными. Белорусский журнал «Служба быту» переведен на русский язык и переименован в «Салон». Белорусскоязычный вариант «Вечернего Минска» стал выходить только два раза в неделю, в то время как на русском языке газета выходит пять раз в неделю⁸.

Следовательно, белорусско-русское двуязычие не является гармоничным. Как известно, использование белорусского языка в бытовом общении больше практикуется в деревнях, чем даже в районных центрах. Но и в сельской местности оно неуклонно сужается вследствие миграционных процессов.

Существуют языковые проблемы и у лиц других национальностей, проживающих в республике. Таким образом, если для других республик языковая проблема состоит в трудности приобщения к русскому языку как языку межнационального общения, то для Белоруссии эта проблема заключается в возвращении ее жителей к национальному языку.

Насущность проблем национального возрождения в Белоруссии проявилась и в создании неформальных организаций и объединений. Не случайно, что при наличии в республике разнообразных направлений наиболее организованными являются представители объединений национального, историко-культурного и экологического направлений. Уже в 1988 г. в Минске действовало 97 объединений общественно-политической и историко-культурной направленности. Сегодня 65 % опрошенных учащихся школ и профессионально-технических училищ считают себя причастными в той или иной мере к таким объединениям⁹. Во многом это объясняется дефицитом общения, стремлением молодежи к изучению прошлого родного края, к восстановлению своими руками памятников истории и архитектуры Белоруссии, тревогой за будущее родного края в связи с последствиями аварии на Чернобыльской АЭС.

Следовательно, проблема заключается не в самом существовании неформальных объединений, а в характере отдельных организаций и течений, отсутствии четко выраженных целей и идеалов, негативном или безразличном отношении к нравственным ценностям общества, нигилизме и экстремизме в суждениях. Возникшие как культурно-исторические, многие из них сегодня имеют четко выраженный политизированный характер. При этом нерешенность проблем национального возрождения становится средством, с одной стороны, самосохранения национального, а с другой стороны, — давления на официальные структуры власти. Ярким примером этого является Белорусский народный фронт «Адраджэньне».

Возникшее в 1989 г. под влиянием фронтов в республиках Прибалтики, это движение выдвинуло, в частности, два требования: государственность белорусскому языку и экономическую самостоятельность республике. Согласно Программе БНФ, он создавался «для организации широкой поддержки начатых лучшими силами КПСС радикальных изменений во всех сферах общественной жизни, обеспечения на этой основе необратимости перестройки, пробуждения инициативы, таланта, демократического и национального самосознания народа...»¹⁰ Именно голос «неформалов» сыграл немалую роль в том, что принимаются меры по решению чернобыльской проблемы, по увековечиванию памяти жертв сталинского террора в Куропатах. В работе первого съезда БНФ активно участвовали коммунисты, комсомольцы, беспартийные.

За два с лишним года своего существования движение превратилось в реальную оппозицию существующей системе политической власти. Поставив

задачу «готовиться к демократическому развитию событий, приняв за образец пример Белорусской Народной Республики», отказавшись от сотрудничества с КПБ — КПСС, второй съезд движения, прошедший 23—24 марта 1991 года, практически завершил его оформление в политическую партию и провозгласил своими приоритетами: суверенитет и антикоммунизм¹¹.

Таким образом, деятельность неформальных объединений и организаций в республике не может оцениваться однозначно. Это связано с развитием этих движений и изменением характера их деятельности. Разрешение противоречий и преодоление негативных явлений в сфере национальных отношений требуют постоянного внимания к вопросам формирования и развития национального самосознания, проблемам межнациональных отношений. Любые национальные проблемы нуждаются во взвешенном, всестороннем подходе на основе глубокого анализа и объективных оценок каждой конкретной ситуации.

¹ Народная газета. 1991. 3 студзеня. С. 3.

² Там жа. 4 студзеня. С. 1.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 19.

⁴ Народная газета. 1990. 23—30 кастрычніка. С. 2.

⁵ Дзень Волі'90. С. 7—8.

⁶ См.: БССР в цифрах. 1989 год. Мн., 1990. С. 5.

⁷ См.: Проблемы развития национальных отношений, интернационального и патриотического воспитания: Материалы научно-практической конференции. Брест, 1989. С. 24.

⁸ См.: Народная газета. 1991. 19 красавіка. С. 2.

⁹ См.: Ракитская Л. М., Павлова Н. В., Опимак Н. А. Воспитание идейной зрелости учащейся молодежи в условиях обновления социализма. Мн., 1990. С. 5.

¹⁰ Праграмныя дакументы БНФ «Адраджэньне». Мн., 1989. С. 2.

¹¹ См.: Навіны Беларускага народнага фронту «Адраджэньне». 1991. № 1. С. 2—3.

П. И. БРИГАДИН

АППАРАТ УПРАВЛЕНИЯ: КАКИМ ЕМУ БЫТЬ?

В последние годы в адрес различных управленческих структур направляется все больше критических стрел. Аппарат управления рассматривается как некий монстр, тормозящий перестроенные процессы, противящийся инновациям, демократическим процессам общественного развития.

Насколько такое мнение объективно и обоснованно? Расширение управленческих структур и удлинение пути принятия решений привели к тому, что аппарат управления приобрел большую автономию, по сути дела, вышел из-под контроля органов законодательной власти.

Веберовская картина бюрократизации общества находит подтверждение у нас. И дело здесь не в каких-то конкретных личностях, не в том или ином работнике аппарата, среди которых немало людей достойных, талантливых. Дело в специфике структуры управления. Сформировался определенный тип управленческой культуры, который можно назвать административно-анонимным. Он характеризуется тем, что вся полнота власти концентрируется в центре. Поэтому стиль работы аппарата заключается в том, чтобы вовремя согласовать, угадать мысль руководителя, соотнести принимаемое решение с прецедентами. Причем решение обязательно будет анонимным, без указания автора проекта. А это, в свою очередь, рождает безответственность, как, впрочем, и любое обезличивание.

Конечно, нельзя отрицать, что этот тип управленческой культуры имеет и некоторые положительные моменты. Речь идет о возможности принятия оперативного решения, если это решение исходит от первого лица.

Так почему же сегодня приходится говорить о существующей культуре управления в основном в негативном плане? Сложившаяся структура является тормозом внедрения новых приемов управления из-за боязни ошибиться, из-за страха перед вышестоящим органом, из-за риска усложнения решения, из-за отсутствия контакта руководителя с подчиненными т. п. Однако в комплексе этих причин необходимо особо выделить одну, имеющую, на мой взгляд, принципиальное значение. Аппарат управления утратил важнейший и ценнейший компонент отношений — сотрудничество, товарищество. Произошел отрыв руководителей высшего звена не только от низовых организаций, но и от аппарата, между ними нарушена прямая и обратная связь, рабочие контакты носят эпизодический характер. В таких условиях аппарат начинает работать как замкнутая система: сам на себя. Между различными

иерархическими структурами идет интенсивная переписка, движение различных информационных записок. И в то же время исполнитель, как правило, не имеет возможности не только доказать, но и высказать свое мнение, а руководитель не имеет возможности на первом этапе подготовки решения встретиться с заинтересованным и доброжелательным оппонентом.

В существующем аппарате управления возникла парадоксальная ситуация. Речь идет, по сути дела, о полной зависимости работника аппарата от руководителя. Отсутствие социальной защищенности приводит к формированию приспособленческой психологии, превращает работников управления в безликий механизм.

Другими словами, централизованная структура управления является прямым порождением административно-командной системы. Реорганизация экономики, переход к различным формам собственности, к новым формам производственных отношений требует перехода к демократическим структурам управления, для чего необходимо разрушить его иерархическую пирамиду, где на каждом уровне решение может получить свою интерпретацию. Ведь эта иерархическая пирамида объективно несет в себе возможность отчуждения верхнего эшелона, в то время как требуется максимально сокращать промежуточные уровни управления.

Многоукладная рыночная экономика предопределяет появление более автономных управленческих структур, основанных на горизонтальных связях. В этой связи расширяется значение личностной компоненты в сфере отношений управления. Объект управления трансформируется в субъект, а значит, возрастает ответственность управленцев, повышаются требования к ним. Назрела необходимость в изменении системы найма и увольнения работников аппарата. Речь может идти о формировании команды того или иного руководителя на контрактной основе на определенный срок с гарантией возвращения на прежнее место работы или равнозначную должность.

Нуждаются в радикальных переменах стиль и формы управленческой деятельности. Коллегиальность, деловое партнерство и равенство работников — вот основы этих преобразований. Подчиненные должны выполнять не столько функции подсобных рабочих, сколько экспертов. В этой связи меняется и роль руководителя, который должен выступать арбитром в поиске наиболее оптимального решения. Современный лидер должен обладать высокими профессиональными навыками, гибкостью ума, хорошими коммуникативными качествами.

Переход от командных к экономическим методам управления требует подготовки нового поколения руководителей, владеющих знаниями в сфере бизнеса, менеджмента, права. Подготовку кадров по теории и практике предпринимательства могли бы вести школы бизнеса, колледжи или институты при национальных университетах. В условиях дефицита квалифицированных преподавательских кадров именно университеты располагают возможностями привлекать зарубежных специалистов для разработки учебных планов, сочетающих фундаментальную и практическую подготовку студентов с изучением законодательства в сфере бизнеса, маркетинга и т. д.

Используя мировой опыт, необходимо оперативно реорганизовать существующую систему переподготовки и повышения квалификации управленческих кадров и, главное, создать эффективную систему подготовки новой генерации руководителей, которым работать в новых управленческих структурах.

В. М. ВОЙТОВИЧ

ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ КАК ОБЪЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Природные ресурсы являются общественным достоянием. Они представляют собой потенциальные потребительные стоимости, созданные природой. Степень «потенциальности» дает экономическая оценка, определяющая, насколько ресурс далек от потребления (производительного или личного), где являет себя, чтобы исчезнуть, потребительная стоимость.

Если оценка объекта вызвана общественной потребностью, завершение этой оценки — первый шаг в удовлетворении такой потребности. В этом случае оценка переводит объект в ресурс. Таким образом, ресурс — это то, что обладает способностью удовлетворять общественные потребности (потенциальная потребительная стоимость), а природный ресурс — потенциальная потребительная стоимость преимущественно природного происхождения. Использование природных ресурсов отражает исторический характер их потребительной стоимости. Это выражается в повышении степени извлечения и извлеченности полезных компонентов из предмета труда, комплексности использования сырья. Степень реализации такой комплексности зависит от уровня развития производительных сил и конкретного хозяйственного механизма. Предмет производства в данном вопросе состоит в том, что оно должно само воспроизвести требующиеся ему ресурсы.

Многие авторы, подчеркивая социальный характер категории «природные ресурсы», отмечают, что к ним «надо подходить как к естественноисторическим факторам, как к объектам и как к носителям производственных отношений»¹. По утверждению И. В. Кокушкиной, «природные ресурсы — категория не только естественных, но и общественных, главным образом экономических наук»². Подобная точка зрения разделяется многими исследователями. В итоге теоретических и практических исследований были получены важные результаты для изучения природных ресурсов.

Один из таких результатов — подход к понятию «природные ресурсы» не только как к известным даровым силам природы, но и как к экономической категории. Он основывался на том, что на воспроизводство природных ресурсов затрачивается большое количество живого и овеществленного труда. В случаях, когда эти затраты незначительны, но сказывается различие в местоположении природных ресурсов и наличии у них полезных свойств, природные ресурсы будут также являться экономической категорией.

Выяснение экономической специфики категории «природные ресурсы» привело часть исследователей к формулировке таких возможных экономических форм природных ресурсов, как стоимость, цена и оценка.

Хозяйственная практика подкрепила теоретические воззрения на природные ресурсы как экономическую категорию в 70-е годы, когда начал складываться механизм рационального природопользования. В связи с этим сложилась особая ветвь экономической науки — экономика природопользования.

Проблема экономической формы природы, отдельных природных ресурсов выдвинута в экономической литературе лишь в последние годы. Слабая

разработанность общей теории экономической формы факторов производства создает трудности в определении экономической формы природных ресурсов.

В общественном производстве природа (окружающая среда) оценивается с точки зрения ее роли в производстве материальных благ. В зависимости от характера участия окружающей среды в общественном производстве ее компоненты делятся на природные условия и природные ресурсы. Природные условия создают самую возможность деятельности человека, а природные ресурсы могут быть использованы для удовлетворения потребностей людей в производственной и непроизводственной сферах.

Таким образом, с точки зрения материального производства природа конкретизируется в понятии природных ресурсов. В этом качестве она — материальная предпосылка организации и развития любого производства. Однако экономическую форму природных ресурсы получают, становясь носителями производственных отношений. Выявляя конкретную экономическую форму природных ресурсов, необходимо определить, носителем каких отношений становятся природные ресурсы в системе общественного производства.

Относительно природных ресурсов экономические связи возникают лишь при включении их в общественное производство. В процессе природопользования функциональная роль природных ресурсов неодинакова. Часть их может быть использована непосредственно для потребления (плоды, дикие животные, рыба), другие являются источниками энергии (сила ветра, вода рек, минеральное сырье), либо предметами труда (лес, полезные ископаемые), либо орудиями труда (почва в сельском хозяйстве). Природные ресурсы оказывают влияние на производительную силу труда. Из факторов, влияющих на производительную силу труда, К. Маркс выделяет следующие два момента, от которых она зависит: во-первых, от естественных условий труда (плодородие почвы, богатство рудников и т. д.); во-вторых, от общественных сил труда, которые развиваются по мере укрупнения производства, комбинирования труда, усовершенствования методов производства³. Таким образом, в системе общественного производства природные ресурсы функционируют в качестве всеобщего комплексного средства производства (как средство производства материальных благ и как средство экономии труда). Вопрос о соотношении природных ресурсов (в качестве всеобщего средства производства) с производительными силами общества и их месте в системе производства следует рассматривать в связи с тем, что природные ресурсы — это особые средства производства. От средств производства, созданных трудом, они отличаются и по происхождению и по условиям воспроизводства (природные ресурсы — продукт природы, а не труда). С вовлечением в производство часть их не теряет своей связи с природой (например, земля). Воспроизводство природных ресурсов и их отдельных свойств будет определяться естественными законами. С учетом сказанного, природные ресурсы по отношению к общественным производительным силам выступают как естественные производительные силы.

Однако вовлечение природных ресурсов в общественное производство и функционирование в нем сопровождается затратами труда и общественных средств производства. Труд хотя и не создает, «но разрывает их первоначальную связь с землей и таким образом «производит» их как годные к употреблению лес, уголь, камень»⁴. Следовательно, природные ресурсы могут быть использованы в качестве средств производства только в условиях общественного труда и при посредстве общественных средств производства (в составе производительных сил общества).

Включить природные ресурсы в экономический кругооборот средств на уровне общества и предприятий, более полно произвести учет затрат и результатов в общественном процессе воспроизводства позволяет стоимостная оценка природных ресурсов. Из стоимостной оценки вытекает еще один важный момент совершенствования хозяйственного механизма и реализации общественного интереса — плата за использование природных ресурсов.

Установление цены на природные ресурсы — необходимое условие для организации общественного учета и контроля за их расходованием. Сегодня на балансе предприятий числится около двух триллионов производственных основных фондов, сооружений, машин, оборудования и т. п., за использование которых ежегодно начисляется 140—160 млрд. рублей амортизации и платы за фонды. А за все виды природных богатств платежи предприятий составляют 8—9 млрд. рублей в год, стоимость же одних только сельхозугодий, по существующим нормативам их денежной оценки (при изъятии из сельскохозяйственного оборота), достигает 5 триллионов рублей⁵.

Единого взгляда на методы реализации идеи платности природопользо-

вания не существует. Широкое распространение получила точка зрения, согласно которой главное в решении этой проблемы — экономическая оценка ресурсов. Однако такая оценка, взятая сама по себе, еще не означает платности природопользования. Иное положение сложится в том случае, если каждый пользователь природных ресурсов будет платить за каждую единицу (принимая, разумеется, во внимание экономическую оценку этой самой единицы природных ресурсов). Платность за использование природных ресурсов позволяет индивидуализировать их пользователей, возложить на них возмещение ущерба, наносимого окружающей среде, и покрытие затрат на ее восстановление и сохранение. Главное в реализации идеи платности — установление обоснованной ставки платы за единицу используемых природных ресурсов, определение круга плательщиков, органа, взимающего плату.

В настоящее время в практике хозяйствования уже используются некоторые платежи за использование природных ресурсов. Однако эти платежи не имеют систематизированного характера и нуждаются в совершенствовании. За один и тот же ресурс одни потребители платят, другие — нет.

Многие специалисты считают, что плата должна взиматься за использование всех без исключения природных ресурсов, что необходимо, во-первых, для обеспечения равных экономических (хозрасчетных) возможностей для предприятий, работающих в различных природных и географических (транспортных) условиях, и, во-вторых, для создания эффективного материального стимулирования рационализации природопользования⁶.

В основу обоснования размера платы за каждый вид ресурсов может быть положено сопоставление затрат на охрану и воспроизводство данного ресурса окружающей среды с объемом его использования.

Однако если годовой объем используемого ресурса — величина определенная, то величину затрат на охрану и воспроизводство данного ресурса можно трактовать по-разному, поскольку сложившийся объем затрат на охрану и воспроизводство какого-либо ресурса окружающей среды зависит от целого ряда факторов (от общего уровня развития страны, от соотношения между производством средств производства и предметов потребления). Таким образом, не только плата за использование единицы природных ресурсов зависит от затрат на охрану и воспроизводство данного ресурса, но и сами эти затраты зависят от платы за ресурсы.

Плата за пользование природными ресурсами должна заинтересовывать каждого природопользователя бережно и эффективно использовать их (стимулирующая функция). Необходимо также создание специального бюджетного фонда для покрытия затрат на воспроизводство данного ресурса окружающей среды (компенсационная функция).

Плата за потребление природных ресурсов тесно связана с нормированием природопользования. Если ставки платы за потребление природных ресурсов рассчитать на основе отношения фактического расхода природных ресурсов к научно-обоснованной норме их расхода на единицу продукции, то эти ставки будут выполнять стимулирующую функцию (сокращать объем природных ресурсов, вовлекаемых в производство).

При установлении уровня платы за использование различных природных ресурсов сложившиеся затраты на охрану и воспроизводство окружающей среды должны быть приняты как минимально допустимый уровень, ниже которого плату не имеет смысла устанавливать. Таким образом, плата за природопользование должна устанавливаться с таким расчетом, чтобы не только покрыть фактически сложившиеся и планируемые на перспективу затраты на охрану и воспроизводство окружающей среды, но и служить источником обычных расходов госбюджета. Плата за ресурсы окружающей среды как доход бюджета может выполнять и такие функции, какие выполняет налог с оборота, отчисления от прибыли, плата за фонды и т. п. Такое понимание платы за ресурсы открывает широкие возможности маневрирования ставками платы за ресурсы и суммами бюджетных доходов от их использования.

¹ Социалистическое расширенное воспроизводство. Л., 1977. С. 153.

² Природопользование в системе общественного воспроизводства. Л., 1986. С. 37.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 128.

⁴ Там же. Т. 26. Ч. 2. С. 270.

⁵ См.: Гофман К. Г., Федоренко Н. П. Экономическая защита природы // Коммунист. 1989. № 5. С. 34.

⁶ См.: Иманов Н. Экономические отношения в социалистическом природопользовании. Баку, 1987. С. 137.

О КРИТЕРИЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

В качестве характерной особенности исследований заработной платы при социализме следует отметить неоднозначность ее определений, иногда существенно различных. Поэтому представляется актуальным анализ обоснованности критериев определения заработной платы, которыми (зачастую неявно) руководствуются экономисты. Эти критерии можно подразделить на методологические и теоретические. Методологические критерии определения заработной платы представляют собой совокупность положений о ее объектах, последовательности, аспектах определения. Под теоретическими критериями подразумеваются экономические основания, из которых должно выводиться содержание определения заработной платы.

В зависимости от представления об исходном объекте исследования заработной платы выделяются два подхода к последовательности ее определения. Одни исследователи из факта системного характера заработной платы выводят необходимость единого развернутого определения ее важнейших элементов¹. Другие, не отрицая системности отношений заработной платы, в качестве исходного предлагают определение индивидуальной заработной платы². Развернутые определения не обладают синтетическим характером, адекватно отражающим эмерджентное качество системы отношений заработной платы, а представляют собой схематично сжатую совокупность аналитических определений ее отдельных отношений. В любой экономической системе (в том числе и относительно локальной) необходимо выделять основу и производные от нее отношения. Нам представляется более логичным второй подход, в соответствии с которым первичным должно быть определение основного отношения — индивидуальной заработной платы, затем — каждого из производных от нее отношений (коллективных фондов заработной платы и материального поощрения). В завершение исследования можно дать синтетическое определение заработной платы как экономической подсистемы.

Большинство политэкономов признает исключительно социалистическую природу заработной платы в условиях общенародной и колхозно-кооперативной собственности на средства производства. Некоторые ученые обосновывают ее товарную природу³. При очевидной теоретической противоположности авторских подходов они имеют общий методологический недостаток — одностороннее понимание качественной конкретности индивидуальной заработной платы. Однако индивидуальная заработная плата (как и любое экономическое отношение) в своей качественной конкретности двойственна, из чего исходил К. Маркс в анализе категорий труда, товара, процесса капиталистического производства. Двумерность качества экономического отношения есть единство природной и сущностной его сторон, поэтому необходимо самостоятельное определение каждой из них.

Каковы же критерии определения природы и сущности экономического отношения? Природа есть ближайшее родство, теснейшая общность экономических отношений. Содержание природного определения заключается в подведении определяемого отношения под ближайшее понятие ранее известного отношения с выделением специфических признаков первого.

Сущность производственного отношения есть исторически обусловленная форма проявления экономической необходимости. Экономическая необходимость, или экономический закон, является причиной возникновения соответствующего производственного отношения, а конкретный уровень и характер производительных сил — его историческими условиями. Поэтому содержание сущностного определения заключается в раскрытии производственного отношения как исторически обусловленного технико-организационными параметрами производительных сил способа реализации соответствующей экономической необходимости, или экономического закона.

Отсутствие четкости в определениях категорий «природа» и «сущность» экономических отношений приводит исследователей к невольной подмене понятий, когда типично природное выдается за сущностное⁴.

Что касается теоретических подходов к определению индивидуальной заработной платы, то ошибочным представляется положение об исключительно социалистической природе заработной платы, которая в условиях общенародной и колхозно-кооперативной форм собственности на средства производства выводится из закона распределения по труду. В соответствии с таким критерием заработная плата определяется, например, как часть необходимого для личного потребления работником продукта, распределяемого в соот-

ветствии с количеством и качеством затраченного им труда. В то же время сохраняется марксово определение заработной платы при капитализме как превращенной формы стоимости или цены рабочей силы.

Однако в соответствии с общеметодологическим принципом монизма в определении предметов и общественных отношений природа (сущность) качественной конкретности тождественных предметов или общественных отношений одна и та же. Поэтому если отношения заработной платы при капитализме и социализме на уровне форм проявления качественно тождественны, то из двух определений ее природы одно, как минимум, неверно. А если верны оба определения, то неверно обозначение термином «заработная плата» того социалистического отношения, которое по своим внешним признакам должно быть качественно отлично от него.

Для устранения терминологической путаницы в определениях экономических отношений, называемых «заработная плата при капитализме» и «заработная плата при социализме», следует, на наш взгляд, или применять только марксово определение ее природы, или отвергнуть его и перейти к иным теоретическим концепциям заработной платы.

Попробуем с марксистских позиций идентифицировать экономические отношения, называемые «заработная плата при капитализме» и «заработная плата при социализме». Необходимый и достаточный признак качественной конкретности экономического отношения, ставший объективной основой названия отношения «заработная плата» — гарантированная работодателем, прямо пропорциональная (или близкая к ней) связь между количеством труда работника и величиной его вознаграждения. Эта связь обнаруживается в виде системы тарифных ставок (сдельных расценок) в денежной или товарно-продуктовой формах, т. е. тарифном нормировании труда. Тарифное нормирование — наиболее точный термин для обозначения рассматриваемой связи, так как названия «заработная плата» или «оплата труда» легко отождествить с природой обозначаемого ими отношения, например, по следующей схеме: заработная плата → плата за работу → цена работы (труда). Из общего для капитализма и социализма никем не оспариваемого факта тарифного нормирования труда необходимо следует идентичность качественной конкретности отношений заработной платы в этих общественно-экономических формациях, а значит, общий для них товарный характер рабочей силы.

Действительно, если экономисты-марксисты признают марксовы определения товара и денег универсальными для капитализма и социализма, то почему делается исключение для заработной платы? Видимо, потому, что принято считать цену рабочей силы специфически капиталистическим отношением, признание которого напрочь отрицает действительность экономического строя социализма. Такой подход основан на положении о том, что товарный характер рабочей силы есть логическая предпосылка, а потом, и воспроизводимое следствие капиталистического производства.

Классики марксизма-ленинизма необходимым признаком товарного характера продукта или рабочей силы считали, как известно, свободный, неорганизованный обмен продуктами или рабочей силой между товаровладельцами. А в докапиталистических формациях раб или крепостной, в большей или меньшей степени, были лишены личной свободы, а значит, не могли по своей воле продавать собственную рабочую силу, следовательно, их рабочая сила не была товаром. При социализме работник юридически свободен, но его рабочая сила как фактор производства вовлекается в производственный процесс опять-таки не свободно, а организовано, планомерно, значит, и в этом случае она не является товаром. Приведенные доводы против признания товарного характера рабочей силы в иных, кроме капиталистического, хозяйственных укладах, базирующиеся на положении о единстве товарности и рыночной свободы, были бы неотразимы, если бы с ограничением свободы товарообмена качественно изменялась и его общая форма $T_1 - T_2$. Но этого как раз и не происходит. Хотя в условиях монополистического капитализма и реального социализма свобода товарно-денежного обмена значительно ограничена, его форма $T_1 - D - T_2$ остается качественно неизменной. Новые исторические формы организованного товарно-денежного обмена нашли отражение в широко используемых в экономической литературе категориях «планомерный товарообмен» или «организованный рынок». Учитывая историческую реальность организованного товарообмена, необходимым и достаточным признаком товарного характера продукта (рабочей силы) логичнее признать не свободу товаровладельцев в выборе партнеров и установлении договорных цен, а взаимную гарантированную возмездность (в некоторых

случаях эквивалентность) присвоения обмениваемых продуктов. Раз теоретически возможен и исторически действителен организованный товарообмен, то допустима и продажа работником своей рабочей силы при его личной несвободе. А история свидетельствует, что это не только абстрактная возможность, но и объективная реальность: известны факты применения заработной платы в эргастериях Древней Греции и на рабовладельческих хлопковых плантациях США, крепостных мануфактурах России, в местах заключения. Следовательно, заработная плата не только логическая, но и самостоятельная историческая предпосылка капитала и является общим экономическим отношением для ряда общественно-экономических формаций или экономических укладов.

При определении природы заработной платы следует различать ее экономический и социальный аспекты. Хотя природа заработной платы в экономическом аспекте однозначно определяется как превращенная форма стоимости или цены рабочей силы, из этого вовсе не следует однозначность определения ее социальной природы, ибо социальные типы продавцов и покупателей рабочей силы, а также общественные условия ее купли-продажи исторически весьма своеобразны. В качестве экономической основы, определяющей социальную природу заработной платы, следует признать отношения присвоения факторов производства. Определение социальной природы рабочей силы при социализме требует специального исследования и выходит за рамки данной статьи.

Поскольку индивидуальная заработная плата по экономической природе есть товарное отношение, общее для многих хозяйственных систем, постольку и сущность ее должна определяться по критерию общеэкономической необходимости. Исторически заработная плата появляется на предприятиях, организованных на устойчивой производственной кооперации труда, причем независимо от формы собственности на предприятии и характера эксплуатации рабочей силы. Следовательно, существование таких предприятий логично признать историческим условием появления заработной платы. А причина ее возникновения заключается в необходимости экономического стимулирования личного труда, которое доказало эмпирически большую эффективность по сравнению с методами насильственного принуждения к труду. Оптимальной формой стимулирования трудовой активности на предприятии, базирующемся на кооперации труда, оказалась гарантированная прямо пропорциональная связь между величиной труда и величиной вознаграждения работника, т. е. заработная плата. Поэтому сущность индивидуальной заработной платы заключается в стимулировании трудовой активности члена производственного коллектива посредством установления линейной (или близкой к ней) зависимости между объемом индивидуального труда и величиной вознаграждения работника.

В анализе количественного аспекта индивидуальной заработной платы большинство экономистов исходят из положения о том, что ее величина формируется комплексом экономических законов. Такой подход позволяет определить сущность не сводимых к общей основе количественных параметров заработной платы, например: минимальной заработной платы, средней заработной платы, дифференциации заработной платы, динамики заработной платы.

Итак, можно предложить следующий комплекс наиболее важных критериев заработной платы. Методологические критерии: объекты определения — индивидуальная заработная плата, производные от нее отношения, заработная плата в целом. Последовательность определения — исходным должно быть определение индивидуальной заработной платы, затем производных от нее отношений, в итоге — синтетическое определение заработной платы как экономической целостности. Аспекты определения индивидуальной заработной платы — ее экономическая и социальная природа, а также сущность качественной конкретности и частные параметры величины. Теоретические критерии: экономическая природа индивидуальной заработной платы должна выводиться из закона стоимости; социальная — из отношений присвоения факторов производства; сущность — из необходимости экономического стимулирования личной трудовой активности; конкретный параметр величины заработной платы — из соответствующего экономического закона.

¹ См.: Политическая экономия. М., 1989. С. 418.

² См.: Политическая экономия социализма — теоретическая основа экономической политики КПСС. М., 1989. С. 293.

³ См.: Политическая экономия: Словарь. М., 1983. С. 123; Развитие взглядов на распределение по труду в советской экономической литературе. Иваново, 1987. С. 61.

⁴ См.: Рязанов В. Т. Распределение по труду: экономический и социальный аспекты. Л., 1984. С. 76.

Н. В. ЧЕРЧЕНКО

МАРКЕТИНГ И ЕГО ФУНКЦИИ

Маркетинг как теоретическая концепция и особый, специфический, вид коммерческой деятельности возник в начале XX века в США. В 1902—1910 гг. в программу подготовки будущих бизнесменов в ведущих университетах США (Гарвардском, Пенсильванском, Питтсбургском, Висконсинском) был введен курс организации и методики сбытовых операций. В 1908 г. появилась первая коммерческая фирма по исследованиям в области маркетинга, а в 1911 в составе управленческого аппарата ряда крупнейших американских компаний «Кертис паблишинг К^о», «Ю. С. раббер К^о», «Свифт энд К^о» стали функционировать отделы маркетинга.

В 1926 г. была организована Национальная ассоциация преподавателей маркетинга и рекламы, на базе которой в 1937 г. была учреждена Американская ассоциация маркетинга. 30-е гг., когда переоценка ценностей в коммерческой деятельности охватила ведущие корпорации, явились началом «эры маркетинга» в США. В Европу маркетинг пришел в 50-е гг., когда оправившись от последствий второй мировой войны, западноевропейские предприниматели начали новый этап борьбы за передел рынков сбыта.

Термин «маркетинг» образован от английского слова «маркет» — рынок и означает: «ориентация на рынок». Известный американский экономист Ф. Котлер различает 3 этапа развития концепции маркетинга. На I этапе маркетинг выделился как область прикладной экономики, предметом которой была существовавшая в США система распределения. На II — он превратился в управленческую дисциплину, которая рассматривала систему распределения с позиции фирмы и считала своей задачей совершенствование традиционных и развитие новых методов управления рыночной деятельностью. На III этапе в системе взглядов на маркетинг появились бихевиористские элементы, которые позволяют акцентировать внимание на мотивах поведения сторон, участвующих в обмене.

Сегодня маркетинг рассматривается прежде всего как система управления производством и реализацией товаров, ориентированная на рынок. Главной целью управленческого маркетинга становится удовлетворение требований рынка. Все функции предприятия подчинены этой задаче. Соответственно строится и сама структура управления предприятием. Маркетинг — это и система деятельности предприятия на самом рынке.

Современный маркетинг вообрал в себя многие из давно известных способов стимулирования торговли (реклама, потребительский кредит, разного рода скидки с цены и премиальные купоны, личные контакты представителей фирм с покупателями и т. д.), обогатил ее содержанием в соответствии с новыми потребностями, дополнил широким комплексом рыночных исследований. Поиск покупателей и изучение особенностей спроса стали рассматриваться как начальный этап предпринимательской деятельности, который предшествует разработке программы производства.

Функции маркетинга — это основные специализированные виды деятельности или комплекс таких видов деятельности в процессе маркетинга для достижения его целей. В идеале целью маркетинга является обеспечение оптимальной скорости продвижения изделий на всем пути от завода до потребителя, т. е. такой скорости, при которой сочетались бы наиболее высокие темпы продажи и оборачиваемости товаров, а также минимальные затраты на хранение запасов и способность полно и своевременно удовлетворять покупателяльный спрос.

Современная концепция маркетинга выделяет следующие его функции: комплексное изучение рынка, структуры и динамики спроса, сбор информации; разработка и планирование ассортимента продукции, выпускаемой фирмой; определение цен на товары (ценовая политика); организация товародвижения и продажи; реклама и стимулирование сбыта; управление послепродажным обслуживанием.

Общим для различных классификаций функций является охват всего процесса маркетинга, который начинается с комплексного изучения рынка. Оно дает информацию о потребностях и спросе покупателя. Вся дальнейшая мар-

кетинговая деятельность состоит в преобразовании этой информации в средство удовлетворения потребностей покупателя.

Одним из важнейших функциональных направлений маркетинга являются рыночные исследования. Они обычно носят сугубо прикладной, ориентированный на потребности практики характер. Основной целью изучения рынка является нахождение потенциальных покупателей и анализ условий реализации продукции. Это изучение должно дать ответы на вопросы: на каких рынках, в каком количестве могут быть реализованы те товары, которые фирма уже выпускает или еще только собирается запустить в производство. Выделяются следующие этапы изучения рынка.

I. Предполагается рассмотрение нескольких вопросов, которые должны дать первоначальное представление о рынке и возможности выхода из него. К примеру, импортирует ли определенная страна выпускаемую фирмой продукцию? Какова емкость ее рынка в настоящее время и в перспективе? Каковы перспективы развития данного производства? Проводит ли эта страна политику протекционизма по отношению к национальной промышленности, формы и методы протекционизма?

Если результаты исследования подтверждают возможность выхода на рынок, тогда переходят ко II этапу, когда анализируются более конкретные вопросы, а именно: какие фирмы уже действуют на рынке, какие из них являются наиболее крупными и постоянными поставщиками, для каких групп потребителей или секторов экономики может представлять интерес предлагаемая продукция, какие товары и их разновидности, каких фирм и почему предпочитают местные потребители, каковы преимущества и недостатки предлагаемой продукции по сравнению с уже имеющейся на рынке, на какую долю рынка можно рассчитывать, какие цены и условия платежа предлагают конкуренты; какие следует выбрать каналы сбыта; сколько стоит реклама и какие местные виды рекламы наиболее подходят.

Рынок изучается с помощью системного анализа, суть которого заключается в комплексном подходе к изучаемой проблеме и выявлении системы взаимосвязей между различными факторами, оказывающими влияние на объект исследования и место каждого из них в системе. Важнейшие направления комплексного исследования рынка — изучение товара, спроса, анализ условий конкуренции, форм и методов сбыта, рыночной сегментации.

В первые три десятилетия нынешнего века успех на рынке был гарантирован фирме, предлагавшей самую низкую цену. Продукция была практически лишена внутривидовых различий, и секрет успеха состоял в умении добиться самой низкой себестоимости единицы продукции. Но к началу 30-х гг. спрос на основные потребительские товары стал близок к насыщению. У все большего числа потребителей уже была «машина в гараже и курица в кастрюле», и по мере роста благосостояния населения оно стало искать большего, чем удовлетворение основных потребностей.

В начале 30-х гг. фирма «Дженерал моторз» первой переключила внимание с производства на рынок. Введение принципа ежегодной смены моделей символизировало переход от стандартной продукции к дифференцированной. В противоположность прежней производственной ориентации баланс успеха стал склоняться в сторону рыночной ориентации.

Сущность управления ассортиментом продукции заключается в подчинении процесса производства и внутрипроизводственных отношений по выпуску товаров требованиям рынка, запросам конкретных покупателей. Наиболее сложными проблемами управления ассортиментом являются следующие: выбор состава ассортимента; определение товаров, их модификаций, которые должны составить предлагаемую на рынке серию продукции. Наряду с этим анализируются цена, уровень качества, предоставляемые гарантии. Немаловажно и то, стремится ли компания играть роль лидера конструкторской мысли или предпочитает быть последовательным первопроходцем.

Среди основных проблем ценовой политики маркетинга принципиальное значение принадлежит двум: на каком уровне установить цену; как ее изменять, чтобы обеспечить получение максимальной прибыли и расширить долю фирмы на данном товарном рынке.

На практике в зависимости от конкретных условий чаще всего применяются следующие виды «прайсингов»: метод полных затрат; метод ориентации на усредненные затраты; метод маржинальных или предельных затрат; определение цен на базе стандартных (нормальных) издержек производства; установление цен, исходя из прямых затрат; метод целевой цены или целевой нормы прибыли.

Выбор того или иного метода расчета цен определяется, в первую оче-

редь, двумя факторами: достигнутыми масштабами производства (оптимальны они или нет); степенью контроля над рынком в целом.

Система, которая обеспечивает доставку товаров к местам продажи в точное установленное время и с максимально высоким уровнем обслуживания покупателя, называется в маркетинге товародвижением. Как выбрать наиболее эффективный способ товародвижения?

Прямой контакт считается выгодным при следующих обстоятельствах: когда потребителей немного и они расположены на относительно небольшой территории, когда объем каждой поставляемой партии достаточен для заполнения контейнера и вагона; имеется достаточная сеть собственных складов на рынках, где фирма ведет торговлю; товар является узкоспециальным по назначению или производится по техническим условиям покупателя.

Использование услуг агента (агентской фирмы) оправдано, если: фирма недостаточно сильна в финансовом отношении; осуществляется выход на плохо изученный рынок; послепродажный сервис товара незначителен по объему и сложности и т. д.

Продажа через оптовика рекомендуется, когда рынок горизонтален (множество потребителей в каждом секторе экономики) и требует создания мощной сбытовой сети, а средств не хватает; рынок очень разбросан географически, так что ни прямые контакты, ни работа не являются рентабельными; можно значительно сэкономить на транспортных расходах, поставляя крупные партии товаров небольшому числу оптовиков.

К примеру, фирма «Дженерал моторз» пользуется услугами 18 тыс. различных торговцев в различных регионах страны. Помимо продажи, в их функции входит контроль за исправной работой автомобилей в течение гарантийного срока и организация ремонта, а также привлечение новых клиентов к продукции фирмы путем распространения информации о качестве новых изделий, их преимуществах перед продукцией конкурентов.

Неотъемлемыми частями сбытовой деятельности компании, которые включаются в себестоимость продукции, являются реклама и стимулирование сбыта.

Термин «реклама» в маркетинге подразумевает передачу покупателю либо потребителю, либо торговому посреднику таких сведений, которыми компания-поставщик стремится объяснить, почему нужно купить данный товар. Реклама информирует получателя сообщения о существовании товара и его особенностях, или изменяя его отношение к таковому, или склоняя к предпочтению данного товара перед другими.

Реклама давно уже перестала быть только «двигателем торговли». Она сопровождает человека от рождения и до смерти: учит, советует, наставляет. Она формирует сознание и направляет подсознательные действия, возбуждает желания и создает жизненные идеалы. В США рекламу называют даже «второй системой народного образования».

Помимо рекламной продукции, существуют такие методы стимулирования сбыта, как выступления перед аудиторией, выставки-продажи, специальные демонстрации товаров, покупательские конференции; специальная упаковка, характерная только для товаров данной фирмы; лотереи среди покупателей, где выигравший получает товар бесплатно или со скидкой; установление специальных цен.

В теории и практике маркетинга товаров принято различать маркетинг потребительских товаров и маркетинг продукции производственно-технического назначения (средств производства). Основным стимулом для покупателей продукции второй группы выступает не удовлетворение личных потребностей, а стремление получить прибыль. В рекламе этих товаров, в отличие от потребительских, выделяются и подчеркиваются рациональные, а не эмоциональные аргументы. Особую роль здесь играет, в частности, послепродажное обслуживание. По общему признанию, маркетинг средств производства гораздо сложнее маркетинга потребительских товаров.

В. В. БЕСМАН

ПРИВАТИЗАЦИЯ — ВАЖНЕЙШАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ПЕРЕХОДА К РЫНКУ

Главным содержанием настоящего момента социально-экономической практики советского общества является движение к рынку, а переход к рынку невозможен без приватизации. Собственность является фундаментом лю-

бой социально-экономической системы. В то же время достаточно вспомнить второе классическое условие товарности, чтобы понять: фундаментом рыночной экономики является обособленная собственность. Естественно, что уровень обособления определяет и уровень взаимосвязей, и «относительное обособление социалистических товаропроизводителей» формировало и определенную («относительную») систему отношений.

Имманентный порок всякой неделимой коллективной собственности, в том числе и государственной — концентрация интересов собственника на текущих доходах, отсутствие долгосрочного интереса, интереса к инвестициям, на котором основывается и научно-технический прогресс. Создать его — задача приватизации. Этим обуславливается ее необходимость: социальным заказом на экономически активных, инициативных субъектов-инноваторов. Или, иначе, предпринимателей.

Помимо стратегической приватизация призвана решать текущие задачи социально-экономической стабилизации: развитие рынка вширь, охват рыночными отношениями факторов и условий производства и связывание, таким образом, «горячих» денег, перебрасываемых из сферы потребления в сферу производства; снижение дефицита госбюджета, благодаря уменьшению расходов на содержание приватизируемых предприятий и поступлениям от платной приватизации и оборота капиталов; создание слоя реальных собственников как основы социально-политической стабильности в обществе.

Сущность всякого процесса определяется начальным моментом (стартовыми условиями), конечной целью и средой, в которой он протекает. По своему сегодняшнему процессу приватизации — флуктуационный процесс, который возникает в результате отклонения системы от некоторого среднего состояния, усиливается за счет неравновесности и распатывает прежнюю структуру, что приводит к новой. В этом смысле, приватизация — процесс объективный и неизбежный (даже рефлексивный) после выхода за рамки равновесия системы: состояние экономики ее изменяет, она изменяет состояние. Это подтверждает и давно идущая «скрытая» приватизация.

Цель приватизации — повышение эффективности общественного производства через стимулирование его организаторов, а лучшим механизмом такого стимулирования является свобода выбора и конкуренция. Следовательно, можно сказать, что целью приватизации является свобода принятия решения и ответственности за него и конкуренция. Цель определяет и средства. Поэтому сам процесс приватизации должен проходить как свободный выбор общества и каждого отдельного индивидуума на условиях конкурентной борьбы.

Из этой цели логически вытекает ряд необходимых условий, которые должны возникнуть в результате приватизации. Одно из них — дифференциация населения по экономической активности, появление инвесторов, поскольку приватизация создает такие структуры, когда большая часть прибыли наиболее оптимально инвестируется. Расслоение населения, вообще, возникает не в результате приватизации. Приватизация — это, скорее, перераспределение по другим, полезным для общества, признакам.

Наряду с этим немаловажным является и то, что с освобождением из-под государственного диктата происходит и освобождение государства от не свойственных ему искусственных функций (например, производство предметов потребления), сосредоточение государственного аппарата на выполнении естественных функций по производству социальных товаров: оборона, принятие законов и их исполнение, контроль, помощь нуждающимся.

Определив цель приватизации, можно сделать вывод, что основным содержанием этого процесса является изменение отношений отчуждения — присвоение факторов и условий производства, производственного продукта, их разделение. Ведь в условиях единой государственной собственности процесс отчуждения не исчезает, а принимает неявную форму. Появление обособленных собственников персонифицирует этот процесс, одновременно персонифицируется и функция контроля, а вместе с контролем и ответственность. Именно экономическая ответственность будет направлять процесс присвоения по самому оптимальному, с точки зрения общественных потребностей, адресу.

Ответственность всегда должна сопровождаться возможностью, которая в экономической деятельности выступает в виде капитала. Приватизация — это перераспределение капитала, а с точки зрения отдельного предпринимателя — его накопление. Классическое понимание накопления заключается в капитализации прибыли, вкладывании ее в производство. Однако необходимо иметь в виду, что значительная часть приватизируемой стоимости, вклю-

чая и определенную прибыль, не использовалась в производственном процессе или использовалась малоэффективно. Очевидно, что если приватизация повышает эффективность использования факторов производства, то одновременно она активизирует и процесс накопления капитала. При этом, с точки зрения индивидуальных капиталов со своими задачами, приватизация в нашем обществе — это процесс первоначального накопления (так же, как национализация или индустриализация, например, были составными элементами первоначального накопления единого государственного капитала со своими задачами). Есть в этом процессе и примеры классического первоначального накопления. Причем многие из них имели место еще задолго до законодательного оформления приватизации и с осуществлением последнего лишь приобрели легальную форму.

Довольно часто в экономической литературе наряду с термином «приватизация» используются категории с сопредельным смыслом: «разгосударствление», «демонополизация». Все это — составные динамические элементы общего процесса с единым вектором. Их сочетание и последовательность формируют логику процесса, его скорость и глубину.

В широком смысле, приватизация в СССР является переходом от единого субъекта собственности к многовариантности, т. е. демонуполизации. Поскольку первоначальным субъектом собственности было государство, то приватизация — это разгосударствление («деэтактизация»). Как известно, приватизация может проходить как разукрупнение уже имеющихся государственных производственных форм или как создание новых, как правило, малых форм. Однако для создания новых форм требуются ресурсы, собственником которых в начале процесса также является государство. Поэтому возникновение этих форм также можно рассматривать как разгосударствление.

Дискуссионным может быть вопрос: является ли разгосударствлением денационализация, проводимая как передача прав собственника нижестоящим структурам государственного управления (союзных — республиканским, республиканских — муниципальным)? Для того, чтобы ответить на него, необходимо анализ государства как экономической категории. В то же время совершенно очевидно, что именно денационализация в виде децентрализации собственности стала (наряду с кооперативным движением) первым крупным шагом на пути демонуполизации в СССР.

Однако этот анализ будет справедлив при условии, что стартовым собственником реально является государство. Если же правомерно утверждение, что капитал в СССР принадлежит партийному аппарату, тогда процесс демонуполизации приобретает двойственный характер: с одной стороны, огосударствление, т. е. переход распорядительных прав из рук партийного аппарата в руки аппарата государственного управления, а с другой стороны, приватизация, но не по партийным, а по экономическим (полезным с точки зрения общественных потребностей) признакам.

Демонуполизация как создание условий для конкуренции может осуществляться и в виде децентрализации управления, т. е. передачи части прав собственности предприятиям без изменения ее формы. Возможность принимать самостоятельные решения как внутри предприятий, так и на рынке, должна позволить создать более действенный механизм стимулов к труду, повысить его производительность. Но это временное явление, так как эта форма не решает главной задачи — формирования условий для долгосрочного инвестирования. Кроме того, децентрализация без приватизации есть рынок, но рынок монополизированный. Подобный механизм можно использовать в будущем для включения в рыночные отношения предприятий, которые объективно не могут быть денационализированы. В последнее время подобная форма широко распространилась в нашей стране в виде хозяйственного расчета, но к сколько-нибудь значительному росту производительности труда она не привела, поскольку были допущены определенные просчеты в механизмах государственного регулирования, а в обществе сложился неблагоприятный социально-политический и правовой фон.

Весьма важным для судьбы процесса приватизации является ответ на вопрос: начинать приватизацию следует с полностью зависимых от государства предприятий или, после децентрализации, с предприятий, имеющих определенную степень самостоятельности? Ряд экономистов склоняется ко второму варианту (и властные структуры тоже), утверждая, что это позволит избежать шока и адаптироваться к новым правилам экономического поведения в рыночной ситуации. Безусловно, в таких аргументах есть рациональное зерно. Однако практика показывает, что в данных условиях государство утрачивает в значительной мере контроль за приватизацией, часть

которого переходит к среднему управленческому звену. Чтобы побудить руководство предприятий к дальнейшей приватизации, необходимы более сильные экономические и политические стимулы со стороны государственных органов (для которых также потребуются соответствующие стимулы), т. е. дополнительные экономические, политические и социальные издержки. При этом системные изменения пока еще не способны объективировать процесс приватизации, создать внутренние стимулирующие механизмы.

Приватизация — это еще не переход к рынку. Переход к рынку возможен только в том случае, если приватизация сопровождается достаточно глубокой демонополизацией и изменением форм государственного макроэкономического контроля. Очевидно, что понятия государственного микроэкономического контроля не должно существовать вовсе.

Чем глубже процесс приватизации, тем он сложнее и тем тяжелее возможные непрогнозируемые последствия. Глубина же его определяется результатом: какая форма собственности должна лечь в основание рыночных форм хозяйствования. При всей болезненности глубокой приватизации и возникновения частной собственности нет достаточных аргументов, что эта форма является приоритетной в создании субъектов рынка. Не менее эффективно будет функционировать рынок, основанный на разнообразных ассоциированных формах собственности. Таким образом, теряется смысл огромных социально-экономических издержек глубокой приватизации в подготовительный период. Более того, именно ассоциированные формы должны позволить обществу быстрее пройти период «классического» рынка и шагнуть в современное пострыночное хозяйство.

В подготовительный период необходимо создать особый механизм внедрения рыночных отношений в сферу НТП. Здесь следует достичь максимальной децентрализации в области прикладных исследований, поскольку ассоциированные собственники неохотно идут на рискованные инвестиции, какими являются вложения в НТП. В то же время рынок НТП (особенно фундаментальные исследования) должен оставаться сферой наибольшего воздействия государственного регулирования.

В целом, формы приватизации обуславливаются формами собственности как результатом последней. Естественно, чем шире многовариантность форм собственности, тем выше уровень плюрализма форм приватизации. Итогом приватизации могут стать самые разнообразные формы: государственные предприятия с большей или меньшей степенью прямого административного управления, включенные в рыночные отношения; акционерные предприятия с принадлежащей государству контрольной квотой (с большей, по сравнению с госпредприятиями, зависимостью от рынка и меньшей — от государственной администрации); акционерные предприятия с преобладанием негосударственной собственности; коллективные — в форме народных предприятий с неделимой собственностью, кооперативов или в форме закрытых акционерных обществ; частные предприятия; смешанные или производные (аренда) формы. Все формы должны быть равноправны, роли между ними в экономическом процессе должны распределяться объективно. Возможно лишь в порядке инициации процесса выделение некоторых временных приоритетов. В частности, первым этапом приватизации может быть корпоратизация, т. е. создание акционерных обществ с преобладанием государственного капитала. Это должен быть принудительный процесс: государство как собственник обладает таким правом. Конечно, это не самая лучшая форма, но она позволяет создать рынок ценных бумаг. Акции крупных предприятий, предназначенные для продажи, должны первоначально перейти в собственность государственных холдинговых компаний, а затем акции предприятий и холдингов могут подлежать реализации.

В то же время следует иметь в виду, что за децентрализацией управления и созданием условий для приватизации не последует ускоренных структурных перемен. В натуральном виде средства производства крупных и средних предприятий распределить (возмездно или безвозмездно) невозможно. Обладать ими можно только в виде ценных бумаг. Однако широкомасштабное распространение (платное или бесплатное) ценных бумаг не изменит социального поведения человека: диффузия собственности первоначально может не позволить передать контроль из рук государственного аппарата в руки негосударственных акционеров. И только последующая концентрация капитала через рынок ценных бумаг, возможно, приведет к реальным структурным изменениям.

Все формы приватизации и все ее организационные, экономические, политические и социально-психологические проблемы, по сути, сводятся к

двум основным способам осуществления этого процесса: возмездный и безвозмездный. Некоторые экономисты выделяют еще и проблему приоритета трудовых коллективов. Однако невозможность первоначально приобрести предприятие ограниченной группе лиц снизит остроту проблемы, а постепенность и объективность последующего процесса концентрации позволит избежать серьезных социальных издержек.

Верным решением, очевидно, будет сочетание всех способов и всех форм приватизации. Необходим гибкий подход, который должен изменяться в зависимости от вида деятельности и размера предприятия. Несомненно одно: необходимость учета социальных последствий приватизации требует бесплатной передачи части стоимости государственного имущества, возможно, в виде денежных компенсаций. В то же время целью приватизации является переход к рынку, а главное правило рынка — возмездность. Цель определяет средства, и нельзя вступать на путь к рынку с гигантского акта безвозмездной раздачи.

Основной проблемой как для безвозмездной, так и для возмездной приватизации остается проблема определения стоимости: балансовая (или остаточная) стоимость не отражает реальных затрат, рыночная — неизвестна. Наилучшим (хотя и небезгрешным) способом разрешения этой проблемы было бы проведение пробных аукционов.

На втором этапе приватизации наиболее распространенной формой могла бы стать приватизация в кредит или аренда (как скрытая продленная приватизация). Но для ее проведения необходимы кредитные ресурсы, накопление которых возможно только в результате продажи части государственного имущества, а также гибкая государственная налоговая и бюджетная политика.

Н. В. СИЛЬЧЕНКО

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аксиомой стало положение, согласно которому в правовом государстве должны быть правовые законы. Ясно и то, что далеко не каждый принимаемый в нашем государстве закон является правовым, а лишь тот, в котором находят свое выражение общественные отношения, имеющие правовую природу. В. С. Нерсисянц убедительно показал, что нельзя с помощью закона неправовое по своей природе общественное отношение сделать правовым, что законодатель лишь придает правовым по своей природе общественным отношениям официальную законную силу, как бы переводит их под защиту государства, утверждает в общественном сознании тот факт, что отношения имеют «нормальный», «правильный» характер¹. Следовательно, проблема правового закона состоит по сути дела в том, чтобы разработать четкие критерии, позволяющие из всей совокупности общественных отношений выделить те, которые имеют правовую природу и могут быть подвергнуты воздействию со стороны законодателя.

Приступая к регулированию общественных отношений, законодатель должен четко представлять: имеет ли отношение, которое он собирается упорядочить, правовую природу или нет? Ответ на этот вопрос можно получить в принципе двумя способами: а) путем теоретического анализа, доказательствами того, что отношение, подлежащее регулированию, имеет правовую природу; б) эмпирическим путем, т. е. методом проб и ошибок. Законодатель может издать акт, а уж затем убедиться, правовой это закон или нет.

Даже поверхностный анализ нашего законодательства показывает, что законодатель чаще избирает второй способ (вариант) ответа на данный вопрос. Излишне доказывать, что такой путь приводил ранее и приводит до сих пор к неоправданным издержкам не только морального, но и материального характера. Излишне доказывать и то, что, если бы законодатель знал заранее, какое отношение имеет правовую природу, а где таковой не имеется, он скорее всего (презумпция порядочности законодателя) воспользовался бы первым способом ответа на вопрос.

Опираясь на имеющиеся в советской юридической литературе разработки вопроса о соотношении права и закона, попытаемся указать на те свойства, которые характерны отношениям, имеющим правовую природу. Правовые отношения возникают в результате появления разделения труда и собственности, имущественного неравенства, с отделением производителя от результатов своего труда. Процесс создания, обмена и распределения материальных и духовных ценностей происходит в этих условиях в форме определенных стоимостей. Обмен стоимостей происходит таким образом, что права сторон «пропорциональны доставляемому ими труду»², т. е. базируются на условиях эквивалента.

Эквивалентное начало правовых отношений отличает их от отношений нравственных, в которых момент обмена стоимостей на эквивалентных началах полностью отсутствует. Материальные и духовные ценности в нравственных отношениях также могут переходить от одной стороны к другой, но не на стоимостно-эквивалентной основе, а как проявление любви, милости, благодарения, сострадания к ближнему. Более того, нравственный уровень общества определяется, помимо всего прочего, именно тем, насколько в

нем распространены процессы добровольного перераспределения ценностей на неэквивалентной основе. Да и нравственная устойчивость личности, по существу, состоит в том, насколько развита в ней способность поделиться с окружающими имеющимися в ее собственности ценностями (благами) на безвозмездной основе³. По-видимому, суть нравственного воспитания человека и заключается в формировании такой способности, утверждении ее в качестве внутренней потребности личности.

Для правового отношения характерно, что, основываясь на формальном равенстве сторон, процесс его функционирования неизбежно приводит к формированию фактического неравенства, к утверждению закономерности, правдивости и справедливости неравенства, освящению фактического неравенства правом. Нравственным же отношениям это не свойственно. Одна из главных нравственных заповедей гласит: возлюби ближнего своего, как самого себя, т. е. сделай его (и стань сам) равным себе как в духовном, так и материальном плане. Но утверждение равенства в нравственном смысле предполагает, что в обществе утверждается (или уже утвердилось) освященное правом фактическое неравенство. В противном случае терялся бы смысл утверждения равенства в нравственном смысле слова. Процессы формирования фактического неравенства и утверждения равенства в нравственном смысле происходят одновременно, пересекаются и стимулируют друг друга, но движение нравственности в социальном пространстве имеет прямо противоположное праву направление и назначение.

Право исходит из формального равенства и утверждает фактическое имущественное неравенство, нравственность же, признавая закономерность такого неравенства, отталкиваясь от него, стремится установить в обществе фактическое (насколько, конечно, это возможно) имущественное равенство. В этом смысле нельзя согласиться с Е. А. Лукашевой, что у права и морали (даже при том условии, что между моралью и нравственностью нет тождества) имеется общность в функциональном отношении. Верно, что право и мораль действуют в едином поле социальных связей⁴, но «полюсы» у правового и морального полей прямо противоположны. Отсюда вывод: для деятельности законодателя нравственная сфера жизни общества должна быть закрыта. Отношения, построенные исключительно на нравственных ценностях, не должны быть предметом его воздействия.

Законодательство потому и не может декретировать нравственность, что его назначение состоит в том, чтобы выразить и закрепить именно правовую природу общественных отношений, а не нравственную. Для выражения, закрепления и защиты последней существуют иные формы, способы и средства. По Марксу, закон «является всеобщим и подлинным выразителем правовой природы вещей. Правовая природа вещей не может поэтому приспособляться к закону — закон, напротив, должен приспособляться к ней»⁵. При противоположной социальной направленности права и нравственности попытка законодателя декретировать нравственность неизбежно привела бы к созданию системы неправового законодательства.

Законодатель также не может провозгласить правом безнравственность, ибо это означало бы замену права бесправием. Если нравственность коренится в конечном счете в неэквивалентном добровольном обмене благами, то суть безнравственности состоит в стремлении к неэквивалентному обмену, но против воли и желания как индивидов, так и сообщества в целом, т. е. к утверждению противоправного неравенства. Если нравственность стремится преодолеть фактическое неравенство в легальных правовых формах, либо в формах, которые не нарушают правовую природу общественных отношений, то безнравственность не только отрицает нравственные основы общества, но и направлена на то, чтобы утвердить в обществе такое неравенство (чаще всего под покровом, одеянием стремления к равенству), которое основано на отрицании и разрушении права. Таким образом, нравственность признает право как объективную, необходимую форму бытия общества, безнравственность же его отрицает.

При внешне одинаковой социальной направленности права и безнравственности — это антиподы по существу, ибо процесс функционирования права, в отличие от безнравственности, приводит к естественнорациональному, закономерному, а потому — правильному и справедливому неравенству.

Субъекты правового общения взаимодействуют с контрагентами только как с равными себе («применение равного масштаба к неравным людям»), соблюдая равенство взаимных предоставлений и получений, свободу контрагента, его положение как относительно автономного, независимого лица⁶.

Равенство в правовом отношении состоит в том, что фактически неравные

люди, обмениваясь материальными и духовными ценностями на эквивалентных началах, вынуждены признавать друг друга равными себе. Равенство участников правового общения, таким образом, не навязывается извне, оно вырастает как естественный, закономерный результат развития тех общественных отношений, которые основаны на эквивалентном обмене ценностями. Именно требование эквивалентного обмена с неизбежностью формирует и «равный масштаб», ставит участников общественного отношения в равное положение. Эквивалентное отношение и возможно как эквивалентное только тогда, когда его участники имеют равную возможность устанавливать эквивалент, единый для них масштаб поведения.

С другой стороны, основанные на равном, эквивалентном начале общественные отношения позволяют признать возникающее вследствие их функционирования фактическое неравенство товаропроизводителей, собственников закономерным, правильным, справедливым. В этом смысле никогда не может стать правовым, справедливым такое неравенство, которое основано на нетипичных, противозакономерных, неестественных для эквивалентного обмена связях (воровство, грабеж, принудительное перераспределение ценностей и т. п.), если даже оно не запрещено законом.

Перераспределение материальных и духовных ценностей с помощью государства путем налогов и сборов, выплаты пособий и предоставления льгот лишь тогда может считаться правомерным, когда направлено на установление нарушенного эквивалента, производится в интересах лиц, которые из-за своих психофизических свойств или по независящим от них обстоятельствам (стихийное бедствие и т. п.) не могут выступать равной стороной в эквивалентном обмене. Вмешательство же государства в процессы обмена, распределения и перераспределения благ из иных, пусть даже и самых благих побуждений, приводит к нарушению эквивалентного характера отношений, равенства сторон, не может быть оправдано: оно является правонарушением, государственным произволом.

В известном смысле недовольство широких слоев советских людей деятельностью «новой» кооперации и обусловлено тем, что во взаимоотношениях с ней они сталкиваются с неравенством, основанным на неравном и неэквивалентном начале общения. Деятельность кооперации, основанная на привилегиях для части общества, нарушает права остальных членов общества, ибо не соответствует принципу всеобщего правового равенства. И если действующее законодательство фактически признает и разрешает существование неэквивалентного, неравного обмена благами, оно вряд ли может считаться правовым. Требование советских граждан создать равные для всех условия производства и обмена, в том числе и для кооперации, гораздо ближе к сути правовой справедливости, чем действующее пока законодательство, регулирующее процессы обмена и распределения материальных и духовных ценностей.

Правовое отношение есть социально контролируемое отношение⁷, прежде всего потому, что обмен ценности осуществляется только через внешние действия, поступки участников общественных отношений. Обмен стоимости происходит на основе сложившегося общественного разделения труда, но стоимости, прежде чем быть обмененными, должны быть произведены. Создание же благ носит общественный характер, а общество имеет непосредственный, можно сказать «правовой», интерес в контроле за их обменом и распределением. Участники правового общения кровно заинтересованы в том, чтобы в ходе передвижения благ не нарушался принцип эквивалентности и равенства сторон, ибо его нарушение угрожает нормальному правовому бытию социума.

Общественный, всеобщий характер производства с неизбежностью формирует требование всеобщности и подконтрольности правового общения, превращает это требование в принцип всеобщего правового равенства. Отношения обмена и распределения материальных и духовных благ, которые сознательно укрываются от общественности, основаны на нарушении принципов эквивалентного, всеобщего правового равенства и составляют суть теневой экономики, которая не признается правовой и преследуется по закону.

Именно в социальной контролируемости правового отношения и заложена возможность государственного принуждения. Неконтролируемое отношение не может быть урегулировано законом, ибо за последним в этом случае не стоит государственная власть, способная «принуждать к соблюдению норм права»⁸.

Законы подобного рода потому и называются «книжными», что их создатель (государство) не вдохнул в них свою силу, а закон без силы государства

есть просто клочок бумаги. Потому-то законодатель и требует расписок, дарственных, письменных завещаний, что в них находят отражение внешние действия участников правового общения. «Помимо своих действий,— подчеркивает Маркс,— я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом»⁹.

Таким образом, общественное отношение, имеющее правовую природу и могущее вследствие этого стать предметом законодательного регулирования, характеризуется тем, что: а) основано в конечном счете на имущественном неравенстве; б) его участники строят свои отношения на эквивалентных началах; в) оно базируется на формальном правовом равенстве сторон и делает вытекающее из него фактическое неравенство закономерным, правильным, правовым; г) оно может нормально функционировать только на принципе всеобщего правового равенства; д) оно социально контролируемое отношение.

¹ См.: Сов. государство и право. 1983. № 10. С. 29; Там же. 1979. № 7. С. 71.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 17.

³ См.: Фокина Н. Неотложные долги. Когда платить по счету нравственности // Советская Россия. 1990. 24 марта.

⁴ См.: Лукашева Е. А. Право. Мораль. Личность. М., 1986. С. 71, 72.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 122.

⁶ См.: Сов. государство и право. 1979. № 8. С. 63; Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право. М., 1977. С. 52.

⁷ См.: Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 87—88.

⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 99.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 14.

В. Г. ЗУВАРЬКОВ, В. П. ЛАГОЙСКИЙ

К ВОПРОСУ НОРМАТИВНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Традиционно под порядком понимается «правильное устройство, соблюдение стройности очередного хода дел, определенного расположения вещей»¹. Исходя из этого, понятие «общественный порядок» трактуется в широком и узком смысле. Содержание общественного порядка в широком смысле охватывает всю совокупность отношений, складывающихся в обществе. Эти отношения представлены не только надстроечно-правовыми, морально-нравственными, идеологическими, но и базисными: производственными, экономическими.

В. М. Безденежных считает, что понятие «общественный порядок» в узком смысле можно определить как систему общественных отношений, которые складываются главным образом в процессе общения, не связанного с целесообразной коллективной деятельностью, на основе соблюдения норм права и правил социалистического общежития, обеспечивающих поддержание общественного спокойствия, нормальные условия труда и отдыха граждан, функционирования государственных и общественных организаций, уважения чести, человеческого достоинства и требований нравственности².

Не трудно заметить, что одним из главных элементов предлагаемого определения является (хотя бы условная) ограниченность общественных отношений сферой общественных мест. Такой подход, безусловно, вызывает необходимость выделения по какому-либо основанию понятия «общественные места», разграничение их с местами, объектами, не являющимися общественными. Успешность решения указанного вопроса представляется весьма проблематичной, так как известные попытки определения понятия таких мест³ не смогли снять всех научных и практических проблем, возникающих в связи с применением отдельных норм, касающихся охраны общественного порядка. Кроме того, и по существу представляется неоправданным сужение сферы отношений, относящихся к общественному порядку. Границы общественного порядка должны определяться не обеспечением охраны общественных мест, а необходимостью регулирования отношений, складывающихся в обществе.

Следует отметить, что в дальнейшем В. М. Безденежных изменил свою позицию, когда общественный порядок определил как «результат добровольного и сознательного соблюдения правовых и других социальных норм миллионами советских людей, их активного участия в искоренении антиобщест-

венных поступков»⁴. Акцент на сознательность и добровольность как важнейший элемент соблюдения правил поведения, закрепленных нормами права и морали, общественного порядка, делает также И. Н. Даньшин⁵.

При анализе определений общественного порядка с учетом современной обстановки представляется целесообразным обратить внимание на два момента. Во-первых, современный уровень развития нашего общества вряд ли дает основания в качестве одного из главных признаков исследуемой категории выделить добровольность и сознательность соблюдения гражданами правовых и нравственных норм. Во-вторых, общественный порядок складывается из выполнения нормативных предписаний не только гражданами, но и государственными органами, учреждениями, общественными организациями. Поэтому круг субъектов, вовлеченных в сферу общественного порядка, должен быть расширен.

Не трудно заметить, что охрану общественного порядка не следует отождествлять ни с общественным порядком, ни с его обеспечением. Охрана общественного порядка — это деятельность компетентных органов, общественных организаций, граждан по обеспечению соблюдения правил, регулирующих отношения людей в обществе⁶.

Понятие же общественный порядок, отражает, характеризует определенное состояние общественных отношений. В этой связи трудно согласиться также с утверждением, что общественный порядок — «это результат соблюдения людьми в государстве правил»⁷. Известно, что не все нормы права, морали, регламентирующие поведение в обществе, выполняются его членами. Об этом свидетельствует значительное количество зарегистрированных преступлений и еще большее количество административных проступков. Поэтому, если придерживаться предлагаемой точки зрения, представляется крайне сложным сделать положительное суждение о наличии общественного порядка в обществе.

Наиболее предпочтительной представляется нам позиция М. И. Еропкина и Л. Л. Попова, которые считают, что «общественный порядок — это система общественных отношений, закрепленная различными социальными нормами, определяющими права и обязанности их участников»⁸. Достоинство данного определения не только в его лаконичности, но и в том, что, раскрывая сущность общественного порядка, авторы показывают системный характер этой категории, обращают внимание на неразрывную связь прав и обязанностей субъектов этих отношений.

Динамизм общественной жизни, вызванный бурными социально-политическими, экономическими процессами, ставит в повестку дня необходимость разработки общей концепции правового социалистического государства. Как показывает практика, для этого необходимо уточнение отдельных теоретических концепций и категорий. К их числу относится и понятие общественного порядка как одно из центральных в общей теории права.

Представляется, что при определении сущностных характеристик рассматриваемого понятия необходимо исходить из существования двух возможных состояний любого социального явления: сущего и должного. Сущее, отражающее состояние явления в данный конкретный момент, характеризует реальные процессы, протекающие в обществе, и определяет реальную сущность явления.

Должное состояние проявляется, как правило, в правовых новеллах, формулируемых законодателем и отражает возможное или прогнозируемое состояние явления. Исходя из этого, можно предположить, что у понятия «общественный порядок» может быть две основные дефиниции, не совсем совпадающие по содержанию. Наличие нескольких дефиниций одного явления не противоречит законам логики.

Применительно к предмету исследования наибольшую значимость имеет рассмотрение общественного порядка с позиций его должного состояния, т. е. того, как эта категория понимается в праве. Ввиду особой емкости данного понятия, его способности интегрировать в себе различные аспекты социальных явлений и позволяющего преодолеть односторонность понимания некоторых сторон общественной жизни, законодатель проявляет определенную сдержанность при его употреблении для конструирования нормативных актов.

Результаты контент-анализа уголовного и административного законодательства Белорусской ССР показали, что категория «общественный порядок» используется лишь при формулировании 3,5 % статей кодекса об административных правонарушениях и 5,5 % статей уголовного кодекса БССР. Следует отметить, что оба кодекса имеют разделы, предусматривающие соответст-

венно ответственность за преступления и правонарушения, посягающие на общественный порядок.

Такое положение в значительной мере объясняется не субъективным отношением законодателя к данной категории, а недостаточной теоретической разработанностью понятия «общественный порядок», различием его содержания. Путем анализа статей Кодекса БССР об административных правонарушениях и Уголовного кодекса, в которых употребляется понятие «общественный порядок», мы пытались выяснить, какое же содержание вкладывает законодатель в это понятие.

Полученные результаты позволили сделать следующий вывод: во-первых, как в уголовном, так и в административном законодательствах не раскрывается понятие «общественный порядок» и его содержание;

во-вторых, использование понятия «общественный порядок» при формулировании правовых новелл не сопровождается наполнением его специфическим смыслом. В абсолютном большинстве случаев употребляемое понятие не несет в себе информационной нагрузки, а в некоторых случаях даже затрудняет точное понимание и применение закона. Иллюстрацией этому может служить законодательство о порядке установления и осуществления органами внутренних дел административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Так, в соответствии с пунктом 2 Положения об административном надзоре органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, основаниями для установления такого надзора являются материалы органов внутренних дел, свидетельствующие, что лицо, освободившееся из мест лишения свободы, систематически нарушало общественный порядок (выделено нами — В. З.) и правила социалистического общежития и, несмотря на письменные предупреждения, продолжало вести антиобщественный образ жизни. Следовательно, административный надзор может быть установлен лишь за проступки, которые нарушают общественный порядок и правила социалистического общежития. Остается неясным, что же является нарушением общественного порядка, а какие действия нарушают правила социалистического общежития? Этот теоретический вопрос порождает не только двусмысленное понимание правовых актов, но и способствует их нарушению. Учитывая, что любая категория, используемая в юридической практике, имеет четко очерченный законодателем смысл (напр.: преступление, невменяемость, наказание и т. п.), представляется абсолютно необходимым дать нормативное определение понятия «общественный порядок» с позиций его должного состояния. Только в этом случае данная категория может использоваться как полноценное понятие в правоприменительной деятельности органов внутренних дел.

Исходя из изложенного, нам представляется, кто в качестве дефиниции общественного порядка может быть предложено следующее: **общественный порядок** — это система общественных отношений, урегулированных соответствующими нормами административного права и направленных на обеспечение нормальных условий функционирования государственных и общественных учреждений, проведения досуга и отдыха членов общества, уважения их чести и достоинства.

В плане нормативном целесообразно было бы в законе о советской милиции дать определение понятия «общественный порядок» и перечислить виды его административных правонарушений и преступлений.

Представляется, что общественный порядок должен включать как минимум следующие признаки:

- нормативная урегулированность;
- субъектами правоотношений, возникающих в сфере охраны общественного порядка, выступают как граждане, так и организации, учреждения;
- общественный порядок охватывает лишь некоторую часть правоотношений.

Наполнение понятия реальным содержанием должно достигаться также посредством определения перечня административных правонарушений и уголовных преступлений, посягающих на общественный порядок.

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 3. С. 327.

² См.: Безденежных В. М. Социалистический общественный порядок: Сущность, структура и социальное назначение. М., 1983. С. 17.

³ См.: Загородников Н. И. Общественный порядок и пути его укрепления // Сов. государство и право. 1971. № 10. С. 6.

⁴ Организация охраны общественного порядка. М., 1984. С. 19.

⁵ См.: Даньшин И. Н. Уголовно-правовая охрана общественного порядка. М., 1973. С. 68.

⁶ См.: Еропкин М. И. Административная деятельность органов внутренних дел. М., 1983. С. 10; Лазарев В. В., Попов Л. Л. Роль права в деятельности органов внутренних дел по обеспечению общественного порядка. М., 1985. С. 8.

⁷ Лазарев В. В., Попов Л. Л. Роль права в деятельности органов внутренних дел по обеспечению общественного порядка. С. 6.

⁸ Еропкин М. И., Попов Л. Л. Административно-правовая охрана общественного порядка. Л., 1973. С. 7.

В. Н. БИБИЛО

ВЗАИМОСВЯЗЬ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Выбор социальных норм для регулирования деятельности по расследованию и рассмотрению уголовных дел означает нахождение наиболее приемлемых и целесообразных общественных отношений, которые необходимо упрочить. Поэтому проблема выяснения специфики действия отдельных видов социальных норм имеет важное значение.

В современный период развития общества в деятельности государственных органов используются как правовые, так и неправовые нормы. Правовые нормы, составляя основу деятельности органов расследования и суда, воспроизводят не только уже сложившиеся общественные отношения, но и намечают реальную модель будущих общественных отношений, еще только зарождающихся, а также вытесняют отношения, не соответствующие интересам человека и государства. Без этих атрибутов право не смогло бы выполнять регулятивную функцию. Относительная стабильность правовых норм является предпосылкой принятия их на определенную историческую перспективу. Если та или иная норма права выпадает из связи с общественными отношениями, то она перестает быть правом. Поэтому изменения в системе общественных отношений могут изменить и действительность правовой нормы, а иногда и придать ей противоположную сущность.

В правовых нормах, регулирующих деятельность по расследованию и рассмотрению уголовных дел, общественные отношения не могут получить «зеркального отражения». Как отмечает А. Тамаш, свойство права в том, что оно «не стремится консервировать общественные отношения, а дает регулирование, с одной стороны, фиксирующее результат, с другой стороны, обеспечивающее прогресс и указывающее путь вперед»¹. Это связано с тем, что формирование и реализации правовых норм находится под воздействием многих факторов: политики государства, правосознания народа, уже сложившейся системы правовых норм, национальных особенностей и традиций того или иного региона страны.

Правовое регулирование расследования и рассмотрения уголовных дел осуществляется при помощи двойственного правового механизма: на базе уголовных и уголовно-процессуальных норм. Уголовно-процессуальные нормы являются разновидностью процедурных норм, которые могут иметь как правовой, так и неправовой характер. Процессуальные нормы вне норм материального права не имеют смысла. Они детерминированы потребностью реализации норм материального права и служат для реализации порядка, формы и методов применения норм материального права. Им присущи те же признаки, которые свойственны всем правовым нормам: они носят волевой характер, исходят от государства, образуют модель поведения субъекта. Но они обладают и специфической особенностью: имеют сугубо организационно-процедурный, управленческий характер.

Понятия «материальное право» и «процессуальное право» широко использовались еще в дореволюционной юридической литературе². Оперировали ими и в современных научных исследованиях. Представляет интерес выяснение вопроса, в каком соотношении находятся эти понятия. И. Сабо считает, что материальное право отличается тем, что находится ближе к материальным, производственным отношениям, а процессуальные правоотношения — это особая самостоятельная форма общественных отношений, но таких, которые сами выступают в форме правоотношений, или, во всяком случае, регламентированы правом. Иными словами, процессуальные отношения — это как бы удвоенная форма общественных отношений³.

Материальное право и процесс, являясь способом правового регулирования общественных отношений, в реальности выступают в неразрывном

единстве. Уголовно-процессуальное право служит средством установления наличия или отсутствия уголовно-правового отношения. Это отнюдь не придает ему второстепенного значения, а, напротив, через него показывает «жизнь» уголовного права. Без процессуальных норм уголовное право превратилось бы в «мертвое» право. В свою очередь, само процессуальное право без материального невозможно было бы даже сконструировать.

Но надо учитывать и другое: реализация уголовно-процессуальных норм может происходить и тогда, когда в ее основе на самом деле не лежит уголовно-правовое отношение, когда органы, ведущие расследование и рассмотрение дела, в основу своей деятельности кладут не реальное, а предполагаемое уголовно-правовое отношение. И в этом случае нормы уголовно-процессуального права объективируются в виде соответствующей деятельности субъектов уголовного-процессуальных отношений. При этом уголовный процесс имеет свою самостоятельную ценность. Благодаря ему может быть выявлено не только наличие, но и отсутствие уголовно-правового отношения. В нем получает отражение политический режим государства, степень развития демократии и гласности, наличие и реальное обеспечение прав личности.

Единство уголовного материального и процессуального права проявляется в самом общем: в правоотношениях, хотя уголовные и уголовно-процессуальные правоотношения возникают не одновременно. Уголовное правовое отношение появляется с момента совершения преступления⁴, а не со времени вынесения судом обвинительного приговора, вступившего в законную силу⁵, как считают некоторые авторы.

Уголовно-правовое отношение возникает независимо от того, стало ли известно о факте совершения преступления государственными органами и даже самому преступнику, что не исключено, в особенности, если преступление совершено по неосторожности. С момента нарушения закона возникает обязанность ответить за содеянное. Но закон не требует от лица, совершившего преступление, ни явки с повинной, ни раскаяния, ни каких-либо других действий, направленных на реализацию уголовной ответственности. Уголовный процесс должен быть сконструирован так, чтобы познать, исследовать событие преступления. Каждая из стадий уголовного процесса имеет свои возможности на этот счет. До вынесения обвинительного приговора действительно имеется некоторая неопределенность относительно наличия уголовно-правового отношения. Суд устраняет эту неопределенность.

Необходимо различать возникновение уголовно-правового отношения, определяемое временем совершения преступления, и удостоверение государством уголовно-правового отношения, устанавливаемое приговором суда, вступившим в законную силу. Именно с наличием факта совершения преступления надо связывать начало конфликтной ситуации между человеком и государством. До тех пор, пока эта конфликтная ситуация не станет предметом деятельности компетентных органов, материальные уголовные отношения существуют одни, без уголовно-процессуальных. Исходя из принципа неотвратимости ответственности за совершённое преступление, вслед за материальным уголовным правоотношением всегда должно возникнуть процессуальное. Его появление связывается с тем временем, когда органы, ведущие уголовный процесс, получают информацию о совершении преступления.

Интересен вопрос о динамике установления уголовно-правового отношения. М. С. Строгович отмечает, что если в начале производства по уголовному делу факт наличия уголовно-правового отношения еще неясен, то в последующем, в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства, уголовно-правовое отношение становится все более определенным и окончательно устанавливается при вынесении судом обвинительного приговора и вступлении его в законную силу⁶. Автор не учитывает того, что при таком подходе компетентным органам, ведущим уголовный процесс, пришлось бы игнорировать уголовно-процессуальный закон, согласно которому уголовное дело возбуждается и расследуется «в каждом случае обнаружения признаков преступления», а органы дознания, следствия, прокуратуры и суда должны принять «все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию» (ст. 3 УПК БССР).

Особенно ярко уязвимость позиции М. С. Строговича проявляется в тех случаях, когда уголовное дело прекращается на стадии предварительного расследования. Ведь решить этот вопрос без выяснения наличия или отсутствия уголовно-правового отношения невозможно. Кроме того, когда уго-

ловное дело не прекращается, а направляется в суд вместе с утвержденным прокурором обвинительным заключением для решения вопроса о предании обвиняемого суду, у следователя и прокурора имеется уверенность в том, что установлено событие преступления и лицо, его совершившее, подлежит уголовной ответственности. Другое дело, что уголовно-правовое отношение устанавливается с помощью тех уголовно-процессуальных средств, которыми располагает стадия предварительного расследования. С этих позиций уголовно-правовое отношение будет установлено, но еще не окончательно, поскольку не исчерпаны предусмотренные законом процессуальные средства, связанные с осуществлением судебных действий. Только после судебного разбирательства становится окончательно известно, имеется ли оно в наличии.

Вместе с тем судебная деятельность построена таким образом, что обойтись без стадии предварительного расследования по большинству уголовных дел невозможно. Протокольная форма досудебной подготовки материалов уголовного дела, хотя и представляет собой суррогат стадии предварительного расследования, но все-таки способствует правильному и быстрому разрешению судом уголовного дела. Так или иначе любой вид досудебной уголовно-процессуальной деятельности облегчает проведение судебной.

Следует учитывать и то, что привлечение лица в качестве обвиняемого должно происходить лишь тогда, когда наличие конкретного уголовно-правового отношения установлено, иначе возможна ошибка. Даже при возбуждении уголовного дела намечаются контуры установления уголовно-правового отношения, хотя в этот момент конкретный субъект преступления может быть еще неизвестен.

Таким образом, уголовно-правовое отношение устанавливается и на досудебных этапах уголовного процесса. Но его установление еще не носит окончательного характера. Оно предварительно, поскольку еще не использованы судебные уголовно-процессуальные средства. Лишь тогда, когда и эти средства будут исчерпаны, наличие или отсутствие уголовно-правового отношения следует признать окончательным.

Варианты разрешения уголовных и уголовно-процессуальных правоотношений разнообразны, но все они концентрируются вокруг двух узловых моментов: 1) оба вида правоотношений прекращают существование одновременно, например, после рассмотрения судом вопроса о снятии судимости; 2) уголовно-правовые отношения продолжают до погашения судимости, а уголовно-процессуальные прекращаются с обращением приговора к исполнению.

Под углом зрения наличия уголовного правоотношения акт вступления приговора в законную силу надо рассматривать как формальный, с которым лишь связывается возможность непосредственной реализации мер уголовной ответственности. Вместе с тем и обращение приговора к исполнению— это еще не реальное начало отбытия наказания, за исключением тех случаев, когда к человеку применялась мера пресечения в виде заключения под стражу и время содержания под ней включается в срок наказания. Но разрыв во времени между обращением приговора к исполнению и началом его исполнения небольшой.

Формой «жизни» уголовных правоотношений будут уголовно-процессуальные, которые, в свою очередь, являются формой деятельности в сфере уголовного процесса.

¹ Тамаш А. Судья и общество: Диалектика правосознания и правоприменения. М., 1980. С. 63.

² См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Спб., 1896. С. 3; Случевский В. Учебник уголовного процесса. Спб., 1913. С. 4.

³ См.: Сабо И. Общая теория права. М., 1974. С. 52 и далее.

⁴ См.: Козаченко И. Я. Уголовная ответственность: мера и форма выражения. Свердловск, 1987. С. 33; Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988. С. 169.

⁵ См.: Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права. Л., 1965. С. 159; Либус И. А. Презумпция невиновности в советском уголовном процессе. Ташкент, 1981. С. 43.

⁶ См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 91.

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ

(публікацыі і пераклады)*

Часопіс працягвае знаёміць чытачоў з праграмамі палітычных партый дакастрычніцкай Расіі.

У гэтым нумары публікуецца праграма партыі кадэтаў (афіцыйная назва — партыя народнай свабоды). Яна з'яўлялася асноўнай партыяй ліберальна-манархічнай буржуазіі ў Расіі. Створана ў кастрычніку 1905 г. Адыгрывала кіруючую ролю ў I і II дзяржаўных Думах, блакіруючыся з акцябрыстамі. Падтрымлівала палітыку царызму ў першай сусветнай вайне. Пасля Лютаўскай рэвалюцыі яе кіраўнікі ўвайшлі ў склад Часовага ўрада.

Партыя кадэтаў варожа адносілася да Кастрычніцкай рэвалюцыі і Савецкай улады. Дэкрэтам Саўнаркома ад 11 снежня 1917 г. яе дзейнасць была забаронена.

Праграма партыі народнай свабоды (кадэтаў) была прынята устаноўчым з'ездам у кастрычніку 1905 г. Змяненні і дапаўненні ўносіліся на II з'езде ў студзені 1906, на VII і VIII з'ездах у сакавіку і маі 1917 г.

ПРОГРАММА ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ (конституционно-демократической)¹

I. Основные права граждан

1. Все российские граждане, без различия пола, вероисповедания и национальности, равны перед законом. Всякие сословные различия и всякие ограничения личных и имущественных прав поляков, евреев и всех без исключения других отдельных групп населения должны быть отменены.

2. Каждому гражданину обеспечивается свобода совести и вероисповедания. Никакие преследования за исповедуемые верования и убеждения, за перемену или отказ от вероучения не допускаются. Отправление религиозных и богослужебных обрядов и распространение вероучений свободно, если только совершаемые при этом действия не заключают в себе каких-либо общих проступков, предусмотренных уголовными законами. Православная церковь и другие исповедания должны быть освобождены от государственной опеки.

3. Каждый волен высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно обнародовать их и распространять путем печати или иным способом. Цензура, как общая, так и специальная, как бы она ни называлась, упраздняется и не может быть восстановлена. За преступления и проступки, совершенные путем устного и печатного слова, виновные отвечают только перед судом.

4. Всем российским гражданам предоставляется право устраивать публичные собрания как в закрытых помещениях, так и под открытым небом для обсуждения всякого рода вопросов.

5. Все российские граждане имеют право составлять союзы и общества, не испрашивая на то разрешения.

6. Право петиций предоставляется как отдельным гражданам, так и всякого рода группам, союзам, собраниям и т. п.

7. Личность и жилище каждого должны быть неприкосновенны. Вход в

* Раздел вядзе прафесар Коршук У. К.

частное жилище, обыск, выемка в нем и вскрытие частной переписки допускается только в случаях, установленных законом, и не иначе, как по постановлению суда. Всякое задержанное лицо в городах и других местах пребывания судебной власти в течение 24 часов, а в прочих местностях государства не позднее как в течение 3 суток со времени задержания, должно быть или освобождено, или предоставлено судебной власти. Всякое задержание, произведенное без достаточного основания или продолженное сверх законного срока, дает право пострадавшему на возмещение государством понесенных им убытков.

8. Никто не может быть подвергнут преследованию и наказанию иначе как на основании закона — судебной властью и установленным законом судом. Никакие чрезвычайные суды не допускаются.

9. Каждый гражданин пользуется свободой передвижения и выезда за границу. Паспортная система упраздняется.

10. Все вышеозначенные права граждан должны быть введены в основной закон Российского государства и обеспечены судебной защитой.

11. Основной закон России должен гарантировать всем населяющим государство народностям, помимо полной гражданской и политической равноправности всех граждан, право свободного культурного самоопределения, как-то: полную свободу употребления различных языков и наречий в публичной жизни, свободу основания и содержания учебных заведений и всякого рода собраний, союзов и учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы и культуры каждой народности.

12. Русский язык, как общегосударственный, должен быть языком центральных государственных учреждений, армии и флота. В местных государственных и общественных учреждениях и учебных заведениях, содержимых на средства государственные или органов местного самоуправления и автономии, должно быть установлено право употребления местных языков соответственно национальному составу населения с обеспечением в порядке общегосударственного законодательства прав русского языка и языков национального меньшинства. Населению каждой местности должно быть обеспечено получение начального, а по возможности и дальнейшего образования на родном языке.

II. Государственный строй

13. Россия должна быть демократической парламентарной республикой. Законодательная власть должна принадлежать народному представительству.

Во главе исполнительной власти должен стоять президент республики, избираемый на определенный срок народным представительством и управляющий через посредство ответственного перед народным представительством министерства.

14. Народные представители избираются всеобщю, равною, прямою и тайною подачей голосов, без различия вероисповедания, национальности и пола.

Партия допускает в своей среде различные мнения по вопросу об организации народного представительства в виде одной или двух палат, из которых вторая палата должна состоять из представителей от органов местного самоуправления, реорганизованных на началах всеобщего голосования и распространенных на всю Россию.

15. Законодательная власть осуществляется народным представительством. Народное представительство устанавливает также государственную роспись доходов и расходов и контролирует законность и целесообразность действий высшей и низшей администрации.

16. Ни одно постановление, распоряжение, указ, приказ и тому подобный акт, не основанный на постановлении народного представительства, как бы он ни назывался и от кого бы ни исходил, не может иметь силы закона.

17. Государственная роспись, в которую должны быть вносимы все доходы и расходы государства, устанавливается не более как на один год законодательным порядком. Никакие налоги, пошлины и сборы в пользу государства, равно и государственные займы, не могут быть устанавливаемы иначе как в законодательном порядке.

18. Членам собрания народных представителей принадлежит право законодательной инициативы.

19. Министры ответственны перед собранием народных представителей, членам которого принадлежит право запроса и интерpellации.

III. Местное самоуправление и автономия

20. Местное самоуправление должно быть распространено на все Российское государство.

21. Представительство в органах местного самоуправления, приближенное к населению путем учреждения мелких самоуправляющихся единиц, должно быть основано на всеобщем, равном, прямом и закрытом голосовании без различия пола, вероисповедания и национальностей, причем собрания высших самоуправляющихся союзов могут быть образованы путем избрания собраниями низших таких же союзов. Губернским земствам должно быть предоставлено право вступать во временные и постоянные союзы между собою.

22. Круг ведомства органов местного самоуправления должен простираться на всю область местного управления, включая полицию безопасности и благочиния, за исключением лишь тех отраслей управления, которые в условиях современной государственной жизни необходимо должны быть сосредоточены в руках центральной власти, с предоставлением в пользу органов местного самоуправления части средств, поступающих в настоящее время в государственный бюджет.

23. Деятельность местных представителей центральной власти должна сводиться к надзору за законностью деятельности органов местного самоуправления, причем окончательное решение по возникающим в этом отношении спорам и сомнениям должно принадлежать судебным учреждениям.

24. Высшим территориальным самоуправляющимся союзам (губернским или областным земствам) должны быть предоставлены права провинциальной автономии (издания местных законов) в определенных сферах местной хозяйственной, культурной и национально-культурной жизни, с обеспечением для государственной власти возможности останавливать введение в действие законов, нарушающих установленные общегосударственной конституцией пределы автономии.

25. При установлении конституции Российской Республики упомянутые в предыдущем параграфе права местной автономии предоставляются органам самоуправлений губерний и соответствующих им территориальных делений (ныне существующих областей). Вместе с тем конституция должна открыть закономерный путь к удовлетворению желаний местного населения относительно слияния установленных территориальных единиц в более обширные области, разделения их на меньшие единицы и изменения их границ и компетенции. Сверх того, автономным единицам должна быть предоставлена свобода вступать между собой во временные или постоянные соглашения для совместного осуществления через общие органы тех или иных задач, входящих в круг их ведения.

25. прежней программы касался автономного устройства Польши, за которой ныне признано право на самостоятельное государственное существование.

26. Конституция Финляндии, обеспечивающая ее особенное государственное положение, должна быть всецело восстановлена. Всякие дальнейшие мероприятия, общие России и Финляндии, должны быть впредь делом соглашения между законодательными органами России и Финляндии.

IV. Суд

27. Все отступления от начал судебных уставов 20 ноября 1864 года, устанавливающих отделение судебной власти от административной, невменяемость, независимость и гласность суда и равенство всех перед судом как внесенные позднейшими новеллами, так и допущенные при самом составлении уставов, упраздняются. В этих видах прежде всего: а) не подлежат никаким ограничениям правило о том, что никто не может быть подвергнут наказанию без вошедшего в силу приговора компетентного суда, б) всякое вмешательство министра юстиции в назначение на судейские должности или перемещение судей, а тем более в производство дел, устраняется; судьи наград не получают; в) ответственность должностных лиц определяется на общем основании; г) компетенция суда присяжных определяется исключительно тяжестью наказания, назначенного в законе, относительно к роду дел, причем, однако, этой компетенции во всяком случае подлежат все преступления государственные и против законов о печати. Суд с сословными представителями упраздняется. Компетенции выборного мирового суда подчиняются и дела волостной юстиции. Волостной суд и институт земских начальников упраздняются. Требование имуществ-

венного ценза как для замещения должности мирового судьи, так и для отправления обязанностей присяжного заседателя отменяется; е) восстанавливается принцип единства кассационного суда; ф) адвокатура организуется на началах истинного самоуправления.

28. Независимо от этого в осуществлении наиболее назревших и бесспорных требований уголовной политики и процесса: а) смертная казнь отменяется, безусловно, навсегда; б) вводится условное осуждение; в) устанавливается защита на предварительном следствии; г) в обряд предания суду вводится состязательное начало.

29. Ближайшей задачей является полный пересмотр уголовного уложения; отмена постановлений, противоречащих началам политической свободы, и переработка проекта гражданского уложения.

V. Финансовая и экономическая политика

30. Пересмотр государственного расходного бюджета в целях уничтожения непроизводительных по своему назначению или своим размерам расходов и соответственного увеличения затрат государства на действительные нужды народа.

31. Касался отмены выкупных платежей*.

32. Развитие прямого обложения на счет косвенного: общее понижение косвенного обложения и постепенная отмена косвенных налогов на предметы потребления народных масс.

33. Реформы прямых налогов на основе прогрессивного подоходного и имущественного обложения: введение прогрессивного налога на наследство.

34. Соответствующее положение отдельных производств, понижение таможенных пошлин ввиду удешевления предметов народного потребления и технического подъема промышленности и земледелия.

35. Государственное и общественное содействие кооперации во всех ее видах, обращение средств сберегательных касс на развитие мелкого кредита.

VI. Земельный вопрос

36. Земли сельскохозяйственного пользования должны принадлежать трудовому земледельческому населению.

37. Неотложной мерой в этом направлении должно быть осуществление земельной реформы, ближайшим образом имеющей в виду удовлетворение нужды в земле малоземельного и безземельного населения, занимающегося земледельческим трудом (см. ниже «Главные основания земельной реформы»).

38. Для сохранения за трудовым землевладением его прямого назначения должны быть установлены законом меры к устранению возможности для отдельных лиц приобрести землю сверх трудовой нормы, а также обрабатывать земли сельскохозяйственного пользования (хотя бы и в пределах трудовой нормы) в источник постоянного рентного дохода.

39. Ввиду многообразия форм трудового землевладения как по областям России, так и в пределах областей, решающее значение в этом вопросе должно принадлежать, главным образом, правосознанию, хозяйственным расчетам и воле самого заинтересованного населения. В соответствии с этим последнему должна быть предоставлена законом широкая возможность сохранять, устанавливать и развивать те формы землевладения, какие являются для него предпочтительными.

40. Все земельные союзы (общины, общества с подворным владением, товарищества и пр.) — с устранением сословных ограничений, административной опеки и других пережитков старого порядка — должны приобрести характер частноправовых организаций. Внутренняя организация и деятельность союзов должны определяться законом и вырабатываемыми ими уставами или договорами.

41. В частности, по отношению к общинному землевладению необходимо: а) устранение из действующих законоположений мер насильственного разрушения общинного владения; б) установление порядка выхода и выдела отдельных членов из общин, обеспечивающего интересы как выходящих и выделяющихся, так и прочих общинников; в) допущенные законом переуступки отдельными общинниками своего права участия в общинном владении посторонним лицам, с надлежащим ограждением при этом интересов

* В прежней редакции этот параграф формулировался таким образом: «31. Отмена выкупных платежей» — Ред.

общины; г) устранение чересполосицы между закрепленными за отдельными домохозяйствами участками и общинными землями.

42. Необходима широкая постановка землеустроительного дела, а также работ по заготовке и устройству земель для переселенцев. Государственная и общественная организация переселений. Система мер к подъему производительности трудового землевладения, как то: мелиорация, сельскохозяйственный кредит, мероприятия агрономического характера, широкая поставка сельскохозяйственного образования, дальнейшее развитие и укрепление кооперации и т. п.

43. Леса должны принадлежать государству, за исключением лесных площадей, могущих получить сельскохозяйственное назначение (см. п. Д «Гл. осн. зем. реф.»), а также состоящих во владении трудового населения (надежных и т. п.) и общественных учреждений. Эксплуатация лесов должна определяться общим планом, обеспечивающим как правильную постановку лесного хозяйства, так и удовлетворение нужд страны, охрану лесов защитного значения и проч.

Примечание. Вопрос об облесении должен быть разрешен особым законом.

44. Государству должно быть предоставлено верховное право регулировать пользование внутренними водами как источниками движущей силы, а также для целей орошения и проч. нужд общего значения.

Примечание. Потери частных лиц и обществ, действительно понесенные ими в непосредственной зависимости от государственных мероприятий, подлежат возвращению. (В отношении недр VI съездом принята следующая резолюция: «Съезд признает, что права на недра земли должны быть отделены от прав на ее поверхность, и поручает Центральному Комитету разработать вопрос о правах на недра и об основаниях их эксплуатации для доклада ближайшему съезду партии»).

Главные основания земельной реформы

(к 37. общей программы)

а) Для целей земельной реформы наличный запас государственных земель (включая бывшие удельные и кабинетские) пополняется землями монастырскими, церковными, принадлежащими крестьянскому и дворянскому банкам и принудительно отчуждаемыми частновладельческими (лиц физически и юридически).

б) Принудительному отчуждению не подлежат: земли сельских обществ; все не превышающие трудовой нормы мелкие владения отдельных лиц и участки членов товариществ; земли под фабриками и заводами; усадьбы, сады, виноградники, огороды и т. п.; земли, принадлежащие городам, земствам и находящиеся в их владении учреждениям; земли других учреждений, предназначенные для образовательных, общественно-санитарных, научных и др. общепользовательных целей.

в) В прочих частных владениях подлежит принудительному отчуждению все количество земли сверх трудовой нормы. В местностях, где нет недостатка земли для нормального обеспечения местного малоземельного и безземельного земледельческого населения, тем владельцам, которые ведут хозяйство собственным инвентарем, предоставляется сохранять за собою количество земли больше трудовой, но не свыше устанавливаемой для того предельной нормы.

Оставление за частным владельцем участка, превышающего указанную предельную норму, может быть допущено только в том случае, когда подлежащие учреждения признают необходимым сохранить данное хозяйство в прежнем его виде или установить постепенный порядок его ликвидации.

г) Земли общего государственного запаса, за исключением подлежащих сохранению лесов и тех земельных участков, которые признано будет необходимым оставить в непосредственном распоряжении государственных органов или органов местного самоуправления для культурно-хозяйственных и других государственных и общественных целей, обращаются, прежде всего, на удовлетворение нужд местного малоземельного и безземельного трудового земледельческого населения применительно к устанавливаемым для того нормам обеспечения.

Земли государственного запаса, остающиеся за удовлетворением по указанным нормам нужд местного населения, могут быть предназначены для надобностей последующего обеспечения того же населения или же могут быть обращены на нужды переселенцев из других местностей.

При недостатке в данной местности запаса земель для нормального обеспечения местного малоземельного и безземельного земледельческого населения должна быть применена широкая помощь государства тем, кто пожелает выселиться в другие районы.

д) Законом должны быть указаны те местности, в которых по обилию лесов последние могут быть использованы для отвода населению на сельскохозяйственные нужды, и должно быть определено, какая именно доля лесов может получить такое назначение.

е) Упомянутые выше нормы обеспечения малоземельного и безземельного населения, трудовые нормы и предельные нормы того количества земли, какое в районах с достаточным запасом земель может быть оставлено за владельцами при условии эксплуатации собственным инвентарем, вырабатываются по отдельным районам местными земельными учреждениями и определяются затем законом.

Примечание. Указанные предельные нормы должны устанавливаться применительно к обычному, по местностям, размеру хозяйств полутрудового типа, т. е. тех хозяйств, в которых наряду с наемными рабочими принимают непосредственное участие в сельскохозяйственных работах и сами владельцы земли.

ж) Принудительное отчуждение частновладельческих земель производится путем выкупа их государством. В основу оценки земли полагается нормальная ее доходность, с устранением из расчета тех повышающих доходность элементов, которые обуславливаются земельной нуждой населения, ненормальными условиями найма рабочих и пр. Во владениях, превышающих известные устанавливаемые законом пределы, излишек земли сверх этих пределов оценивается по нормам, прогрессивно понижаемым соответственно размерам упомянутого излишка. Нормы доходности земли вырабатываются местными земельными учреждениями и устанавливаются законом.

з) Земли государственного запаса отводятся нуждающемуся в них населению на началах постоянного (бессрочного) пользования как коллективным единицам: общинам, обществам с подворным владением, товариществам и прочим союзам земледельцев, — так и отдельным владельцам, соответственно с местными особенностями существующего трудового землевладения и желаниями населения.

и) Выкупная сумма за отчужденные земли выплачивается владельцам выкупными свидетельствами. Государство принимает на себя погашение всей выкупной суммы в уплату известной, определяемой законом доли процентов по выкупным свидетельствам. Остальная часть подлежащих ежегодно уплате процентов покрывается особым налогом с земель, отводимых в пользование населению.

VII. Рабочее законодательство

45. Свобода рабочих союзов и собраний.

46. Право стачек. Наказуемость правонарушений, совершаемых во время или по поводу стачек, определяется на общем основании и ни в коем случае не может быть увеличиваема.

47. Распространение рабочего законодательства и независимой инспекции труда на все виды наемного труда; участие выборных от рабочих в надзор инспекции за исполнением законов, охраняющих интересы трудящихся.

48. Введение законодательным путем восьмичасового рабочего дня. Немедленное осуществление этой нормы всюду, где она в данное время возможна, и постепенное ее введение в остальных производствах. Запрещение ночных и сверхурочных работ, кроме технически и общественно необходимых.

49. Развитие охраны труда женщин и детей и установление особых мер охраны труда мужчин во вредных производствах.

50. Учреждение примирительных камер из равного числа представителей труда и капитала для нормировки всех отношений найма, не урегулированных рабочим законодательством, и разбора споров и несогласий, возникающих между рабочими и предпринимателями.

51. Обязательное при посредстве государства страхование от болезни (в течение определенного срока), несчастных случаев и профессиональных заболеваний, с отнесением издержек на счет предпринимателей.

52. Государственное страхование на случай старости и неспособности к труду для всех лиц, живущих личным трудом.

53. Установление уголовной ответственности за нарушение законов об охране труда.

VIII. По вопросам просвещения

Народное просвещение должно быть организовано на началах свободы, демократизации и децентрализации его, понимая под этим осуществление следующих начал:

54. Свобода частной и общественной инициативы в открытии и организации учебных заведений всех типов и в области внешкольного просвещения; свобода преподавания.

55. Уничтожение всех стеснений к поступлению в школу, связанных с полом, происхождением и религией.

56. Между различными ступенями школ всех разрядов должна быть установлена прямая связь для облегчения перехода от низшей ступени к высшей.

57. Полная автономия и свобода преподавания в университетах и других высших школах. Увеличение их числа. Уменьшение платы за слушание лекций. Организация просветительной работы высшей школы для широких кругов населения. Свободная организация студенчества.

58. Количество средних учебных заведений должно быть увеличено соответственно общественной потребности; плата в них должна быть понижена. Местным общественным учреждениям должно быть предоставлено широкое участие в постановке учебно-воспитательного дела.

59. Введение всеобщего, бесплатного и обязательного обучения в начальной школе. Передача начального образования в заведование органов местного самоуправления. Организация органами самоуправления материальной помощи нуждающимся учащимся.

60. Устройство органами местного самоуправления образовательных учреждений для взрослого населения, элементарных школ для взрослых, народных библиотек, народных университетов. Развитие профессионального образования.

¹ Программа партии народной свободы (конституционно-демократической). М., 1917. С. 3—22.

В. Ф. ШАЛЬКЕВИЧ

АЦЭНКІ КАНСТЫТУЦЫІ 3 МАЯ 1791 ГОДА Ў ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНАЙ ДУМЦЫ БЕЛАРУСІ ХІХ СТАГОДДЗЯ

XVIII стагоддзе ўвайшло ў гісторыю цывілізацыі як век Асветы, век Розуму. Выдатныя мысліцелі гэтага стагоддзя распрацавалі класічную форму асветніцкай ідэалогіі, накіраванай супраць феадалізму, дэспатызму і прыгнечання чалавечай асобы. Гуманістычныя і дэмакратычныя асветніцкія ідэі падрыхтавалі буйнейшыя буржуазныя рэвалюцыі XVIII стагоддзя — амерыканскую і французскую.

Пад уплывам амерыканскага, і асабліва французскага асветніцтва лепшыя прадстаўнікі перадавой грамадска-палітычнай думкі Рэчы Паспалітай (сумеснай федэратыўнай дзяржавы палякаў, беларусаў, украінцаў і літоўцаў, узнікшай у 1569 г. пасля Люблінскай уніі) таксама выпрацавалі выдатны помнік прававой і палітычнай думкі XVIII стагоддзя — Канстытуцыю 3 мая 1791 года, якая адкрывала магчымасць для правядзення шматбаковых рэформ на польскіх, беларускіх, украінскіх і літоўскіх землях. Аўтары канстытуцыі спадзяваліся з яе дапамогай стварыць перадавыя формы грамадска-палітычнага жыцця, уступіць на шлях эканамічнага і сацыяльнага прагрэсу, далучыцца да перадавых краін свету. Але, як слушна адзначыў В. Дунін-Марцінкевіч, «сумежныя царствы не згадзіліся на тое, што б у палякаў быў такі закан, і сталі з імі ваяваць»¹.

У 1792 г. Расія і Прусія далучыліся да ўнутранай апазіцыі ў Рэчы Паспалітай, вядомай пад назвай Таргавіцкай канфедэрацыі, якая пачала барацьбу супраць ідэй і прыхільнікаў Канстытуцыі. Гэта прывяло да акупацыі краіны войскамі замежных дзяржаў, адмены Канстытуцыі, а потым да другога і трэцяга падзелу Рэчы Паспалітай.

Цікава, што вышэй працытаванае меркаванне В. Дуніна-Марцінкевіча цалкам супадае з поглядамі К. Маркса і Ф. Энгельса, аб якіх, безумоўна,

беларускі пісьменнік не ведаў. Вось што пісаў, у прыватнасці, заснавальнік навуковага сацыялізму аб прычынах падзелу Рэчы Паспалітай: «У 1793 г., калі Расія, Аўстрыя і Прусія дзялілі паміж сабою Польшчу (Рэч Паспалітую — В. Ш.), гэтыя тры дзяржавы спасылаліся на Канстытуцыю 1791 года, якая была аднадушна асуджана за яе... якабінскія прынцыпы»².

Ф. Энгельс таксама адзначаў, што «Канстытуцыя 1791 г., абвясціўшая правы чалавека і грамадзяніна, стала штандарам рэвалюцыі на берагах Віслы, зрабіўшы Польшчу авангардам рэвалюцыйнай Францыі... Тая акалічнасць, што Польшча разгарнула рэвалюцыйны сцяг, з'явілася адной з галоўных прычын яе занявольвання»³.

Нягледзячы на тое, што Канстытуцыя 3 мая 1791 г. дзейнічала на беларускіх землях усяго год з нечым, яна пакінула глыбокі след у памяці нашага народа. Да аналізу яе зместу звярталіся перадавыя мысліцелі Беларусі на працягу ўсяго XIX стагоддзя. Асаблівая цікавасць да ідэй Канстытуцыі назіраецца напярэдадні і ў час паўстанняў 1794, 1830 і 1863 гг., аб чым сведчаць многія гістарычныя крыніцы, і ў прыватнасці, ідэйная і літаратурная спадчына Кастуся Каліноўскага і Вінцэнта Дуніна-Марцінкевіча.

Зразумела, што найбольшую ўвагу гэтых выдатных прадстаўнікоў беларускай культуры прыцягвалі артыкулы Канстытуцыі, прысвечаныя сялянам. Сялянскае пытанне перш за ўсё разглядалася ў артыкуле 4 «Сяляне-земляробы». Вось змест гэтага артыкула: «Сялянства, найбольш шматлікую і працаздольную частку насельніцтва, праца якога з'яўляецца галоўнай крыніцай нацыянальнага дабрабыту, прымаем пад абарону права і адміністрацыі»⁴.

Гэты артыкул адкрываў магчымасць умяшання дзяржаўных судовоў і адміністрацыі ў адносіны паміж панамі і сялянамі. Акрамя таго, Канстытуцыя абавязвала паноў заключаць пагадненні з сялянамі (індывідуальныя альбо калектыўныя) адносна роду, памеру і часу выканання іх павіннасцей. Гэтыя пагадненні таксама падпадалі пад абарону мясцовай адміністрацыі. Апошняя павінна была назіраць, каб абодва бакі (паны і сяляне) выконвалі пагадненне.

Выкладзеныя палажэнні Канстытуцыі па сялянскаму пытанню з пазіцыі сённяшняга дня не ўяўляюць сабой нічога надзвычайнага. Але калі мы ўспомнім, што ў той час як у самой Рэчы Паспалітай, так і ў суседніх з ёй краінах прыгонныя сяляне былі цалкам бяспраўнымі, то адзін дасягненні Канстытуцыі ў гэтым пытанні, якая дала 75 % насельніцтва дзяржавы пачатак грамадзянскіх і чалавечых правоў⁵.

Таму зразумела, чаму прававыя нормы Канстытуцыі, прысвечаныя сялянам, атрымалі станоўчую ацэнку Кастуся Каліноўскага. У сваіх бессмяротных «Лістах з-пад шыбеніцы» выдатны беларускі рэвалюцыянер-дэмакрат пісаў: «Ронд (урад — В. Ш.) польскі ўжо таму будзе 70 лет, выперажаючы многа суседніх народаў пачаў ужо талкаваці аб свабодзе мужыцкай...»⁶ (Нагадаем, што гэтыя словы былі напісаны Каліноўскім у лютым — сакавіку 1864 г. незадоўга да пакарання ў мурах былога Дамніканскага кляштару, які царскія ўлады ператварылі ў турму). Пазней К. Маркс таксама адзначаў, што Канстытуцыя 1791 г. абвясціла «скасаванне прыгоннага права»⁷.

Канстытуцыя 3 мая гарантвала асабістую вольнасць тым збеглым сялянам, якія пажадалі б вярнуцца на радзіму, а таксама сялянам, прыбыўшым у Рэч Паспалітую з-за мяжы. І тым і другім гарантавалася свабода пасялення і найму на працу. Гэты артыкул Канстытуцыі вельмі высока ацаніў В. Дунін-Марцінкевіч. У «Талкаваннях» да свайго перакладу на беларускую мову паэмы Адама Міцкевіча «Пан Тадэвуш» ён пісаў: «У тым законе стаяла, што калі хто, хаця б і з чужой зямлі ступіць нагой на польскую, той мае быць вольным чалавекам»⁸.

Асаблівую ўвагу выдатных прадстаўнікоў грамадска-палітычнай думкі Беларусі XIX стагоддзя прыцягнулі артыкулы Канстытуцыі, аб народным суверэнітэце і падзеле ўлад, якія былі распрацаваны стваральнікамі асноўнага закона Рэчы Паспалітай пад уплывам ідэй вядомых французскіх мысліцеляў XVIII стагоддзя Ж.-Ж. Русо і Ш. Л. Мантэскье. У прыватнасці, у артыкуле 5 Канстытуцыі сцвярджалася: «Усялякая ўлада ў грамадстве вынікае з волі народу»⁹.

Пры гэтым неабходна адзначыць, што катэгорыя «народ» трактавалася ў Канстытуцыі значна шырэй, чым гэта рабілася да таго часу. У паняцце «народ» уключалася не толькі шляхта, як гэта было раней, але таксама мяшчане і сяляне. Гэта дэмакратычная рыса асноўнага закону Рэчы Паспа-

літай 1791 года атрымала станоўчую ацэнку Кастуся Каліноўскага. У «Лістах з-пад шыбеніцы» ён адзначыў, што Канстытуцыя паставіла пытанне аб «роўнасці братней мужыка з шляхціцам»¹⁰.

Значную цікавасць прадстаўляе і агульная ацэнка Канстытуцыі, дадзеная В. Дуніным-Марцінкевічам. «Закон Трэцяга мая,— лічыў ён,— быў вельмі мудры і для ўсіх людзей меў прынясці шчасце»¹¹.

Такім чынам, Канстытуцыя 1791 года, накіраваная супраць абсалютызму, дэспатызму і шляхецка-магнацкай анархii, паклала пачатак разнявольванню чалавечай асобы на польскіх, беларускіх, украінскіх і літоўскіх землях, мела гуманістычны і дэмакратычны характар. Менавіта таму яна і аказала значны ўплыў на развіццё грамадска-палітычнай думкі Беларусі XIX стагоддзя, на погляды яе выдатных прадстаўнікоў — Кастуся Каліноўскага і Вінцэнта Дуніна-Марцінкевіча.

¹ Дунін-Марцінкевіч В. Творы. Мн., 1984. С. 472.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 488.

³ Там жа. Т. 18. С. 553—554.

⁴ Wybór tekstów źródłowych z historii państwa i prawa polskiego. Warszawa, 1951. Т. 1. Cz. 2. S. 91.

⁵ Гл.: Грыцкевіч В. Наша першая Канстытуцыя // Народная газета. 1991. 7 мая.

⁶ Gillel A. Historia powstania narodu polskiego w 1861—1864 r. Paříž, 1867. Т. 1. S. 328.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 488.

⁸ Дунін-Марцінкевіч В. Творы. С. 472.

⁹ Wybór tekstów źródłowych... S. 90.

¹⁰ Gillel A. Historia powstania... S. 328.

¹¹ Дунін-Марцінкевіч В. Творы. С. 472.

В. И. Овчаренко, А. А. Грицанов. **Социологический психологизм: критический анализ.** Мн.: Вышэйшая школа, 1990. 205 с.

В рецензируемой монографии впервые осуществлен комплексный анализ главных идей и ведущих концепций социологического психологизма — одного из ведущих направлений социологии. Определив социологический психологизм как плюралистическое направление, принимающее в качестве основной предпосылки исследования и объяснения социальных явлений и процессов действие и взаимодействие общественных, групповых и индивидуальных психических факторов, авторы осуществили последовательное решение ряда принципиально важных проблем, все еще не получивших корректного освещения ни в зарубежной, ни в отечественной социологии. К ним относятся вопросы поливариантности развития и внутренней дифференциации социологического психологизма, периодизации его эволюции, оценки его достижений и просчетов, перспектив изменения и т. д.

Новацией является и утверждение о том, что возникшая в результате попыток преодолеть кризис европейского обществознания в первой половине XIX в. и основанная на традициях классической философии психологическая модель формирования и развития социологии выступила в качестве обновленческой альтернативы базировавшимся на позиции позитивистской философии физикалистской (О. Конт) и биологизаторской (Г. Спенсер) моделям социологии.

В периодизации развития социологического психологизма с момента возникновения до наших дней авторы выделили следующие этапы его исторической эволюции: 1) создания и становления; 2) утверждения и конституирования; 3) формирования социологического неопсихологизма.

На этапе формирования основных идей и концепций социологического

психологизма исследуются его стартовые парадигмы, механизмы выработки собственного категориально-понятийного аппарата и специфических концепций, определения основных проблемных полей. Выясняются предпосылки саморазвития социологического психологизма, его интернационализации и перехода на межрегиональный уровень функционирования.

В процессе теоретической реконструкции главных разновидностей современного социологического психологизма авторы пришли к выводу, что в этот период его развитие осуществлялось на собственной основе под определяющим воздействием психопрактических ориентаций и комплекса бихевиористских, психоаналитических и персонологических доктрин, выступавших в роли его специфических революций. В указанное время социологический психологизм обретает статус доминирующего направления западной социологии.

Характеризуя перспективы развития социологического психологизма, В. И. Овчаренко и А. А. Грицанов отмечают процесс обновленческой трансформации его традиционных элементов и форм: он все чаще начинает выступать в качестве источника идей и методов для новых, нетрадиционных исследовательских направлений (напр., психоистории), а также в роли эталона развития других течений и школ социологии.

В целом правомерно сделать вывод, что с основной своей задачей — создать относительно целостный абрис одного из ведущих направлений западной социологии — авторы справились. Анализ осуществлен ими на основе значительной совокупности источников, в том числе большого количества до сих пор не переведенных на русский язык англоязычных публикаций.

Однако многомерность, поливариантность и объемность содержания социологического психологизма иногда нарушают сбалансированность отдельных фрагментов архитектоники монографии, вызывают некоторые перепады

логического и исторического ракурсов исследования.

В целом же данная работа, безусловно, вносит определенный вклад в процесс дальнейшего исследования и теоретической реконструкции состояния и перспектив развития как всего комплекса социальных наук и дисциплин немарксистской ориентации, так и социальной мысли и культуры Запада в целом.

**А. Н. Елсуков,
Н. К. Кисель**

T. Łoposzko. Zarys dziejów społecznych cesarstwa rzymskiego. Lublin, 1989. 253 s.

В фундаментальном монографическом исследовании «Очерк общественной истории императорского Рима» на богатом материале разнообразных источников Т. Лопoszко осветил социальную структуру римского общества на протяжении 500-летнего периода (от начала принципата до падения Западной Римской империи), что является значительным вкладом в антиковедение мировой историографии. В нашей стране подобных изданий нет.

Монография состоит из четырех глав: 1) Римское общество ранней империи; 2) Социальные изменения в Риме в III веке; 3) Позднеантичное общество (IV—V вв.); 4) Социальные движения во время империи. Венчает книгу богатая библиография.

В начале книги автор говорит, что новая форма правления (принципат) не внесла каких-либо изменений в социальную структуру первых двух веков: осталась та же экономическая и социальная иерархия. В этой иерархии ведущую роль играли слои сенаторов и всадников, а все материальные блага создавались плебеями и рабами.

Римское общество эпохи принципата — это уже не только жители столицы и Италии, говорит ученый, а многомиллионная масса (50—80 млн.) от Атлантики до Евфрата (население Италии в то время составляло около 8—9 млн. чел.).

Т. Лопoszко убедительно доказывает, что мир, установившийся после долгих и многочисленных войн, способствовал быстрому подъему экономики, развитию старых и возникновению множества новых городов. Он приводит интересный цифровой материал источников и исследований о росте городского населения. Предоставление прав римского гражданства целым регионам во время правления Августа и последующих императоров, считает автор, — свидетельство поиска опоры власти уже не только на римлян и италиков, а и на население западных и восточных провинций. Дается исчерпывающая характеристика положения и социального статуса всех группировок и классов империи. Прослеживая эволюцию классово-сословного общества, автор сделал убедительные выводы о том, что в эпоху кри-

зиса и уладка общественно-экономического развития положение некоторых сословий, их предназначение и социальный статус поменялись коренным образом. И все же большинство населения было сельским (несколько десятков миллионов). Наибольший удельный вес в сельском хозяйстве составляли мелкие и средние крестьянские хозяйства. Много внимания уделяет исследователь и новому явлению в сельском хозяйстве империи — колонату. И все же автору следовало бы, излагая материал о новом явлении в сельском хозяйстве, обратить внимание и на исследование этой проблемы советскими историографами (напр., В. И. Кузищина).

Рассматривая социальную структуру армии и ее ветеранов периода принципата, ученый отмечает изменения, происшедшие в ней, по сравнению с предыдущей эпохой. Армия оставалась особой политической силой, главной опорой императорской власти и поддержания мира. В последующие века, когда усилился натиск варварских племен на границы государства, значение армии возвысилось еще больше.

Эпоха Поздней империи в исследовании Т. Лопoszко — это социальные перемены: исчезновение сословия всадников и появление нового явления: владельцев крупной собственности христианских общин, храмов. Духовная иерархия занимала высокие социальные позиции. На наш взгляд, особый интерес у читателя вызовут социальные движения — багаудов и агностиков.

Подводя итог изысканиям социальных движений, в заключении книги ученый останавливается на характере классовой борьбы той эпохи. Он утверждает, что хотя тогда долгое время не было переломных социальных движений, но это не значит, что произошло торможение и прекращение социальных конфликтов и классовой борьбы (с. 227). В новых условиях классовая борьба приобретала другие формы, так как массовые общественные движения были затруднительны, а то и невозможны.

Специалисты-историки многих стран встретили исследование Т. Лопoszко с большим интересом.

К. А. Ревяко

В. Н. Годунов. Аграрный цех предприятия. Мн.: Ураджай, 1990. 160 с.

Монография посвящена исследованию вопросов правового обеспечения деятельности подсобных сельских хозяйств и представляет собой практическое пособие, адресованное прежде всего руководителям, специалистам и работникам этих хозяйств.

В. Н. Годунов подробно исследует все стороны организации и деятельности подсобных хозяйств: создание, управление, землепользование, имущественные отношения, производственно-хозяйственную деятельность.

Заслуживает внимания разграничение правового положения подсобного хозяйства на правах цеха предприятия

и структурной единицы объединения (с. 8).

Рассмотрение изменений в хозяйственном механизме производится в контексте развития законодательства о подсобных сельских хозяйствах, при этом дается характеристика системы этого законодательства. Наиболее важным с практической точки зрения представляется детальный анализ порядка создания подсобных сельских хозяйств, государственного руководства ими и внутрихозяйственного управления, правовое регулирование земельных отношений, финансирования и кредитования, правовых основ снабжения, обслуживания, реализации продукции, социального развития, а также правового регулирования организации и оплаты труда работников. Интересны мысли автора о совершенствовании правового регулирования производственно-хозяйственной деятельности подсобных сельских хозяйств.

Вместе с тем некоторые положения работы в связи с принятием в 1990 г.

ряда новых законов (Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о земле, Закон о собственности в СССР, Закон о предприятиях в СССР и другие) и отменой отдельных нормативных актов представляются интересными больше в историческом плане, чем в практическом. В частности, значительной корректировки в законодательстве требует глава о землепользовании подсобных сельских хозяйств.

Спорны предложения автора о порядке преобразования колхоза в подсобное сельское хозяйство (с. 30), о передаче сельскохозяйственными предприятиями земли в аренду (с. 54), поскольку законодательство признает арендодателями не их, а местные Советы.

Замечания по частным и дискуссионным вопросам отнюдь не умаляют достоинств и высокого научного уровня монографии. Ее с интересом прочтут не только практические, но и научные работники.

К. Н. Нилов

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

<i>Пучкова Л. В.</i> Борьба солдатских масс Западного фронта в 1917 г. за демократический мир	3
<i>Цвыроў Л. Р.</i> Да пытання аб дзейнасці камітэтаў Заходняга фронту ў сакавіку — кастрычніку 1917 г.	7
<i>Калюта В. В.</i> Проблемы становления белорусского подполья в начальный период Великой Отечественной войны	10
<i>Трухнов Б. М.</i> О дефиниции гностицизма	13
<i>Качалов И. Л.</i> Особенности официальной идеологии российского самодержавия во второй четверти XIX в.	15
<i>Мельцер Д. Б.</i> Болгарский этап дипломатической деятельности Ф. Ф. Раскольников	18
<i>Пятроў К. А.</i> Сярэдневяковая заходнеўрапейская вайна ў абліччы святочнага дзейства	21

ФІЛАСОФІЯ

<i>Поликарпов В. А.</i> К вопросу о роли речи в мышлении в свете проблемы интуиции	24
<i>Ма Канмэй, Петушкова Е В.</i> Человек и творчество в философской мысли Китая	28
<i>Морозова С. А.</i> Личностный потенциал культуры управленческих отношений	31
<i>Карак П. С.</i> Экологическое образование в системе гуманистической подготовки специалистов в вузе	34
<i>Ясв В. В.</i> Особенности националистических проявлений в Белоруссии	37
<i>Бригадин П. И.</i> Аппарат управления: каким ему быть?	40

ЭКАНОМІКА

<i>Войтович В. М.</i> Природные ресурсы как объект экономических отношений	42
<i>Дубенецкий Н. А.</i> О критериях определения заработной платы	45
<i>Черченко Н. В.</i> Маркетинг и его функции	48
<i>Бесман В. В.</i> Приватизация — важнейшая предпосылка перехода к рынку	50

ПРАВА

<i>Сильченко Н. В.</i> О правовой природе общественных отношений	55
<i>Зубарьков В. Г., Лагойский В. П.</i> К вопросу нормативного определения общественного порядка	58
<i>Бибило В. Н.</i> Взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права	61

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУУШЧЫНЫ (публікацыі і пераклады)

Программа партии народной свободы (конституционно-демократической)	64
<i>Шалькевіч В. Ф.</i> Ацэнкі Канстытуцыі 3 мая 1791 года ў грамадска-палітычнай думцы Беларусі XIX стагоддзя	70

РЭЦЭНЗІІ

<i>Елсуков А. Н., Кисель Н. К. В. И. Овчаренко, А. А. Грицанов.</i> Социологический психологизм: критический анализ	73
<i>Ревяко К. А. Т. Łoposzko.</i> Zarys dziejów społecznych cesarstwa rzymskiego	74
<i>Нілов К. Н. В. Н. Годунов.</i> Аграрный цех предприятия	74

УКАЗАЛЬНИК

**артыкулаў, апублікаваных у «Весніку Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна», серыя 3 (гісторыя, філасофія,
эканоміка, права) у 1991 годзе**

ГІСТОРЫЯ

<i>Баталка Т. І.</i> Нацыянальная палітыка ў галіне народнай асветы Беларусі ў 20-я гады	2	13
<i>Гаммершмідт И. А.</i> Проблема экономических отношений России и Германии в 80-е гг. XIX в. на страницах русских журналов	2	20
<i>Евтухов И. О.</i> «Энхиридион» Аврелия Августина и раннесредневековая концепция человека	1	14
<i>Загорулский Э. М.</i> Из истории возникновения древнерусской народности	2	16
<i>Калюта В. В.</i> Проблемы становления белорусского подполья в начальный период Великой Отечественной войны	3	10
<i>Качалов И. Л.</i> Особенности официальной идеологии российского самодержавия во второй четверти XIX в.	3	15
<i>Коршук У. К., Лемяшонка У. І.</i> Фашызм: злачынныя мэты, злачынныя сродкі	2	3
<i>Лісавы І. А., Равяка К. А.</i> Сацыяльна-эканамічныя аспекты эпохі элінізму ў польскай гістарыяграфіі (1945—1975)	1	17
<i>Медзьянік У. І., Жайваронак А. Б.</i> Камсамол Беларусі ва ўмовах адміністрацыйна-каманднай сістэмы 30-х гадоў	1	3
<i>Мельцер Д. Б.</i> Болгарский этап дипломатической деятельности Ф. Ф. Раскольникова	3	18
<i>Паўлаў У. П.</i> Навукова-педагагічныя работнікі — удзельнікі Мінскага падполья ў гады Вялікай Айчыннай вайны	2	6
<i>Пархімовіч М. М.</i> Новая эканамічная палітыка ў беларускай вёсцы: на пачатку шляху	2	9
<i>Петров К. А.</i> Ритуал и ритуализирующее мировосприятие	1	8
<i>Прохоров А. А.</i> О некоторых символах царской власти у индонанцев в свете гиппологического культа	1	11
<i>Пучкова Л. В.</i> Борьба солдатских масс Западного фронта в 1917 г. за демократический мир	3	3
<i>Пятроў К. А.</i> Сярэдневяковая заходнеўрапейская вайна ў абліччы святочнага дзейства	3	21
<i>Сімакова В. А.</i> З мінулага музычнай культуры Беларусі і Расіі	1	6
<i>Трухнов Б. М.</i> О дефиниции гностицизма	3	13
<i>Фадосік В. А.</i> Хрысціянская царкоўная арганізацыя ў Рымскай імперыі III—пачатку IV ст. (асноўныя тэндэнцыі развіцця)	2	23
<i>Цвыроў Л. Р.</i> Да пытання аб дзейнасці камітэтаў Заходняга фронту ў сакавіку — кастрычніку 1917 г.	3	7

ФІЛАСОФІЯ

<i>Алпеева Т. М.</i> Социальное мифотворчество и общественные процессы	1	24
<i>Анохина В. В.</i> Культурные традиции в структуре экологического сознания	1	27
<i>Белякович Н. Н.</i> Социально-политические проблемы современной концепции социализма	1	40
<i>Бригадин П. И.</i> Аппарат управления: каким ему быть?	3	40
<i>Дунаев В. А.</i> Поэтика диалога М. М. Бахтина	2	38
<i>Елсуков А. Н., Кандричин Н. А.</i> Мировоззренческие основания гносеологических концепций	2	28
<i>Зеленкова И. Л.</i> Традиции и инновации в истории этики (к постановке проблемы)	1	37
<i>Карако П. С.</i> Экологическое образование в системе гуманистической подготовки специалистов в вузе	3	34
<i>Климович А. В.</i> Понятие абсолюта в философии всеединства	2	31
<i>Махмадов А. Н.</i> Миграционная подвижность и ее региональные особенности	2	45
<i>Ма Канмэй, Петушкова Е. В.</i> Человек и творчество в философской мысли Китая	3	28
<i>Мешечек И. И.</i> К определению понятий «антагонистические и неантагонистические противоречия»	2	42
<i>Михайлов А. А.</i> Гносеология Германа Лотце	2	34
<i>Морозова С. А.</i> Личностный потенциал культуры управленческих отношений	3	31
<i>Мушинский Н. И.</i> Этика Аристотеля о проблеме рабства	1	34
<i>Мядель А. П.</i> Некоторые проблемы развития студенческого самоуправления	1	43
<i>Поликарпов В. А.</i> К вопросу о роли речи в мышлении в свете проблемы интуиции	3	24
<i>Рудаков В. П.</i> Диалектическое отрицание — сущность диалектического противоречия и противоположности	1	21

<i>Цыбульская Н. В.</i> Проблемы повышения эффективности управленческого общения	1	31
<i>Ясев В. В.</i> Особенности националистических проявлений в Белоруссии	3	37

ЭКАНОМІКА

<i>Бесман В. В.</i> Приватизация — важнейшая предпосылка перехода к рынку	3	50
<i>Бондарь А. В.</i> Работник на рынке труда	2	51
<i>Войтович В. М.</i> Природные ресурсы как объект экономических отношений	3	42
<i>Дакуко Л. И.</i> Эволюция организации наемного труда	2	48
<i>Дубенецкий Н. А.</i> О критериях определения заработной платы	3	45
<i>Клюня В. Л., Маркова Г. В.</i> Некоторые проблемы мирового продовольственного рынка	1	47
<i>Муталимов М. Г., Фолезинский А. Г.</i> Совершенствование заработной платы в арендных коллективах	1	56
<i>Тарасевич С. Б.</i> Заработная плата при социализме: гносеологические и теоретические аспекты	1	51
<i>Черченко Н. В.</i> Маркетинг и его функции	3	48
<i>Шестакович Э. В., Тростинская В. П.</i> Управление движением кадров на предприятии	1	54

ПРАВА

<i>Белова Т. А.</i> О понятии необходимых доказательств в гражданском процессе	1	60
<i>Бибило В. Н.</i> Взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права	3	61
<i>Зубарьков В. Г., Лагойский В. П.</i> К вопросу нормативного определения общественного порядка	3	58
<i>Кот Т. А.</i> О соотношении справедливости и права в учениях древнегреческих мыслителей	1	67
<i>Макарова Т. И.</i> Конституция Речи Посполитой 3 мая 1791 г. (к 200-летию принятия)	1	55
<i>Неуен Ван Хьен (СРВ).</i> Социально-правовая сущность получения взятки по Уголовному кодексу СРВ	2	58
<i>Сатолин В. Н.</i> Первая кодификация законодательства о браке и семье Белорусской ССР	1	65
<i>Сильченко Н. В.</i> О правовой природе общественных отношений	3	55
<i>Холщ В. М.</i> Система правовой регламентации института уголовной ответственности	1	62

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ (публікацыі і пераклады)

<i>Ильящук Г. И.</i> О чем рассказали старые письма (из личной переписки Ю. О. Мартова 1917 г.)	2	66
Программа партии социалистов-революционеров	2	62
Программа партии народной свободы (конституционно-демократической)	3	64
<i>Шалькевич В. Ф.</i> Ацэнкі Канстытуцыі 3 мая 1791 года ў грамадска-палітычнай думцы Беларусі XIX стагоддзя	3	70

НОВАЕ У ВУЧЭБНЫМ ПРАЦЭСЕ

<i>Зеленков А. И.</i> Современный образ философии в структуре социально-гуманитарного образования	2	70
---	---	----

ХРОНІКА

<i>Героименко В. А., Дубинин И. И.</i> Логика, методология и философия науки	1	72
--	---	----

РЭЦЭНЗІІ

<i>Городнюк В. Г. А. Г. Тиквенко.</i> Кадровая политика в условиях перестройки	1	75
<i>Елсуков А. Н., Кисель Н. К. В. И. Овчаренко, А. А. Грищанов.</i> Социологический психологизм: критический анализ	3	73
<i>Желуднович Л. А. А. Н. Алпеев.</i> От застоя к перестройке	2	78
<i>Жмуровский С. Д. А. Н. Мерцалов.</i> Великая Отечественная война в историографии ФРГ	2	73
<i>Игнатенко А. П., Теплова В. А., Сосно В. А. В. П. Панютнич.</i> Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861—1990 гг.	1	76

<i>Казаков Ю. Л., Романовский И. Ф.</i> Ленинская концепция социализма	2	77
<i>Карлюк А. С. Н. И. Жуков.</i> Философские основания математики	2	75
<i>Каракo П. С.</i> Современное естествознание в системе науки и практики	2	76
<i>Лісавы І. А., Равяка К. А. П. Попова, И. Тодоров.</i> Велізар Велков: Биобібліографія	2	76
<i>Локотко А. И. М. Ф. Пилипенко.</i> Возникновение Белоруссии	2	79
<i>Мартинoвич И. И. В. М. Семенов.</i> Правоохранительные органы в СССР	1	78
<i>Нилов К. Н. В. Н. Годунов.</i> Аграрный цех предприятия	3	74
<i>Носов В. А.</i> Советское семейное право	1	79
<i>Пилипенко М. Ф. Э. Г. Иоффе.</i> Из истории белорусской деревни	2	73
<i>Равяко К. А. Т. Łoposzko.</i> Zarys dziejów społecznych cesarstwa rzymskiego	3	74
<i>Сакович М. В.</i> Социалистическая система хозяйства: Содержательно-логические схемы	1	76
<i>Филипенко С. И. Г. А. Космач.</i> Кризис германского либерализма в годы Веймарской республики	2	74
<i>Ханкевіч В. І., Равяка К. А.</i> Античная история и культура в ЧССР; <i>І. А. Лісовий.</i> Вивчення античності в Чехословацькій Соціалістичній Республіці	1	77

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

<i>Юсіф Аляксандравіч Юхо</i>	2	79
---	---	----

ПРАВИЛА ПОДГОТОВКИ РУКОПИСЕЙ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ

1. Статьи, напечатанные на пишущей машинке через два интервала на одной стороне листа, представляются в редакцию редколлегией в двух экземплярах.

2. Объем статьи не должен превышать 8 страниц машинописного текста (включая приложения).

3. К статье должны быть приложены: рекомендация кафедры, рецензия и сведения об авторе (место работы, должность, адрес, рабочий и домашний телефоны).

4. Формулы и буквенные обозначения необходимо аккуратно и разборчиво вписать в два экземпляра от руки темными чернилами и разметить карандашом: греческие буквы обвести красным карандашом; латинские подчеркнуть волнистой чертой; прописные — двумя черточками снизу ($\underline{\underline{A}}$), строчные — двумя черточками сверху ($\overline{\overline{a}}$). Следует различать буквы O (прописную), o (строчную), 0 (ноль), для чего буквы O и o подчеркивают двумя черточками и ноль отмечают квадратной скобкой снизу ($\underline{\underline{O}}$, $\underline{\underline{o}}$, $\underline{\underline{0}}$). Необходимо различать в написании буквы l (эль), e , а также l и l (йот), для чего l пишут, как римскую единицу, подчеркивая ее двумя черточками снизу.

5. Рисунки (не более 3 для статьи и не более 2 для краткого сообщения) представляют в двух экземплярах в виде графиков, схем, фотографий отдельно от текста; фотографии, отпечатанные на глянцевой бумаге с накатом, должны иметь четкое и контрастное изображение. Чертежи и схемы выполняют тушью на плотной бумаге или кальке 150×200 мм. На обороте карандашом необходимо указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка.

6. Таблицы и подписи к рисункам следует печатать на отдельных листах. Кривые на рисунках нумеруются арабскими цифрами, которые расшифровываются в подписях к рисункам. Представление одного и того же материала в виде таблиц и рисунков не допускается. Места для таблиц и рисунков необходимо указать на полях рукописи.

7. Список литературы дается в конце статьи на отдельном листе и оформляется следующим образом:

а) для книг: фамилия и инициалы автора, полное название книги, место издания, год издания, страницы;

б) для журнальных статей: фамилия и инициалы автора, принятое сокращенное название журнала, год издания, том, номер выпуска, страницы. В списке литературы не должно быть работ, на которые нет ссылок в тексте статьи.

8. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации и авторефераты не допускаются.

9. В случае возвращения статьи автору для доработки первоначальный текст статьи необходимо вернуть в редакцию. При задержке статьи автором на месяц и более первоначальная дата поступления не сохраняется.

10. Корректурa статьи с исправлениями ошибок типографии за подписью автора должна быть через три дня после ее получения возвращена в редакцию. Изменения и дополнения как в тексте, так и в рисунках (таблицах) не допускаются.

11. Редакция оставляет за собой право производить редакционные изменения и сокращения рукописей.